

ВВЕДЕНИЕ

Сейчас в науке все больше выдвигается на передний план задача специального изучения мышления. Четыре группы практических и теоретических проблем играют особенно важную роль в этом движении.

Первая относится к методологии научного исследования. Все большее число ученых в настоящее время осознает связь своих специальных наук о теории знания и мыслительной деятельности. В XIX в. об этом говорили лишь немногие, а сейчас эту мысль выдвигает и обосновывает уже довольно широкий круг ведущих ученых — физиков, химиков, биологов, геологов, лингвистов, математиков. «Наш мозг с трудом привыкает к новым формам мышления. Мы можем научиться пользоваться ими, только выработав новый адекватный язык. Эта задача стоит сейчас перед философами и физиками, и они обязаны разрешить ее совместными усилиями для облегчения эволюции человеческого рода». Эти слова принадлежат видному французскому физiku П. Ланжвену. Не менее категорично формулируют подобные же требования А. Эйнштейн, С. Вавилов, П. Дирак, Н. Бор, А. Несмеянов.

Изменение взглядов ученых на роль теории знаний не является случайным: оно отражает объективные изменения в характере наук. Если первоначально предметом исследования были отдельные объекты и явления, рассматривавшиеся с разных, но не связанных между собой сторон, то теперь основным предметом наук повсеместно становятся связи между этими сторонами и системы связей. С переходом к таким предметам изучения неизмеримо усложнились «техника» или «технология» самой исследовательской работы. А знания о ней почти не выросли, не развились, они остались примерно на том же уровне, что и две тысячи лет назад. Но такое положение вещей приводит к тому, что всякий исследователь, прежде чем начать думать непосредственно над своим предметом, согласуясь с необходимыми правилами и нормами логики, предварительно вынужден потратить много времени и сил на продумывание и разработку методов, какими он будет изучать предмет. И нередко это является повторением того, что было уже один или много раз изобретено. Таким образом сказывается опасная диспропорция между развитием научной мысли, с одной стороны, и развитием науки о методах мышления, с другой.

Слабое развитие теории науки снижает общую культуру научно-теоретического мышления, и более того, в ряде случаев вообще не дает возможности решить проблему. Каждое крупное научное открытие вместе с тем шаг в развитии «техники» мышления, усовершенствование его способов. Но эта внутренняя сторона научного прогресса часто умирает вместе с исследователем, а человечеству пока достается лишь «внешний» продукт его работы.

Так общий ход развития науки все настойчивее ставит задачу: выделить и выразить в обобщенных правилах сокровенную сторону мышления, его приемы и способы, его «технологию».

Вторая группа явлений, делающих крайне необходимой специальную разработку теории мышления, связана с организацией и хранением уже накопленных знаний. Темпы развития науки нарастают. Объем знаний быстро увеличивается. Растет дифференциация и специализация. На съездах, даже внутри одной секции, ученые нередко перестают понимать друг друга. Многие исследователи говорят, что легче самому решать все частные проблемы, чем читать все то, что пишется по поводу их в текущей литературе. Все чаще начинают повторяться в разных местах одни и те же исследования. Человечество уже приблизилось к такому моменту, когда оно не сможет полностью «переваривать» и использовать накопленные знания. Чтобы этого не случилось, надо непрерывно вести работу по классификации знаний, отсеиванию ненужных, надо непрерывно обобщать и, образно говоря, «уплотнять» их. Для этого, в свою очередь, нужно знать строение всех существующих видов знания, законы их развития и обобщения.

Подобную же задачу — исследовать строение научных знаний и операций мышления — ставит процесс обучения. Уже давно мы говорим о перегрузке школьников, а объем знаний,

который им необходимо усвоить, непрерывно растет и будет расти в связи с возрастающей механизацией и автоматизацией производства. Где же выход? Решение проблемы может заключаться только в изменении характера учебного процесса, и предельной рационализации его. Ребенок должен усвоить максимум обобщенного знания в минимальные сроки, а педагог должен организовать такое усвоение. Но для этого он прежде всего должен знать, что усваивает ребенок, что представляют собой знания и мыслительные операции, каково их строение. Только в этом случае он сможет эффективно и быстро учить детей. Это — третья группа явлений, делающих неизбежным интенсивное развитие науки о мышлении.

Четвертый круг проблем ставится задачей автоматизации некоторых процессов умственного труда. Анализ показывает, что основные затруднения здесь возникают не столько из-за технических моментов, сколько из-за того, что мы не знаем природы, строения тех процессов, которые хотим автоматизировать. Например, тезис, что некоторые процессы мышления надо передать машине, получил сравнительно широкое признание среди математиков и инженеров. Но нужно еще выяснить, что такое мышление. Подавляющее большинство из тех, кто пишет на подобные темы, смешивает мышление с физиологическими процессами в мозгу. Это очень облегчает рассуждение, но нисколько не продвигает техническое моделирование мышления. Таким образом, и здесь мы приходим к необходимости специального изучения мышления, в частности, мыслительных процессов.

Таковы факторы, определяющие необходимость широкого развития науки о мышлении, превращения ее в производственно значимую науку. Сегодня они уже громко говорят о себе, настолько громко, что не будет, по-видимому, преувеличением, если мы скажем, что уже в ближайшие десятилетия мышление станет одним из важнейших предметов научного исследования и технического моделирования.

Но до сих пор именно этот предмет — как особое и целостное образование — меньше всего изучался и разрабатывался. К мышлению подходили с разных сторон логика и языкознание, психология и методология, теория познания и антропология. Но ни одно из частичных представлений, созданных в этих науках, не может удовлетворить те запросы и требования, которые выдвигаются в настоящее время. Необходимо совершенно новое расчленение объекта, выделение новых сторон и переосмысление уже известных. В этой связи с особенной остротой встает вопрос об исходных понятиях и принципах, на основе которых может быть построена новая теория. Важно выделить главные из тех требований, которые будут определять их, а вместе с тем лицо всей теории и ее отношение к уже существующим концепциям логики, психологии и языкознания. Нужны, таким образом, принципиальные методологические исследования, разъясняющие исходные понятия теории мышления. Но это — только одна из сторон дела. Не менее важны конкретные исследования отдельных частей, разделов или даже аспектов языка и мышления.

Мы выбрали для первоначального анализа так называемые *атрибутивные структуры*. Это — одна из простейших и исходных подсистем «языкового» мышления». В атрибутивных структурах фиксировались первые знания о свойствах объектов. И до сих пор они или подобные им образования превалируют во многих областях и сферах практической деятельности. Но значение атрибутивных структур не исчерпывается этим. Они были не только простейшей и исходной системой языка и мышления, но явились вместе с тем той логической формой, в которой долгое время выражались знания всех других категориальных типов. Во многих областях это явление сохраняется и до сих пор. Именно атрибутивные структуры языкового мышления явились тем материалом, на основании которого Аристотель построил свою теорию выводного знания и положил начало «аналитике» или формальной логике. Именно в связи с этим частным видом языково-мысленных структур были построены первые исчисления математической логики и до сих пор ведутся философские дискуссии о структуре знания вообще, о природе знака и его значении. К этому можно добавить, что до сих пор по сути дела все теории определения ориентированы исключительно на атрибутивные структуры. Все это делает актуальным и значимым их анализ: мы можем рассчитывать здесь на важные результаты как в плане получения новых данных о строении элементов языкового мышления, так и в плане критики идеалистических и позитивистских спекуляций на этих проблемах.

Поскольку атрибутивные структуры являются простейшими, мы можем рассчитывать на сравнительную легкость их анализа и, вместе с тем, на то, что вопросы, остро дискутируемые в современной логической и лингвистической литературе, получат здесь наиболее точное и наглядное выражение. До сих пор понятия «смысла», «содержания», «значения» и «знака» остаются камнем преткновения для логики и лингвистики. В работе делается попытка по новому определить и охарактеризовать все эти понятия.

Методологическую основу для нее составляет метод восхождения от абстрактного к конкретному, разработанный Гегелем и Марксом. Это — особого рода дедукция, производимая на специальных структурно-функциональных моделях. В исходном пункте ее задается так называемая «клеточка» системы и генетические, конструктивные принципы ее развертывания. Эмпирический материал, зафиксированный в разных науках — логике, психологии, языкознании — постоянно используется, но, вместе с тем, не служит критерием истинности дедуктивно развертываемых моделей. Полученные в ходе развертывания схемы интерпретируются на эмпирический материал, но последний служит лишь в качестве примеров и иллюстраций: лишь часть его моментов и сторон выводится и объясняется из моделей. Этот момент отражается и на структуре книги: эмпирические экскурсы лишь дополняют генетическую дедукцию, указывая ей конечную цель.

Сейчас — как в логике, так и в лингвистике — широко применяется членение знаков и знаковых структур: синтактика, семантика, прагматика. Один из важных результатов этого исследования, проведенного методом восхождения от абстрактного к конкретному, состоит в том, что удалось показать, что это членение является не столь уж обязательным и что на базе новых методов можно построить такие модели знаков и знаковых структур, в которых прагматические, семантические и синтаксические аспекты выступают как нечто единое. При этом не происходит обеднение моделей, а наоборот, они оказываются значительно более богатыми, чем модели, построенные на базе традиционного трехаспектного членения. Наверное можно также утверждать, что само это членение выражало отнюдь не объективную природу знака, а лишь неадекватность тех методов, которыми в 50-е годы располагали позитивисты и операционалисты прагматического толка. Точно так же, метод восхождения дает возможность не останавливаться на тезисе значений как чистых употреблений, сформулированном представителями английских школ языка, а дает возможность пойти дальше и показать действительное место и роль «употребления» в мыслительной и речевой деятельности.

В основе работы лежат представления о социальной, общественной деятельности, одним из моментов которой являются знаковые структуры. Уже на базе развернутых представлений о деятельности вводятся семиотические представления знака и его компонент. Такой подход особенно важен потому, что он дает возможность развивать генетические понятия не только логики, но и языкознания. Построение абстрактной теории атрибутивных структур тотчас же дало свои результаты в исследовании конкретных структур русского языка и истории их развития (см.: Г.И. Климовская. Из истории атрибутивных отношений в русском языке. Опыт логико-лингвистического исследования. Автореферат канд. диссертации. Томск, 1965г.), и может быть эффективно использовано при исследовании других языков. Уже сейчас очевидно, что полученные здесь знания могут быть использованы в исследованиях по психологии и педагогике, а также в самых разнообразных исследованиях по методологии науки. Недавно появившиеся первые английские работы по содержательно-генетической логике (см.: И. Лакатос. Доказательства и опровержения. Москва, 1967г.) убеждают нас в продуктивности такого рода исследований не только в области простейших форм речи и мышления, но также и в сферах наиболее высокого современного научного мышления, в частности, в сфере математики.

Двигаясь новыми путями, нельзя избежать ошибок. Поэтому, наверняка, их окажется достаточно много и в этой работе. Но главным для нас является лишь один вопрос: насколько оправдан и продуктивен развернутый в этой работе метод исследования. Если в целом он подходит, то отдельные погрешности и ошибки будет не так уж трудно устранить.

I. НОМИНАТИВНОЕ ЗНАНИЕ

Глава 1 (А). ОТДЕЛЬНОЕ НОМИНАТИВНОЕ ЗНАНИЕ

§ 1

Атрибутивным знанием мы будем называть знание, полученное посредством одной или нескольких операций «практически-предметного сравнения». Его строение, т.е. характер отражаемого объективного содержания, характер связи значения между содержанием и формой, а также строение самой формы (характер связей между входящими в нее знаками), определяется характером и числом этих операций. Поэтому, чтобы исследовать строение атрибутивного знания, мы должны прежде всего исследовать строение порождающей его операции практически-предметного сравнения.

Чтобы иметь возможность рассмотреть функциональное строение этой операции в «чистом виде», мы должны отвлечься пока от всех генетических связей. Мы должны предположить, что языковое мышление уже возникло и что существует способность называния или номинации, но пока еще нет способности связывать знаки между собой. Мы должны предположить, что сама эта операция практически-предметного сравнения осуществляется регулярно и стала обычной, что каждый из предметов, используемых каким-либо определенным образом в практике коллектива, используется только каким-либо *одним* способом и что, следовательно, из всего бесконечного многообразия его свойств пока реализуется и, соответственно, выдвигается на передний план только какое-либо одно. Мы должны предположить также, что каждый из этих предметов уже имеет название, и только одно. После всех этих предположений мы можем начать анализ операции практически-предметного сравнения.

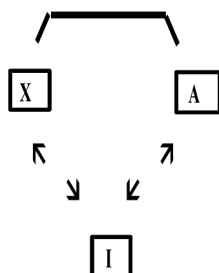
Пусть какой-то предмет **X** впервые попадает в сферу коллективного производства. Чтобы обнаружить какое-либо из его непосредственно-чувственно не воспринимаемых свойств, надо поставить его в отношение реального взаимодействия с каким-либо другим предметом (обозначим его буквой **I** и будем называть *предметом-индикатором*). Например, чтобы выяснить, плавает ли этот предмет, «плавуч» он или нет, мы должны привести его во взаимодействие с водой. Чтобы выяснить, горит этот предмет или нет, мы должны попробовать его зажечь, т.е. должны привести его во взаимодействие с огнем. Этого практически установленного отношения взаимодействия достаточно для *обнаружения* свойства предмета **X**, но, чтобы *сообщить* об обнаруженном свойстве и, соответственно, об обнаруженном возможном способе использования предмета **X** другим членам коллектива, человек, оперировавший с предметом **X**, должен еще *идеально, в представлении*, сопоставить его с каким-либо другим предметом **A**, обладающим тем же свойством и используемым членами данного коллектива *только со стороны этого свойства*, т.е. *только в этом отношении* (мы будем называть такой предмет *эталон*), он должен *отождествить* предмет **X**, взятый в отношении к предмету **I**, с этим предметом-эталон **A** и, благодаря этому, *отразить* обнаруженное свойство предмета **X** в предмете **A**. На языке взятых нами примеров это означает, что предмет **X** необходимо *сопоставить* и *отождествить* с предметом, известным всем членам коллектива своей плавучестью, с предметом, из материала которого данный коллектив обычно изготавливает лодки, или, во втором случае, — с предметом, известным своей горючестью. Прделанное таким путем отождествление позволяет обозначить вновь вошедший в сферу коллективного производства предмет **X** тем же знаком (**A**)¹, что и давно известный предмет **A**, со строго закрепленным способом использования. Установление взаимосвязи обозначения между предметом **X** и знаком (**A**), в свою очередь, позволяет зафиксировать обнаруженный способ использования предмета **X**, а соответственно, и сам предмет в *языковом мышлении* коллектива.

Нетрудно заметить, что разобранный операция практически-предметного сравнения, как и все другие операции мышления, складывается из двух существенно различных и, в то же время, органически связанных между собой действий:

— во-первых, **сопоставления** (в реальном взаимодействии и идеально, в представлении) трех предметов — $\boxed{I}$, $\boxed{X}$ и $\boxed{A}$;

— во-вторых, **отнесения** знака (A) к одному из этих предметов, именно к предмету X .

Наглядно-схематически система отношений сопоставления может быть изображена формулой:

где: - символы $\boxed{X}$, $\boxed{A}$ и $\boxed{I}$ обозначают сопоставляемые предметы;
 - символы $\leftrightarrow$ — отношения реального взаимодействия,
 - а символ $\overbrace{\quad}$ — отношение идеального отождествления.

Точно так же взаимосвязь знания, сложившаяся после действия отнесения, наглядно-схематически может быть изображена формулой

$$X \text{ — } (A),$$

где: - символ X обозначает исследуемый предмет с его выделенным свойством;
 - символ (A) обозначает знак, в котором отражается этот предмет;
 - а символ — — обозначает **связь значения** между знаком и обозначаемым им объективным содержанием.

Заметим также, что отождествление предметов X и A (взятых в одном определенном отношении) в действии сопоставления является **основанием** для установления связи знания, обозначения между предметом X и знаком (A) в действии отнесения, иначе — сопоставление является **условием** и **предпосылкой** отнесения. Однако, в полученной в результате всего этого процесса взаимосвязи знания $X \text{ — } (A)$ порождающие ее отношения сопоставления полностью «сняты», элиминированы, и обнаружить их в ней непосредственно невозможно.

Разобранная операция сравнения, как легко видеть, принадлежит еще к тому этажу мышления, на котором последнее еще не отделилось от практической деятельности с реальными предметами. Образующее ее сопоставление складывается из двух отношений **реального** взаимодействия: $\boxed{X} \leftrightarrow \boxed{I}$ и $\boxed{A} \leftrightarrow \boxed{I}$, которые человек устанавливает между предметами в процессе своей практической деятельности. Каждое из них, если брать его само по себе, не содержит ни грана мышления. Третье отношение, входящее в это сопоставление, — идеального отождествления предметов A и X — тоже не является специфически мыслительным: это отношение устанавливается через посредство чувственных образов-восприятий или представлений предметов X и A . Причем, это идеальное, чувственное отношение играет вторичную роль. Если его изолировать, то вообще станет непонятным, как оно может быть установлено: чувственность сама по себе, в общем случае, не дает никаких оснований для отождествления предметов X и A .

Таким образом, из трех отношений, образующих сопоставление операции практически-предметного сравнения, ни одно не является мыслительным: два из них — чисто практические, а третье — чувственное. Но вместе они образуют одну из простейших операций собственно мышления. Следовательно, то, что специфично для мысли, — есть **определенная взаимосвязь** между тремя не-мыслительными отношениями. Так как два отношения, составляющих это сопоставление, представляют собой **реальные взаимодействия** между предметами, устанавливаемые в процессе труда, то мы называем всю эту операцию сравнения **«практически-предметной»**.

Прежде чем перейти к дальнейшим этапам анализа, нам важно отметить еще одно обстоятельство. Результатом операции практически-предметного сравнения является взаимосвязь знания $X — (A)$, в которой знак (A) обозначает *один* предмет X . Однако, эта взаимосвязь сама возникла лишь на основе подобной же взаимосвязи $A — (A)^2$ и, следовательно, знак (A) , если брать его самого по себе, вне того или иного единичного употребления, обозначает не один предмет, а, по крайней мере, два. Фактически же он, конечно, обозначает не два предмета, а целое множество их. Ведь очевидно, что когда в сферу коллективного производства попадают новые предметы $Y, Z, \dots$, они точно таким же образом сопоставляются с известными уже предметами A или X и (в зависимости от результатов сопоставления) получают или не получают соответствующее обозначение (A) . Результатом таких многократно повторяемых актов «сопоставления-отнесения» является то, что каждый знак языка вступает в связь уже со многими реальными предметами.

§ 2

Знание $X — (A)$, образованное посредством одной операции практически-предметного сравнения, является простейшим видом знания атрибутивного типа. Мы будем называть его *атрибутивно-номинативным* или просто — *номинативным*.

Результат сопоставления предметов X и A и операции практически-предметного сравнения может быть двояким. В одном случае мы обнаруживаем, что предметы X и A ведут себя относительно предмета-индикатора I одинаково (одинаково — с точки зрения данного уровня развития производства и потребностей); это дает нам возможность «отождествить» предметы X и A , на основании этого «перенести» название предмета A на предмет X и, таким образом, выработать знание $X — (A)$. В другом случае мы обнаруживаем, что сопоставляемые предметы X и A ведут себя относительно предмета-индикатора I различным образом (опять-таки, с точки зрения существующего уровня развития производства и потребностей); поэтому мы не можем перенести название предмета A на предмет X , не можем образовать никакого знания и должны перейти к новым «поискам», новым сопоставлениям: либо предмета X с другими эталонами и относительно других индикаторов, либо иных предметов $Y, Z, \dots$ с тем же эталоном и относительно того же индикатора. В первом случае мы будем говорить о *положительном результате* операции практически-предметного сравнения, во втором случае — об *отрицательном результате* этой операции.

Необходимо специально отметить, что пока речь идет *не* о положительном и отрицательном *знаниях*, а о *положительном* и *отрицательном результатах* операции практически-предметного сравнения. Пока отрицательный результат практически-предметного сравнения просто не учитывается, не фиксируется в специальном знании. Отрицательное знание как особый вид знания (и, соответственно, как особый положительный результат «отрицательного сопоставления») возникает значительно «позднее» и в особых условиях (об этом см. §16), а пока «отрицательное сопоставление» дает не отрицательное знание, а отрицательный результат, т.е. просто *не дает никакого знания*.

Поэтому мы должны сосредоточить все свое внимание на исследовании *положительных результатов* практически-предметного сравнения. Строение номинативного знания, так же как и любого другого атрибутивного знания, полностью определяется характером действий сопоставления и отнесения, составляющих операцию практически-предметного сравнения. В характеристику строения всякого знания, как мы уже не раз говорили, входит: *во-первых*, определение *типа* отражаемого в этом знании *содержания* или *категориальная характеристика* знания, *во-вторых*, определение *связи значения* между объективным содержанием и формой, *в-третьих*, определение строения *формы*, т.е. определение числа знаков в ней и их связей между собой. В том случае, когда знание получается посредством нескольких операций мышления, оно имеет сложную форму и связь каждого из знаков такой формы с объективным содержанием опосредованна связью этого знака с другими знаками формы. Это крайне затрудняет исследование связи значения такого знания. В данном случае этой трудности нет. Номинативное знание вырабатывается посредством *одной операции* практически-предметного сравнения; его форма, в силу этого, состоит

только из одного знака, и поэтому из всех характеристик строения у него остаются только характеристика содержания и характеристика связи значения. Но это значит, что на примере этого знания можно рассмотреть связь значения атрибутивного знания «в чистом виде», никак не измененную, не модифицированную влиянием связей знаков внутри самой формы. Точно так же, именно на примере этого знания легче всего выяснить категориальные характеристики отражаемого в нем содержания и зависимость от него связи значения. Но, чтобы сделать это, мы должны еще раз вернуться к рассмотрению действий сопоставления и отнесения, образующих операцию практически-предметного сравнения.

Из уже сделанного анализа отношений сопоставления ясно, что атрибутивный знак (**A**) должен обозначать прежде всего выделенное в процессе труда *свойство* или *способ использования* предметов **X**, **Y**, **Z**, Ведь каждый из этих предметов берется в отношении к предмету **I** и лишь в этом отношении сопоставляется с предметом **A** (или с каким-нибудь другим), который выступает как олицетворение и субстанциальное выражение одного единственного свойства, именно, — проявляющегося в отношении к **I**. А раз так, знак (**A**), обозначающий предмет **A** (или какой-либо другой) как олицетворение одного определенного свойства, соответственно, — одного способа использования, — может обозначать лишь одно *это* свойство, один *этот* способ использования предметов **X**, **Y**, **Z**, И это вполне естественно, так как человеческий коллектив интересуется прежде всего (а на ранних этапах развития даже исключительно) этой стороной в предметах окружающего мира. Мы будем называть это объективное содержание, обозначаемое атрибутивным знаком языка, **абстрактным содержанием**.

Но после сделанного сопоставления знак (**A**) относится не к отношению предметов **X** и **I**, **Y** и **I** или **Z** и **I**, а отдельно к каждому из этих предметов — **X**, **Y** или **Z** (через их чувственные образы), к каждому из них в целом, и никак иначе отнесен быть не может. Но это значит, что во взаимосвязи номинации атрибутивный знак (**A**) должен обозначать каждый из предметов **X**, **Y** или **Z** как целое, со всем множеством его еще не открытых, не выявленных свойств. Мы будем называть это объективное содержание, обозначаемое атрибутивным знаком языка, **содержанием метки**.

Поскольку человеческий коллектив интересуется прежде всего практически важными свойствами или способами использования предметов окружающего мира, а не их чувственными образами, постольку для него являются тождественными все одинаково (одинаково — с точки зрения данного уровня развития потребностей и производства) используемые предметы. Это обстоятельство, собственно, и является *основанием* для отождествления предметов **X** и **A** (или **Y** и **A**; **Z** и **A**...) в действии сопоставления и оно наглядно выражено в формуле каждого единичного сопоставления. Но это значит, что один и тот же атрибутивный знак (**A**) может быть отнесен ко многим предметам **X**, **Y**, **Z** ... , и это тождество языкового обозначения предметов **X**, **Y**, **Z** ... «вещественно» и в общей для всех членов коллектива форме будет выражать то, *что* практическая деятельность превращает в опыт, именно, что эти предметы *одинаково служат* человеку, что они удовлетворяют одну потребность и обладают **общим** свойством. Их чувственно-воспринимаемые признаки при этом могут не совпадать, представления, вызываемые ими у человека, могут быть весьма различными, но это не мешает им называться *одним* именем. Поскольку атрибутивный знак (**A**) может быть отнесен ко многим предметам, постольку он выступает членом многих взаимосвязей номинации, постольку он обозначает *класс предметов*. Мы будем называть это объективное содержание, отражаемое атрибутивным знаком языка, **содержанием обобщения**.

Эти три составляющих объективного содержания знака формы в атрибутивно-номинативном знании, т.е. в знании, полученном посредством операции практически-предметного сравнения, *неразрывно связаны друг с другом*. Только благодаря тому, что в первом действии мы сопоставляем *два* и притом *различных* предмета, мы можем выделить одну сторону каждого из них (именно — общую обоим) в противоположность всем другим сторонам. Если бы мы не сопоставляли два предмета, или если бы эти предметы — допустим такой случай — были тождественны друг другу именно как целое, во всем множестве своих свойств, то никакого выделения одной, тождественной стороны в противоположность другим, различным сторонам — не было бы, а вместе с этим *не было бы акта абстрагирования*

и *атрибутивный знак не имел бы своего абстрактного содержания*. Иначе говоря, само выделение одной стороны предметов в знаке, само содержание абстракции как *особое* содержание становится возможным только благодаря тому, что происходит обобщение. Но и обратно: обобщение двух различных предметов, т.е. обозначение их одним знаком, возможно только потому, что сопоставляемые предметы могут быть взяты в практически одном и том же отношении, обладают одним и тем же свойством, и это свойство может быть выделено в абстракции в противоположность всем остальным свойствам каждого из этих предметов.

Точно так же, чтобы стать полноценным знанием об объективном мире, абстракция и обобщение, фиксированные в знаке, после сопоставления должны быть отнесены к определенным предметам. При этом, обнаруженное в отношениях сопоставления свойство выступает уже не как реализованное отношение одного предмета к другому, а как способность самих предметов вступать в эти отношения, способность, заложенная в них как в таковых и независимая от тех или иных реально установленных отношений. Иначе говоря, чтобы содержание, фиксированное в атрибутивном знаке, стало свойством предмета, этот знак должен быть отнесен к предмету. Но и наоборот: чтобы *отнести* какой-либо «обобщенный» знак к целостному предмету, надо найти и выделить в нем *отдельное* свойство, фиксированное в этом знаке.

Таким образом, в объективное содержание номинативного знания, образованного посредством операции практически-предметного сравнения, входят три компоненты: *абстрактное содержание, содержание метки и содержание обобщения*.

Это значит, что знак, входящий в такое номинативное знание, всегда обозначает какую-то отдельную сторону предмета, предмет в целом и класс предметов, обладающих выделенной стороной. При этом важно отметить, что стороны предметов, отражаемые в таком знании, носят принципиально иной характер, нежели стороны предметов, открываемые одним чувственным созерцанием. Операция практически-предметного сравнения дает возможность открывать в предметах такие *стороны-свойства*, которые недоступны одному чувственному восприятию. Вряд ли кто-нибудь будет оспаривать тот факт, что «горючесть», «плавучесть», «твердость», «растворимость» и подобные им свойства *нельзя созерцать*. Но так обстоит дело с большинством содержаний, фиксируемых в знаках современного языка.

И по-видимому — не только современного. Вся совокупность имеющихся у нас фактов по этнографии и детскому развитию, а также понимание основных закономерностей развития языкового мышления *из и на основе* процессов труда (изложенное в **Главе 4**) заставляет предположить, что на ранних этапах развития языкового мышления с каждым атрибутивным знаком была связана масса совершенно не сходных друг с другом представлений. И основанием их связи и объединения было отнюдь не чувственное сходство, а лишь сходство в способе использования соответствующих предметов. То положение, которое мы наблюдаем в настоящее время, когда многим знакам языка соответствуют совершенно однородные группы представлений и, наоборот, когда все группы предметов, имеющих сходные представления, получили свои отдельные названия, — это положение дел является, по-видимому, результатом весьма длительного развития человеческого общества, в частности, процессов труда, а вслед за ними и речи. Система языка в целом — с самого начала и до конца — развивается иначе, чем чувственное отражение, и независимо от последнего. Но, по-видимому, в какой-то момент исторического развития в системе языка возникает особый отдел, задача которого состоит в том, чтобы зафиксировать в знаках языка все те стороны предметного мира, которые уже отражены в чувственности. Человек как бы заново — в языковом мышлении — переоткрывает мир, уже один раз данный ему, как всякому животному, в чувственности³. Но *в целом* абстрактное содержание языка остается принципиально иным, нежели абстрактное содержание чувственности, и, в соответствии с этим, остаются принципиально иными *основания* объединения предметов в классы, то есть — содержание обобщения. Иначе говоря, абстрактное содержание и содержание обобщения атрибутивных знаков языка существенно отличны от абстрактного содержания и содержания обобщения чувственности и образуют *специфику* мышления, *несводимую* ни к одной чувственной форме.

Этого нельзя сказать относительно содержания метки. Как мы уже выяснили, после проделанного сопоставления в операции практически-предметного сравнения атрибутивный знак (**A**) относится *не к отношению* предметов **X** и **I**, **Y** и **I** или **Z** и **I** ... и *не к свойству* предметов **X**, **Y**, **Z** ... как таковому, а к *самим* этим предметам **X**, **Y** или **Z** *через их чувственные образы*, и никак иначе отнесен быть не может. Чувственные образы предметов являются тем *посредствующим элементом*, с помощью которого мы превращаем абстракцию, выраженную в знаке языка в *реальное предметное знание*. Наглядно-схематически эту взаимосвязь можно изобразить в формуле:

$$X — O_x — (A),$$

где символом **O_x** обозначается чувственный образ предмета **X**.

Таким образом, хотя, в соответствии с общим характером сопоставления в операции практически-предметного сравнения, атрибутивный знак (**A**) должен обозначать только свойства предмета **X** (**Y** или **Z**), — во взаимосвязи отнесения он связан с обозначаемым предметом *через его чувственный образ* и, следовательно, *замещает* этот чувственный образ, выступает как *его обозначение*.

И, с другой стороны, чувственный образ *всего* предмета, индифферентный к тем или иным отдельным практически выделяемым свойствам, замещается или обозначается знаком, фиксирующим только одно, отнюдь не чувственное свойство предмета. Иначе говоря, поскольку мы всегда относим отдельный атрибутивный знак языка к предмету в целом, тот или иной чувственный образ этого предмета выступает как эквивалентный заместитель и выражение *отдельного* свойства предмета, а атрибутивный знак, по происхождению своему обозначающий только отдельное чувственно не воспринимаемое свойство предмета, выступает как эквивалентный заместитель и выражение того или иного чувственного образа *всего* предмета.

§ 3

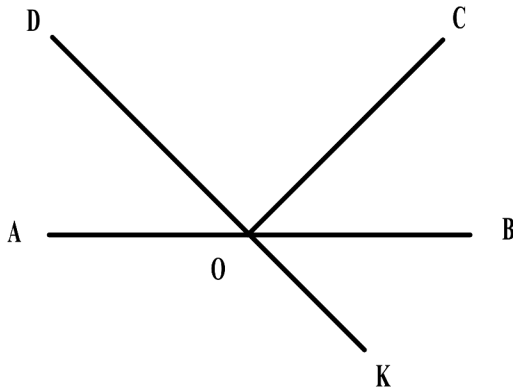
Это <последнее> обстоятельство очень часто является причиной того, что в процессе мышления мы как бы «перескакиваем» на уровень чувственного отражения, перестаем учитывать специфически мысленное абстрактное содержание знаков языка и начинаем ориентироваться по содержанию метки и связанному с ним абстрактному содержанию чувственности.

Многочисленные примеры такого явления дает нам психология мышления и, в частности психология обучения мышлению. Правда, все эти примеры относятся уже к более сложным видам мышления, чем то, которое мы разбираем, однако, и они могут служить хорошей иллюстрацией и пояснением к выдвинутому общему положению.

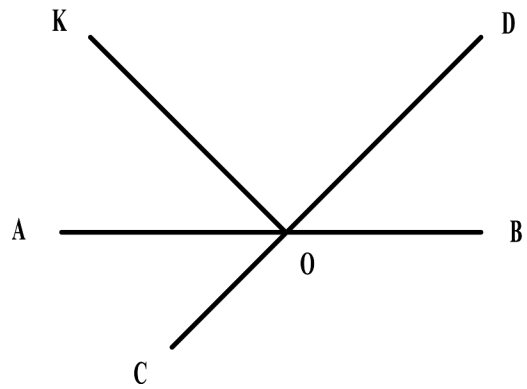
В опытах Н.Ф. Талызиной, например, обнаружилось, что учащиеся 5-го класса называли прямой линией, как правило, только горизонталь, наклонные же для них были не прямыми, а «косыми»⁴. Этот факт можно объяснить только одним способом. Учащиеся 5-го класса при введении понятия «прямая» не выделили тех *свойств* линий, которые образуют *специфически мысленное, абстрактное содержание* этого понятия, а ориентировались на другие, чисто *чувственные* свойства линий, данных на чертеже. Фактически, эти учащиеся не смогли усвоить или выработать для себя *понятие* прямой, а просто связали этот термин с чувственным образом горизонтальных линий.

В.И. Зыкова столкнулась с тем же самым явлением при работе учащихся с понятиями «перпендикуляр» и «прямой угол». По ходу решения задачи надо было использовать понятие «прямой угол», выводя специфическое для него мысленное содержание из содержания понятия «перпендикуляр», заданного в условиях. При чтении задачи большинство учеников не поняло, что на чертеже должны быть прямые углы. На вопрос, понимали ли они, читая в условии о перпендикуляре к такой-то прямой, что на чертеже должны быть прямые углы, они отвечали так: «нет, не понимала», «не подумала об этом», «не обратила внимания» и т.д. Трудность использования понятия прямых углов в решении возникла потому, что положение этих прямых

углов не было обычным, т.е. стороны углов не занимали обычного горизонтального и вертикального положения (см. рис. 1 и 2). «Вследствие этого, — пишет Зыкова, — учащиеся не воспринимали углы как прямые углы; кроме того, и положение самого перпендикуляра вызывало недоумение у некоторых учащихся.

Р и с . 1

Р и с . 2

- Учащаяся Д. (слабая): — Я не понимаю, почему **ОК** проведен так... перпендикуляр должен идти прямо (**Рис.2**).
- Учащаяся С. (средняя): — Угол **СОК** = 90° , я только что разглядела... перпендикуляр не так расположен и угол мало виден.
- Учащаяся Б. (средняя): — Я не поняла, что угол **СОК** и угол **КОД** прямые... я не так рассматривала чертеж, перпендикуляр наклонный и не видно прямых углов... потом я изменила положение чертежа и заметила прямые углы (**Рис. 2**).
- Экспериментатор: — А что можно сказать про угол **DOC** ? (**Рис. 1**).
- Учащаяся А. (средняя): ... (пауза)
- Экспериментатор: — Чем он образован?
- Учащаяся А.: — Перпендикуляром **DK** и прямой **OC**.
- Экспериментатор: — Значит, угол **DOC** какой? (**Рис. 1**)
- Учащаяся А.: ... (пауза)
- Экспериментатор: — Может быть, ты забыла, что перпендикуляр с другой прямой образует прямые углы?
- Учащаяся А.: — Нет, я это помнила.
- Экспериментатор: — Так, может быть, ты забыла, что **DK** перпендикуляр?
- Учащаяся А.: — Нет, это я тоже помнила.
- Экспериментатор: — Так почему же?
- Учащаяся А.: — Я сама не знаю... вообще я его не видела, а потом увидела, но не понимала, что он прямой... (пауза) он не такой (чертит прямой угол, одна из сторон которого расположена горизонтально, а другая вертикально).

Таким образом, с понятием «перпендикуляр» многие учащиеся связывали перпендикуляры только в вертикальном положении. Соответственно этому понятие «прямой угол» ограничивалось осознанием таких углов, при которых одна из сторон занимает вертикальное положение. Осознанная стандартность положения прямых углов в конце концов привела к тому, что у некоторых учащихся понятие «прямой угол» стало производным от «прямого» его положения.

- Учащаяся Д. (слабая, в процессе решения обращается к экспериментатору): — Я забыла, сколько градусов прямой угол.

- Экспериментатор: — А какой угол ты называешь прямым углом?
- Учащаяся Д.: — Который стоит прямо.
- Учащаяся М. (слабая): — Перпендикуляр **ОК** к стороне **ОД** образовал острый угол.
- Экспериментатор: — Почему же острый?
- Учащаяся М.: — Потому что у прямого угла стороны идут прямо, а здесь как-то не так, одна и другая сторона наклонные.

Приведенные факты указывают на то, что понятие «перпендикуляр» и понятие «прямой угол» под воздействием личного опыта у некоторых учащихся изменилось настолько, что существенные признаки этих понятий оказались совершенно вытесненными несущественными признаками»⁵.

В заключении, оценивая обнаруженные факты, В.И. Зыкова пишет:

«Мышление учащихся 6-го класса при изучении нового материала еще слишком приковано к наглядности: учащиеся склонны связывать понятия с теми конкретными фигурами, которые имели место в их опыте. Несущественные, но часто повторяющиеся особенности фигур осознаются ими как существенные признаки понятия. Такая конкретизация понятий характерна для первого этапа изучения геометрии. И хотя геометрическая наглядность не утрачивает свое значение на всех последующих этапах изучения геометрии, отношение учащихся к ней становится иным.

Чтобы учащиеся 6-го класса могли оперировать понятиями, *необходим качественно разнообразный наглядный опыт*. В действительности же наглядный опыт учащихся часто ограничивается книжным стандартным чертежом, вследствие чего оперирование понятиями оказывается суженным пределами полученного опыта. В этих условиях *наглядность, помогающая учащимся усваивать геометрические понятия, становится помехой в применении их*, так как приводит к тому, что понятия за пределами полученного наглядного опыта становятся бездейственными»⁶.

Приведенные примеры (а их можно было бы многократно увеличить⁷) убедительно показывают правильность вывода В.И. Зыковой, именно, что учащиеся склонны связывать изучаемое понятие с чувственными образами тех конкретных примеров, с которыми они имели дело в опыте. К этому выводу нужно только добавить, что эти факты означают, что у учащихся еще **нет понятия**, что по каким-то причинам они **не смогли выработать соответствующего понятия** и пользуются его суррогатом — связью термина с чувственным образом.

§ 4

Итак, содержание атрибутивного знака, находящегося во взаимосвязи номинативного знания, носит сложный характер. Оно складывается, по крайней мере, из *трех содержаний*: *абстрактного, метки и обобщения*. Из этих составляющих содержания два — абстракции и обобщения — являются *специфически мыслительными*, т.е. присущими только мышлению и отличающими его от других видов отражения. Третья составляющая — содержание метки — хотя и является *необходимой* составляющей содержания атрибутивного знака, составляющей, без которой само атрибутивное знание не может существовать, тем не менее, **не** является специфически мыслительной и может существовать в качестве самостоятельного содержания в более простых, чувственных видах отражения.

Кроме того, содержание атрибутивных знаков имеет свою частную специфику, которая отличает его не только от содержания чувственных видов отражения, но и от содержания других видов мышления. Пока, до анализа других, более сложных видов мышления, эту специфику содержания атрибутивного знания можно определить только через деятельность мышления, только через строение операции, посредством которой это знание вырабатывается. В соответствии с этим мы будем определять *атрибутивное содержание мысли* как то содержание, которое вычленяется в объективной действительности *посредством операции практически-предметного сравнения*, и будем указывать, что оно складывается из трех составляющих: абстрактного содержания, содержания метки и содержания обобщения, — из которых абстрактное содержание является специфическим и определяющим все остальные, в

частности — содержание обобщения, его предметные границы или, как говорят в логике, его объем, а содержание метки является лишь вспомогательным и отнюдь не специфическим ни для атрибутивного знания, ни для мышления вообще.

То, что мы выяснили относительно содержания атрибутивного знака, находящегося во взаимосвязи номинативного знания, может послужить основанием для анализа связи между объективным содержанием и формой этого знания, для анализа *связи значения*, так как все ее характеристики *в номинативном знании с однозначной формой* (если элиминировать определения порождающей эту связь деятельности) есть определения того, *с чем* связана форма. По своему происхождению всякий атрибутивный знак имеет как абстрактное, так и обобщенное содержание. Другими словами, если языковой знак получен посредством операции практически-предметного сравнения, то он обязательно имеет как абстрактное содержание, так и содержание обобщения. И наоборот, если языковой знак *не имеет абстрактного и обобщенного содержания*, то это значит, что он возник помимо операции практически-предметного сравнения и, следовательно, *не является ни атрибутивным знаком, ни вообще языковой формой мысли*. В то же время, отдельный языковой знак является формой мысли только в том случае, если он *отнесен* к какому-либо *реальному предмету*. Отдельный знак языка, взятый вне этого отнесения, не может рассматриваться как элемент мысли и вообще — как знак. Но в действии отнесения, которое мы проводим после сопоставления, *два* из трех сопоставляемых предметов, именно — предмет-индикатор и предмет-эталон, — *элиминируются*, исключаются, и знак языка через чувственный образ связывается только с одним из этих предметов. Потенциально, в соответствии со *строением* сопоставления, атрибутивный знак *может быть связан* с несколькими предметами, но актуально — в номинативном знании — он связан только с одним предметом. Поэтому, если мы возьмем готовую взаимосвязь номинативного знания, то там сохраняется, и то неявно, только одно из содержаний, присутствующих в сопоставлении, именно — абстрактное, и *появляется* за счет самого акта отнесения *новое содержание* — метки. Таким образом, какую бы отдельную взаимосвязь номинативного знания мы ни взяли, входящий в нее атрибутивный знак будет связан только с двумя объективными содержаниями: явно — с содержанием метки и неявно, за счет предшествующего действия сопоставления, — с содержанием абстракции. *Содержания обобщения ни в одном отдельном номинативном знании не будет.*

Мы будем называть атрибутивный знак, взятый в связи с объективным содержанием, *абстракцией*, или, иначе, будем говорить, что *в этой связи*, в этом значении атрибутивный знак несет на себе *функцию абстракции*. Аtribuтивный знак, взятый в связи с объективным содержанием метки, мы будем называть *меткой*, или, иначе, будем говорить, что *в этой связи*, в этом значении атрибутивный знак несет на себе *функцию метки*. Соответствующие компоненты связи значения в атрибутивно-номинативном знании мы будем называть *значениями абстракции и метки*.

Как мы уже сказали, ни в одном отдельно взятом номинативном знании не будет ни значения, ни, соответственно, функции обобщения. Однако, как значение абстракции номинативного знания, так и функция абстракции номинативного знака предполагают в — качестве своего условия — *обобщение*. Ведь выделение одной стороны предметов в знаке, выделение абстрактного содержания как *особого содержания* возможно только благодаря тому, что происходит обобщение. Но и наоборот, если существует абстракция, то это является уже *достаточным условием* обобщения. Таким образом, в значении абстракции и, соответственно, в функции абстракции уже заключена возможность обобщения. Условно можно сказать, что в значении абстракции *implicite* заключена *возможность значения* обобщения, в функции абстракции *implicite* заключена *возможность функции* обобщения. Однако в единичном номинативном знании значение обобщения и, соответственно, функция обобщения не выражены актуально и, чтобы обнаружить их, надо рассмотреть *в едином акте* — ряд номинативных знаний: $X — (A)$, $Y — (A)$, $Z — (A)$

Таким образом, содержание номинативного знания, выделяемое и анализируемое в действии сопоставления, включает в себя три составляющих: *абстрактное содержание*, *содержание метки* и *содержание обобщения*; связь значения отдельного

номинативного знания, рассматриваемого изолированно, складывается из компонент — *связей абстракции и метки*.

Чтобы выявить связь значения, соответствующую третьей составляющей содержания — обобщению, надо рассмотреть *ряд* номинативных знаний, в каждом из которых этого значения нет, но *в их совокупности* оно скрыто уже присутствует. В этом плане для каждого единичного номинативного знания значение обобщения *существенно отличается* от значений абстракции и метки. Она является для каждого из них такой же необходимой, как и последние, но если последние реализуются в единичном номинативном знании актуально, то связь обобщения носит пока потенциальный и, если можно так сказать, «ирреальный» характер. Гегель сказал бы, что связь обобщения и, соответственно, функция обобщения реализуется «*в роде*» номинативного знания.

Что же касается взаимоотношения между связями значения абстракции и метки и, соответственно, функциями абстракции и метки в номинативном знании, то о нем почти без всяких изменений можно сказать все то, что мы говорили относительно содержаний абстракции и метки атрибутивного знака. Именно, что связь значения между объективным содержанием и формой в специфически мысленном атрибутивно-номинативном знании носит сложный характер. Она складывается из двух компонент: *связей абстракции и метки*, — а атрибутивный знак, образующий форму этого знания, имеет, соответственно, два свойства-функции. Из этих компонент одна — *абстракция* — является *специфически мыслительной*, то есть присущей только мышлению и отличающей его от других форм отражения, а вторая связь или функция, называемая *меткой*, хотя и является необходимой составной частью взаимосвязи номинативного знания, частью, без которой сама эта взаимосвязь не может существовать, тем не менее не является специфически мыслительной и может существовать самостоятельно, отдельно от функции абстракции, в более простых, чувственных формах отражения, как «собственное имя» предметов (как таковое — оно не может быть перенесено с одного предмета на другой). Поэтому, только несущий на себе две указанные функции отдельно взятый атрибутивный знак языка является *выражением понятия о предмете*; наоборот, отдельный знак, не являющийся абстракцией, понятия и, вообще, мысли — не выражает.

§ 5

В связи с анализом строения атрибутивно-номинативного знания необходимо еще раз подчеркнуть важность и продуктивность произведенного различия между *содержанием* и *значением* знаков языка. Посредством этого различия может быть разрешен ряд затруднений, которые сейчас не может преодолеть неопозитивистская логика⁸.

В этом различии «схватывается» и фиксируется, *во-первых*, различие между *актуальным* и *потенциальным* употреблением знаков языка, между *единичным опытом настоящего момента* и *всем суммарным прошлым опытом*; *во-вторых*, различие между *объективным* и *субъективным* моментом в знании, между тем, *что* действительно имеется в объектах и *к чему* действительно относятся знаки языка, и тем, *как* они относятся и *что*, в соответствии с этим, в этих объектах подразумевается, «мнится». *В-третьих*, в этом различии фиксируется различие между тем в объектах, с чем знаки языка связаны *по способу получения* или *образования* знания, *по способу сопоставления*, и тем в объектах, с чем они связаны *по способу отнесения*, *по способу использования* знания.

Все эти моменты будут более детально развиты и изложены в дальнейшем. Однако уже в предыдущем параграфе мы видели, что в каждом своем единичном случае номинативное знание выражает в своем значении отнюдь не все содержание. Содержание обобщения не реализуется в значении номинативного знания и все время *противостоит* этому значению как нечто чуждое и потустороннее, но, в то же время, — и мы увидим это в дальнейшем — как нечто влиятельное и сильнодействующее, без чего само это номинативное знание не может существовать. Чтобы «схватить» это содержание, мы должны рассматривать *строение*

сопоставления в операции практически-предметного сравнения и отказываться от отдельного номинативного знания, искусственно привлекая к рассмотрению целый ряд связей: $X — (A)$, $Y — (A)$, $Z — (A)$. Но это не значит, что содержание обобщения вообще не может быть схвачено в языковом мышлении. Отнюдь. Просто для этого нужны более сложные виды знания с соответственно более сложными языковыми формами. Мы будем рассматривать их в дальнейшем, «восходя» от номинативного знания к более сложным видам атрибутивного знания.

Одна из основных ошибок позитивистской логики состоит в непонимании *принципа восхождения* и, соответственно, в неумении образовать абстракции, необходимые для этого восхождения. Об этом здесь надо сказать несколько подробнее.

Глава 2 (Б). О МЕТОДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОРГАНИЧЕСКИХ СИСТЕМ

§ 6

Рассматриваемый в этой главе предмет — система атрибутивного знания, так же, как и языковое мышление в целом, представляет собой исторически развившееся целое. На поверхности современного языкового мышления этот предмет выступает в виде множества ни генетически, ни функционально не связанных друг с другом раздробленных элементов. Зафиксированы (в логике и лингвистике) различные стороны этих элементов, например, атрибутивные и классификационные предложения, обычно выражаемые в логике формой « $S — P$ », специализированные знаки субстратов и атрибутов, в грамматике различающиеся как существительные и прилагательные, абстрактные и конкретные термины и т.д. Но все эти определения выступают разрозненно как определения отдельных групп элементов, их понимание не объединено пока никаким общим принципом и, следовательно, *системы* атрибутивного знания как таковой еще нет. Задача состоит в том, чтобы на основе какого-либо метода построить эту систему.

Исследование таких системных и исторически развивающихся предметов предполагает применение *функционально-генетического* способа рассмотрения. По характеру приемов этот способ представляет собой особое сочетание и переплетение приемов синхронного и диахронного сопоставления, а в итоге дает изображение как функционарных взаимосвязей сложившегося, «ставшего» целого, так и определенных процессов, механизмов его развития⁹.

Суть этого метода состоит в том, что выделенные посредством синхронного сопоставления свойства отдельных элементов и связей сложившегося целого *«переворачиваются»* в план генезиса, как бы «собираются» вместе и *«приписываются»* в нерасчлененном еще, недифференцированном и измененном виде одной, сравнительно простой, взаимосвязи. Этот процесс мышления называется *«функционально-генетическим сведением»*. Сконструированная таким образом взаимосвязь рассматривается как генетический прототип и первооснова, из которой, по предположению исследователя, путем определенных процессов развития возникают в определенной взаимосвязи все те элементы и все те свойства «ставшего» целого, которые были выделены в нем при синхронном анализе. Исследовав эти процессы или механизмы развития, мы потом формализуем их, превращаем в определенные приемы и правила перехода от одного целого к другому, а затем с их помощью, исходя из генетического прототипа, *формально* «выводим» элементы, связи и свойства развитого, исторически сложившегося целого. Этот процесс мышления называется *«функционально-генетическим выводением»*. Он должен, *во-первых*, объяснить в определенных границах известную нам *эмпирическую историю* исследуемого целого (и в этом плане получаемые на его основе «модельные» исторические состояния должны — в этих же границах — совпадать с эмпирически известным), *во-вторых*, он должен дать нам в итоге *функциональную структуру* исследуемого «ставшего» целого.

Процессы функционально-генетического сведения и вывода взаимосвязаны и осуществляются чаще всего в предположении друг друга. Однако, сведение при построении системы теории чаще всего попадает в раздел предварительной работы и почти не фиксируется

в изложении. Поэтому при поверхностном подходе к теоретическим построениям может сложиться впечатление, что выведение (функционарно-генетическое или любое другое) возможно и осуществляется помимо и независимо от сведения. Отсюда иллюзия так называемой «чисто дедуктивной» науки.

Взятые в системе, процессы функционарно-генетического сведения и выведения представляют собой одно из средств *«восхождения от абстрактного к конкретному»*¹⁰.

Совершенно очевидно, что основной и самой первой проблемой «восхождения» является проблема выделения *исходной* взаимосвязи, той, из которой можно было бы вывести все остальные взаимосвязи исследуемого предмета, — *проблема «клеточки»*. Однако, в настоящее время применение этой абстракции в логическом исследовании значительно облегчено тем, что выделение «клеточки» было уже проделано в научном исследовании, а затем осознано в логике. Впервые «клеточка» как исходная абстракция была введена К. Марксом при анализе системы буржуазных экономических отношений. С логической стороны она подробно исследована в диссертации А.А. Зиновьева¹¹.

Для лучшего понимания характера этой абстракции и связанных с нею приемов исследования, для выяснения того, насколько оправдан перенос этой абстракции из политэкономии в логическое исследование, рассмотрим более подробно применение ее в «Капитале», основываясь на исследовании А.А.Зиновьева¹².

§ 7

I

К. Маркс начинает исследование буржуазных производственных отношений, капитала, с рассмотрения *«отдельного товара»*. «Отдельный» товар это — отнюдь не единичный. Единичное есть реальность, эмпирически данное. Отдельное — есть *абстракция* одного, но не *этого* одного и не какого-либо *другого* одного, а такого, которое в определенном отношении представляет *всех, всю совокупность*. Отдельный товар — это не эмпирический «этот» товар (*эти* сапоги, *этот* сюртук, сапоги и сюртук вообще и т.д.), а *всякий, любой* товар. То есть уже произведено абстрагирование *особого свойства* всякого товара — *меновый стоимости*, и произошло *отвлечение от всех различий*, которые имеют единичные товары. Исследуя «отдельный» товар, мы будем исследовать *всякий* продукт труда, обладающий свойством *быть меновой стоимостью*, и со стороны этого свойства.

Товар, далее, рассматривается не как нечто застывшее, неподвижное — в этом случае он выступает просто как вещь, — а как *обмениваемый* продукт, как меновое отношение, то есть в его *специфической форме движения*. Именно это отношение, форма, связь, движение и позволили впервые зафиксировать в мысли меновую стоимость как особое свойство товара, и сам товар — как особое явление. То есть исходным пунктом исследования у Маркса является специфическая и общая для данных предметов связь их, или всякий предмет этого рода в его общей и специфической для данных предметов связи, фиксируемой как его специфическое и общее свойство.

Следовательно, исходная абстракция, с которой начинает К. Маркс, является *абстракцией взаимосвязи*. Взаимосвязь всегда есть связь по крайней мере *двух* элементов, но может содержать и большее число их, и это должно быть отражено в структуре, изображающей ее.

II

Сравнительно с прочими экономическими связями буржуазного общества *связь товаров* является простейшей по своей структуре. Товар *предполагает* связь двух элементов — одного товара и другого:

Т — Т' или Т — Д.

Точно так же, выражаемая в связи товаров, *связь людей* является простейшей — есть связь *двух* агентов: *продавца* и *покупателя*. Тогда, как, например, *промышленный капитал* представляет *сложную* систему связей:

$$Д — T_{cn}^{pc} \dots П \dots (T + \Delta T) — (Д + \Delta Д)$$

Формулы, представляющие абстрактное выражение этих явлений, наглядно об этом говорят.

На первый взгляд, *купеческий* и *ростовщический (ссудный) капитал* кажутся точно так же простыми. Но и тот, и другой, даже в своих допотопных формах, предполагают уже *товарное обращение*, по крайней мере:

$$T — Д — T'.$$

Кроме того, купеческий капитал предполагает связь:

$$Д — T — Д'$$

и другие экономические связи кроме товарных; ростовщический капитал точно так же, кроме отношений купли и продажи, предполагает: в других формациях — связи этой формации, в буржуазной — движение промышленного капитала.

Всякая попытка найти более простые связи в буржуазной экономике будет означать либо ложную абстракцию изолированного Робинзона, либо утерю специфичности предмета и переход в другую область исследования.

Таким образом, абстракция «клеточки» должна отражать, фиксировать простейшую связь данного целого, она должна быть простейшим элементом этого целого.

III

Простота товарного отношения, однако, не абсолютна, а относительна: товар является простейшим лишь по отношению к прочим буржуазным, т.е. товарным отношениям.

Относительный характер простоты имеет важное значение для понимания исходного пункта исследования и его определения. О структурной простоте и сложности можно говорить только при сравнении явлений, одно из которых включает в себя *все* элементы и связи другого и содержит еще нечто. Вне такого отношения между составами рассматриваемых явлений говорить о простоте и сложности относительно структуры бессмысленно. <...?... *вставка рукой Г.П.*> Так, что сложнее: простые товарные отношения или необычайно запутанные отношения какого-либо родового племени; сложная система товарных отношений или ясные, как божий день, отношения рабства?

Из положения можно выйти только в том случае, если круг сопоставляемых явлений заранее очерчен выделением какого-то общего и специфического для этих явлений свойства, и если сопоставление носит характер *сведения* одного явления к другому. Но такое сведение возможно только в том случае, если одно из рассматриваемых явлений или объектов является результатом развития другого. Другими словами, решение вопроса о структурной простоте или сложности возможно только благодаря *историческому подходу* к сопоставляемым явлениям.

Из сказанного вытекает, что для определения (выявления) простейшей связи исследуемого предмета необходимо наличие и фиксирование в мысли более сложных связей, являющихся результатом развития этой более простой. Даже если исследователь случайно начнет с *простейшего*, чтобы осознать его как таковое, он должен будет выявить *сложное*, по отношению к которому выявленное им ранее явление будет понято как простейшее <...?... *вставка рукой Г.П.*>. Отсюда следует также, что исходная структура «клеточки» должна рассматриваться не только как *отражение* простейшей связи развитого целого и абстрактное определение этого целого, но и как отражение *реального*, исторически первого вида существования рассматриваемого целого, как *конкретное определение* этого первого вида.

В силу этого *анализ структуры* исторически сложившегося целого невольно превращается в какой-то мере в *исследование истории* возникновения и развития этого сложного целого. В этом плане «простое» имеет еще одну сторону: другие, более сложные,

связи для своего возникновения требуют дополнительных условий, кроме тех, которые предполагает «простое». Генетическое исследование «простого» должно выявить условия его возникновения. И это будет, вместе с тем, выявление одного из условий возникновения *предмета в целом*. Так, условие возникновения товара — разделение труда и частная собственность на средства и продукт труда — есть, вместе с тем, условие возникновения капитала в целом. Благодаря такому — историческому — подходу, отличие всех связей от «простого», оказывается развитием самого «простого».

Таким образом, «клеточка» будет не только изображением простейшего элемента сложного развитого целого, но и изображением исторически первой *формы существования* этого целого. В то же время, «определение» этого исторически первого и простейшего, точнее говоря, — знание об этом исторически первом и простейшем, — будет *знанием о предмете в целом*, но знанием — предельно односторонним, предельно абстрактным.

IV

Как отражение простейшей связи исследуемого целого, «клеточка» является отражением простейшего элемента этого целого. Но, в отличие от субстанциальных элементов и их абстракций, «клеточка» должна сохранить в себе *общие* и *специфические* свойства целого. Другими словами, отражаемая в ней связь должна быть самой общей и в то же время специфической связью этого целого.

Так, например, связь товаров, товар, является самой общей экономической связью буржуазного общества. Действительно, какие бы буржуазные экономические связи мы ни взяли, они обязательно включают в себя — как необходимую сторону — связь товаров, являются так или иначе товарными отношениями:

$$T - D - T',$$

$$D - T - D',$$

$$D - T_{\Sigma}^{PC} \dots P \dots T' (T + \Delta T) - D' (D + \Delta D).$$

Таким образом, являясь простейшей связью наряду с другими, «клеточка» (товар) есть вместе с тем «сторона», *общее свойство* всякой другой связи данного предмета (буржуазной экономической системы). Поэтому «клеточка» — есть *условие существования* всякой другой связи предмета.

Общность клетки (товарных связей) точно так же относительна. Можно дать еще более общую характеристику буржуазным связям: это — экономические связи. Но здесь мы выходим за пределы исследуемого предмета. Товарный характер буржуазных связей есть самая общая черта буржуазной системы, но это их особая черта сравнительно с другими формациями. То есть «клеточка» есть не просто общая черта всех связей исследуемого предмета, а общая *специфическая* черта его связей. Исследование «клеточки» есть исследование предмета с самого начала в его специфичности, понятие о «клеточке» есть самое общее и одностороннее (абстрактное) понятие о предмете, как о данном предмете¹³.

«Клеточка» (товар) есть самая общая связь предмета (капитализма). И всякая другая связь этого предмета, если отвлечься от тех черт, какие ему придает «клеточка» (т.е. от товарного характера буржуазных связей), утрачивает в сознании специфичность данному предмету. Так, достаточно отвлечься от товарных связей, посредством которых выжимается из рабочего прибавочный труд, как специфика буржуазной эксплуатации утрачивается: выжимание неоплачиваемого труда из непосредственного производителя — свойство ряда формаций. Являясь самой общей связью целого, «клеточка» представляет собой такое явление, которое «остается» во всех связях предмета, пока существует сам предмет. Изменяется лишь форма его проявления.

«Клеточка», являясь простейшим элементом целого, его общей и специфической стороной, в то же время, как бы *охватывает* все связи целого. Все они существуют как бы внутри этой общей связи, и поэтому «клеточка» выступает как *форма движения, форма существования и проявления всех* связей предмета. Так, например, товарная связь существовала как особая связь наряду с другими *до* появления буржуазного общества и существует в буржуазном обществе — в известной степени — как таковая. Но мы рассматриваем ее как «клеточку» буржуазных связей, и рассматриваем так потому, что все буржуазные связи совершаются как товарные, *в форме товарных*. Купля–продажа рабочей силы выступает *по форме* как обычная купля–продажа товаров, а по существу — это отношение *господства и подчинения*. Товарные связи именно в силу того, что они *становятся всеобщей формой*, средством осуществления буржуазных связей, приобретают свойство их «клеточки». С другой стороны, именно поэтому (и в силу условий существования и развития капитала вообще) они приобретают более или менее всеобщий характер и специфически характеризуют предмет в целом (буржуазное общество, буржуазная формация). Отсюда вытекает *следующая черта* «клеточки». Являясь *внешней* формой, средством движения, существования всех связей предмета, «клеточка» выступает как такое *явление целого*, которое *схватывается прежде всего*. Скрытые в нем внутренние связи должны быть выявлены последующим анализом.

Итак, абстракция «клеточки» должна удовлетворять следующим условиям:

- 1) это — *взаимосвязь* нескольких элементов целого;
- 2) структурно *простейшая* взаимосвязь данного целого;
- 3) изображение в целом *реальной, исторически первой* формы существования целого;
- 4) самая *общая* и в то же время *специфическая* черта всех связей исследуемого целого;
- 5) это — *внешняя* часть целого, раскрываемая прежде всего.

Абстракция «клеточки» может быть применена лишь к исторически сложившемуся и развивающемуся целому и должна отражать такую связь целого, из которой *развиваются* все остальные, или, по крайней мере, такую связь, в которой все остальные *выражаются*.

Конечно, выявление и понимание «клеточки» еще не дает всего необходимого для раскрытия процесса развития целого: требуется <....?....>

Глава 3 (В). О МЕТОДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИСТЕМЫ АТРИБУТИВНОГО ЗНАНИЯ

§ 8

Выделение основных характеристик «клеточки» *вообще* позволяет нам сознательно подойти к обнаружению и выявлению «клеточки» *атрибутивного знания*. Теперь мы можем показать, что введенное и проанализированное выше номинативное знание **X — (А)** является не чем иным, как «клеточкой» атрибутивного знания. Действительно, оно удовлетворяет всем тем требованиям, которые мы предъявляем к «клеточке».

Взаимосвязь **X — (А)** изображает не единичное атрибутивно-номинативное знание, а *всякое*, то есть в ней уже абстрагировано и изображено общее свойство всех атрибутивно-номинативных знаний: определенное *строение содержания*, определенное *строение формы*, и определенное *строение связи* между ними. Эта взаимосвязь рассматривается не как нечто застывшее и неподвижное, не просто как знак и обозначаемая им действительность, а как определенное *движение*, как определенная *деятельность* — операция практически-предметного сравнения, — которая порождает это знание. Собственно, анализ этой деятельности и позволяет зафиксировать атрибутивное знание как особый тип знания. Определение атрибутивного знания через эту деятельность обеспечивает то, что уже в форме

номинативного знания схватывается *общая* и *специфическая* сторона всякого атрибутивного знания, и эта сторона выражается как особый вид связи между знаком языка и особым объективным содержанием.

Взаимосвязь $X — (A)$ изображает *простейшее* по своему строению знание атрибутивного типа. Всякое другое знание атрибутивного типа содержит в своей форме *несколько* знаков и является результатом нескольких операций практически-предметного сравнения. В то же время всякая попытка разложить взаимосвязь $X — (A)$ или порождающую ее операцию практически-предметного сравнения на более простые элементы приводит к утере тех черт, которые только и делают эту взаимосвязь знанием, а практически-предметное сравнение — операцией мышления.

Взаимосвязь $X — (A)$ может и должна рассматриваться как изображение *исторически первого* вида атрибутивного знания, причем, как *конкретное* изображение этого вида. В современной системе языкового мышления этой взаимосвязи ничто не соответствует непосредственно. Наименование предмета «стол» (в смысле $X — (стол)$) или безличное предложение «морозит» не тождественны этой взаимосвязи, они содержат в себе значительно большее, так как их форма выражена грамматически оформленным словом. Знак, выражающий форму взаимосвязи $X — (A)$, не является словом в собственном смысле. Это не существительное, не прилагательное и не глагол. Это — *прототип имени вообще*. Поэтому всякая попытка непосредственно отождествить какие-либо современные языковые выражения с этой взаимосвязью будет глубоко ошибочной.

В то же время, введение *именно такой* взаимосвязи в качестве функционально-генетического прототипа и первоосновы, из которой развились и, соответственно, могут быть выведены все существующие в современном языковом мышлении виды атрибутивного знания оправдывается, по-видимому, всем тем, что мы знаем по развитию языка и мышления в онто- и филогенезе.

§ 9

Начнем с развития языка и мышления у детей. Описывая свои эксперименты по изучению ранних обобщений ребенка, Н.Х. Швачкин обращает внимание на то, что в возрасте *0;11 — 1;7* дети не различают существительных, прилагательных, глаголов и понимают *любое* слово только как указание на предмет (на нашем языке — как абстракцию-метку)¹⁴.

«Я иногда пытался варьировать свою собственную речь, обращенную к ребенку, — пишет он. — К стереотипным обращениям: «Где лодка?» или «Дай утюг!» я прибавлял *прилагательные*. Так, например, вместо обычного требования: «Дай колодец!», — я произносил: «Дай красный колодец!». Ребенок подавал мне исходную игрушку — *красный колодец*. Затем я говорил ему: «Дай зеленый колодец!». Ребенок с такой же расторопностью подавал мне все тот же *красный колодец*. Это же случалось с *будочками* и с другими экспериментальными игрушками. Ребенок никак не реагировал на мое прилагательное «красный», он оказывался «глух» к нему.

В связи с этим естественно возник вопрос: *что понимает ребенок под нашими словами и под нашими прилагательными в частности?* Для выяснения этого вопроса мы поставили дополнительные опыты. Было привлечено два ряда предметов: *белые грабли — черная щетка* и *белый шкафчик — черная печка*, которые соответственно я называл ребенку как «белое» и «черное». После того, как ребенок научался правильно относить данные субстантивированные прилагательные к названным предметам, я приступал к критическим опытам. Результаты этих экспериментов полностью совпали с данными предыдущих опытов. «Белое» означало для ребенка название исходных игрушек — *белые грабли* или *белый шкафчик*; «черное» — *черная щетка* или *черная печка*. *Черные грабли* и *черный шкаф*, *белая щетка* и *белая печка* игнорировались (не назывались) ребенком. Варьируя далее свое обращение к ребенку, я спрашивал его: «Где белые грабли?». Ребенок показывал *белые грабли*. На требование: «Дай белую щетку!» — ребенок подавал *белые грабли*. Я спрашивал: «Где черные грабли?» — и ребенок подавал *черную щетку*.

Таким образом, ребенок воспринимал слова «белое» и «черное» как название предметов или как указание на предмет, *а не как существительное или прилагательное*. Поэтому, может быть, правильное было бы закрепить за этими словами ребенка термин *имени*.»¹⁵.

По-видимому, о том же самом свидетельствуют и другие опыты Н.Х. Швачкина. В них дети должны были давать ответы на вопросы о действиях или состояниях предметов, о субъектах и объектах действия, о количестве и качестве предметов и т.п. При этом они должны

были расчленять речь взрослых и выделять в ней слова, относящиеся к различным грамматическим категориям. Но, как оказалось, дети выделяли из сложных предложений лишь одно слово и, независимо от того, каким оно было, употребляли его всегда только как абстракцию-метку.

« (1) Мальчику Вове С. (1;1) показывается заводная автомашинка.

— Что делает машина? — спрашивает экспериментатор.

— Машина, — отвечает мальчик.

— Вовочка, скажи, что машина делает?

— Делает, — следовал ответ ребенка.

Ребенок явно не понимал смысла вопроса экспериментатора. Он механически повторял последнее слово вопросительного предложения.

Это же явление отмечалось еще у 19-ти детей и по другим типам вопросов.

(2) Перед мальчиком Сережей М. (1;2) стоит на столике маленький игрушечный утюг, название которого он знал.

— Что стоит на столе?

— На столе.

— Что на столе стоит?

— Стоит.

(3) Экспериментатор, показав мальчику Коле Л. (1;4) знакомого ему петушка, ставит его на стол.

— Кого поставили на стол?

— На стол.

— Кого на стол поставили?

— Поставили.

(4) Девочке Тане С. (1;1) показывается изображение мальчика, играющего на горне.

— Как играет мальчик?

— Мальчик

— Как мальчик играет?

— Играет.

Эти дети, мы видим, стереотипно отвечают на вопрос экспериментатора последним словом вопросительного предложения. Не понимая вопроса, они ограничиваются простым повторением (эхолалией) слов экспериментатора. В то же время вопросы, требующие названия предмета, им оказываются доступны. Они правильно отвечают на вопросы: «Что это такое?», «Как это называется?», произнося заученное имя предмета. Однако и название предмета не всегда выступает отчетливо в их сознании; нередко на вопрос «Что это такое?» дети отвечали не названием предмета, а чисто механическим повторением последнего слова вопроса.

... Более осмысленными оказались ответы другой группы детей.

(6) Перед мальчиком Толей К. (1;1) демонстрируется «прыгающий физкультурник».

— Что делает мальчик?

— Мальчик.

— Что мальчик делает?

— Мальчик.

Ему показывается прыгающая птичка.

— Что птичка делает?

— Птичка.

Это же явление отмечалось еще у 32-х детей и по другим типам вопросов.

(7) Экспериментатор показывает девочке Лиде Г. (1;2) лодку, ставит ее на столик и спрашивает:

— Кто поставил лодку на стол?

— Лодочку.

(8) Мальчику Коле В. (1;7) показана была картина, изображающая мальчика, который выходит из сада на улицу.

— Откуда идет мальчик?

— Коля

(9) У этого же мальчика мы в другой раз спросили:

— Эти туфельки чьи?

— Туфельки, — последовал ответ.

(10) — Сколько повозок?, — спросил экспериментатор у Нины Ч. (1;1).

Ребенок, указывая на стоящие перед ним повозки, отвечает:

— Коляска.

(11) Наташа С. (1;2) сходным образом ответила на вопрос экспериментатора.

— Это ванночка какая?

— Ванночка.

В этих последних случаях детям задавались вопросы либо об объектах и обстоятельствах действия, либо о принадлежности, количестве и качестве предметов, а они на все эти вопросы отвечали лишь названием указанных им предметов. Если при этом в вопросах экспериментатора не указывались названия предметов, то дети сами придумывали их.

Для этих детей спросить что-нибудь значило спросить о названии предмета. В этом отношении их словесное общение с окружающим носило однозначный характер: это общение — называние. Каждый новый предмет дети хотели назвать по имени, и если название предмета им было неизвестно, они указательными жестами требовали его названия от взрослых, вслед за чем начинали сами повторять это название ...»¹⁶.

Всего из 70-ти детей, охваченных экспериментами Швачкина, 52 отвечали на вопросы или эхоталией, или названием предмета. (Остальные 18 детей прошли предварительное обучение в других опытах Н.Х. Швачкина и, по-видимому, благодаря ему, перешли на более высокий уровень понимания).

Приведенные факты наглядно подтверждают положение о том, что в раннем возрасте дети пользуются в своем языковом мышлении знаниями, подобными тому, которое мы ввели в качестве исходной конструкции. Знак, составляющий форму этого знания, используется просто как *имя*, независимо от своей грамматической формы.

§ 10

О том же самом говорят и те данные, которые мы имеем по истории развития языка и мышления. Не случайно о существовании на более ранних ступенях развития языкового мышления номинативной формы, в которой отсутствовало различие существительного и прилагательного, говорят представители *самых различных* направлений в языкознании.

Младограмматик Остгоф:

«Можно считать несомненным, по крайней мере все говорит в пользу такого предположения, что в древнейшую эпоху индоевропейского словообразования не различали между именем прилагательным и существительным ни средствами образования основы, ни также при помощи флексий. Каждый суффикс был сам по себе способен служить средством образования как для той, так и для другой части речи. Лишь общий смысловой контекст позволял распознавать, какое из двух рядом стоящих имен воспринималось как субстанция и какое играло роль атрибута, выражающего признак субстанции. Точно таким же образом от употребления зависело — в значении ли существительного или прилагательного утвердилось определенное имя.»¹⁷.

Последователь «психологического» языкознания А.А. Потебня:

«Степень атрибутивности (и вместе степень приближения к предикативности) существительного измеряется по языкам и ступеням их развития. Если, как я старался показать, прилагательное возникало из существительного, то, конечно, из такого, которое вмещало в себе и свойство прилагательного, т.е. полную атрибутивность, полную качественность, но не отвлеченную, как в прилагательном, а соединенную с субстанциальностью»¹⁸.

Представитель «нового» направления в языкознании С.Д. Кацнельсон:

«История языка показывает нам, что *характер и глубина понимания предметов действительности* *меняется по мере развития общества и общественного производства*. Имена существительные — это родовые обозначения предметов в отвлечении от их случайных и внешних качеств. Такие предметные имена — продукт сравнительно поздней эпохи. Им предшествовали формально недифференцированные имена, которые могли выступать как в роли предметных обозначений, так и в роли качественных обозначений, и которые, в противоположность позднейшим именам существительным и прилагательным, выражали предметы в неразрывной связи с их внешними качествами и отдельные качества предметов в непосредственной связи с самими предметами»¹⁹.

Примыкавший к раннему структурализму Ф. Слотти:

« ... Первоначально было всего две основных категории, в которых человек упорядочивал данность окружающего мира: **предметы** (в широком смысле этого слова) и **признаки**; им должны были соответствовать два основных типа слов: это обозначения предметов и признаков. Если в языке представлены оба эти типа, то для говорящего появляется возможность образовывать предложения и тогда может появиться почти законченная форма предложения: предложение представления. Ибо последнее подразумевает определенное положение дел; а оно состоит в принадлежности признака предмету. В языковой форме это достигается тем, что обозначение предмета становится субъектом, а обозначение признака — предикатом предложения. «Гора высокая», «человек бежит». Дальнейшее различие обозначений признаков (и, соответственно, обозначений предметов) на известные подгруппы, такие, как глагол (к примеру, «любить») и имена (прилагательное, существительное, к примеру, «любимый», «любовь») в те ранние для языка времена еще не появилось. Поэтому вместе с **Ф. Мюллером**, с которым я согласен также в предположении лишь двух основных категорий (...?... 107), я не считаю возможным употреблять для этих основных типов слов обозначения имени и глагола: это различие появилось лишь в те значительно более поздние времена, когда возникла флексия.

Тогда возникает вопрос, были ли эти два типа слов первовремени — обозначения предметов и признаков — внешне узнаваемыми, т.е., были ли эти типы **формально** различены. Не подлежит никакому сомнению, что различие этих типов слов посредством звуковых средств (формант и суффиксов) не было необходимым; ибо, поскольку говорят не словами, а предложениями, то различие вполне может быть достигнуто за счет места или за счет тона (которые в такой же мере являются различиями формы), или тем и другим вместе. Что такое положение дела не является фикцией, показывают факты из индогерманских языков: ...(?)

Индогерманское предложение начинается со слова, выделенного в тоне, которое чаще всего является субъектом (в немецком — 65%, в английском — 75%, во французском — 85%).»²⁰.

« ... Так называемые **корневые имена**. Уже **Дельбрюк**²¹ указал на тот факт (а **Хирт** присоединился к нему²²), что в староиндийском языке каждый такой корень мог выступить в качестве имени (как ...?...), а в конце комбинации и как прилагательное.»

« ... Одна и та же форма слова могла быть обозначением предмета и обозначением признака; во флективный период из нее развились глагол, существительное, прилагательное.»²³.

Таким образом, все имеющиеся эмпирические данные подтверждают правильность введения взаимосвязи **X — (A)** в качестве «клеточки» атрибутивного знания, в качестве той **функционально и генетически исходной конструкции**, из которой в дальнейшем надо вывести все остальные виды знания.

§ 11

Принимая взаимосвязь **X — (A)** в качестве клеточки атрибутивного знания, мы отвлекаемся от всех — как функционарных, так и генетических связей и зависимостей, которые существуют внутри действительной системы атрибутивного знания. Внутри нее единичные знаки находятся в многообразных связях друг с другом и, следовательно, играют различную роль в системе целого, имеют различные «связи значения». Но эти связи и возникающие, благодаря им, или обуславливающие их различия между атрибутивными формами современного языкового мышления, очевидно, являются продуктом и результатом определенного исторического развития и как таковые должны быть еще выведены из каких-то более простых атрибутивных форм. Иначе говоря, сама системность атрибутивного языкового мышления должна быть еще объяснена в функционарном и генетическом плане, должна быть **выведена**. Переходя от системы атрибутивных форм языкового мышления к отдельному атрибутивно-номинативному знанию мы отвлекаемся от всех связей между знаками внутри системы атрибутивного языка и, соответственно, атрибутивного языкового мышления, производим необходимое функционально-генетическое упрощение и вводим функционально-генетический прототип как всей системы в целом, так и всех отдельных, входящих в нее сравнительно более сложных форм. Таким образом, в этой связи переход от системы сложных знаний и выражающей ее системы атрибутивных знаков к **отдельному** знанию, выраженному одним знаком, выступает как регулярный прием функционально-генетического сведения, или — его можно рассматривать и так — как прием чисто **функционального упрощения**.

Образуя абстракцию отдельного номинативного знания, мы отвлекаемся от многих важных связей и свойств развитого атрибутивного языкового мышления, мы теряем для рассмотрения все внутренние связи и свойства системы атрибутивного знания, но мы делаем это сознательно, ибо это единственный путь исследования, позволяющий нам рассмотреть

общие свойства всех составляющих ее единичек, а в силу этого также и некоторые свойства системы атрибутивного знания как целого. Произведя это рассмотрение, мы затем должны вернуться к оставленным свойствам и связям системы атрибутивного знания и исследовать их на базе уже полученного знания об отдельной единичке, об отдельном номинативном знании. При этом, процесс рассмотрения все более сложных видов атрибутивного знания на основе номинативного знания, *и исходя из него*, выступит как функционарно-генетическое выведение этих более сложных видов знания из номинативного. При этом, если «клеточка» атрибутивного знания введена действительно правильно, то любой вид атрибутивного знания должен быть не чем иным, как усложненной и дифференцировавшейся внутри себя взаимосвязью $X — (A)$. Это и будет означать, что взаимосвязь номинативного знания является общей и специфической связью атрибутивного знания, что она «остается» во всех связях системы и как бы охватывает все эти связи.

Доказать, что номинативное знание $X — (A)$ действительно является такой взаимосвязью, можно будет только в ходе дальнейшего выведения, хотя фактически дело уже предрешено самим сведением, самим выбором взаимосвязи $X — (A)$ в качестве «клеточки», то есть взаимосвязь номинативного знания с самого начала выбиралась с таким расчетом, чтобы удовлетворить этому требованию.

Специально надо оговорить и то обстоятельство, что характер взаимосвязи, которую мы берем в качестве функционарно и генетически исходной, той, из которой мы выводим другие, определяется тем набором элементов, связей и их свойств, которые мы берем в развитом синхронно-анализируемом целом. Это условие создает, конечно определенную субъективность и определенный произвол в исследовании и изображении объекта, но лишь в той мере, в какой это позволяют задачи исследования, и в тех границах, которые этими задачами ставятся. Так, взаимосвязь номинативного знания $X — (A)$ может служить исходной взаимосвязью выведения или «клеточкой» только для системы атрибутивного знания. Если бы перед нами стояла другая задача и если бы, в соответствии с нею, мы взяли в существующем сейчас языковом мышлении *другие*, не атрибутивные, знания, например, те, которые обозначаются грамматическими категориями глагола и наречия и логическими категориями отношения, действия, связи и т.п., и поставили бы задачу исследовать их возникновение, или строение их систем в современном развитом, «ставшем» языковом мышлении, то должны были бы найти и выделить в языковом мышлении в качестве исходного образования не атрибутивно-номинативное знание, а какое-либо другое, например, простейшее знание о каком-либо отношении или связи, форма которого должна была содержать в нерасчлененном, недифференцированном виде выражения для относящихся элементов взаимоотношения и самого отношения между ними, или выражения для связанных между собой сторон и самой связи. Если такие клеточки для различных видов знания современного языкового мышления будут найдены, то можно будет построить системы таких видов знания независимо от других систем подобно тому, как можно строить саму по себе систему атрибутивного знания.

Отчетливое понимание природы и возможностей применяемого метода позволяет отвести как неотносящиеся к рассматриваемой проблеме все вопросы об «историческом первородстве» тех или иных языково-мыслительных или языково-грамматических форм: что было раньше — слово или предложение? Какова была структура исторически первоначального слова-предложения? — и т.д. и т.п., столь сильно занимавшие в недавнее время историческое языкознание. В плане нашего исследования речь может идти лишь о «логическом первородстве», а этот вопрос решается не только и не столько обращением к истории, сколько функциональным анализом. Но в последнем задача состоит совсем не в решении вопроса, что было раньше, а в выяснении того, что проще, что сложнее и что чему подчинено. В этой связи может показаться, что «оборачивание» функционарно выделенных элементов и связей в генетический план не дает ничего нового для понимания функциональных взаимоотношений развившегося целого. Но это не так. Знание того, как шло развитие исследуемого целого, хотя и полученное на основе функционального анализа, но обогащенное затем общим генетическим пониманием и общими генетическими закономерностями, благодаря обратному оборачиванию,

дает возможность установить характер его функционарных связей и обнаружить ряд таких сторон, которые не могли быть замечены при чисто функционарном анализе.

§ 12

Задача выделить исходную абстракцию при анализе системы атрибутивного знания возникла уже давно. Собственно, она была поставлена и определенным образом решена уже Аристотелем. И то обстоятельство, что решена она была неверно, надолго затормозило дальнейшее развитие логики и даже тормозит это развитие сейчас.

*Основная ошибка Аристотеля (мы говорили уже об этом в §§ **Главы 2**)* состояла в том, что он ограничился исключительно **связями между элементами языковой формы** и не увидел за ними **связей формы с объективным содержанием**, то есть связей, специфичных для знания как такового, связей, характеризующих само знание.*

Одним из проявлений этой ограниченности является логико-грамматический параллелизм (см. §§ **Главы 1**) — смешение субъекта предложения с объектом (от которого не освободилась, по существу, и современная логика²⁴).

Следствием этой же ограниченности является лозунг логического эмпиризма, выдвинутый в 30-х годах, о том, что логика есть синтаксис языка. Одним из проявлений этой же ошибки в выделении исходной абстракции является неумение современной логики *различить и разграничить содержание и форму в мышлении*, непонимание различия между *реальными и формальными знаниями* (мы будем говорить об этом ниже, в § 21) и многое другое.

Глава 4 (Г). ГИПОТЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА АТРИБУТИВНО–НОМИНАТИВНОГО ЗНАНИЯ

§ 13

До сих пор мы рассматривали отдельное атрибутивно-номинативное знание. Взаимосвязь **X — (A)** служила изображением любого и всякого из них, и, следовательно, анализируя ее, мы анализировали все атрибутивно-номинативные знания в их общих и специфических свойствах. Однако, при этом, как уже говорилось, мы отвлекались от всех связей, которые существуют между единичными знаниями в системе действительного языкового мышления, и не рассматривали отражения объективной действительности в целом, в единой картине. Вследствие этого нам пришлось оставить в стороне многие свойства единичных номинативных знаний — все те свойства, которые характеризуют их действительную «жизнь», так как функционирование и развитие атрибутивно-номинативного знания протекает только в системе, только во взаимосвязи со всеми другими номинативными знаниями и определяется этой взаимосвязью²⁵. Естественно, что теперь мы должны восполнить этот пробел в исследовании и рассмотреть систему номинативных знаний. Это будет простейшая система из всех возможных систем атрибутивного знания: она будет складываться исключительно из взаимосвязей номинации. Система такого рода не соответствует ни одному из известных нам состояний языкового мышления и — в этом плане — является гипотетической.

Чтобы методологически правильно, в необходимой последовательности рассмотреть «системные» свойства атрибутивно-номинативного знания, мы должны предположить, что такая система уже сложилась и функционирует, мы должны затем отвлечься от всех изменений, происходящих с этой системой, взять ее, как говорится, «в точке», в «ставшем» состоянии, проанализировать строение системы в этом состоянии и уже после этого привлечь к рассмотрению те изменения, которые происходят в ней в процессе функционирования и развития.

* Здесь и в некоторых других местах найти место ссылки оказалось невозможным (В.П.).

Взять систему знания в «ставшем» состоянии, отвлеченно от процессов функционирования и развития, — это значит предположить, что временно остановилась деятельность познания. При этом мы не можем совсем отвлечься от деятельности познания, так как анализ знания *вне* и *помимо* порождающей его деятельности *вообще невозможен*. Мы должны учесть эту деятельность, но учесть ее особым образом, как «остановившуюся». Осуществить такую абстракцию в данном случае — это значит сделать относительно самой деятельности мышления и ее продукта — системы знания — следующие предположения:

- 1) человеческий коллектив обладает определенным «набором» различающихся между собой операций мышления; обозначим каждую из этих операций символом Δ с соответствующим индексом от 1 до n , а весь набор — символом

$$\sum_{i=1}^n \Delta_i ;$$

- 2) эти операции были применены определенным образом к объектам действительности, в результате чего была выделена группа предметов, которые «познаны» с точки зрения *этих* операций и *этого* «способа» или «порядка» применения их; совокупность познанных предметов обозначим символом

$$\sum_{j=1}^s X_j .$$

Полученное таким образом познание о предметах действительности и их свойствах зафиксировано в определенной языковой форме.

Характер «познания» совокупности предметов $\sum_{j=1}^s X_j$ и логический характер языковой

формы, в которой это познание зафиксировано, определяется характером имеющихся в наборе операций мышления и «способом» или «порядком» применения их к объектам. Начиная анализ атрибутивного знания, мы постулировали, что будем рассматривать только один вид операций мышления, именно — операции практически-предметного сравнения. Таким образом, характер операций рассматриваемого нами набора задан. Остается определить «способ» или «порядок» применения этих операций к объектам. Однако, фактически, он тоже уже задан: в настоящем разделе работы мы рассматриваем исключительно номинативные знания. Они являются результатом применения к предметам *одной* операции практически-предметного сравнения. И, следовательно, чтобы сохранить ограничение области нашего исследования системой *исключительно номинативных знаний*, мы должны постулировать, что к каждому предмету выделенной совокупности $\sum X_j$ была применена *только одна* какая-либо операция практически-предметного сравнения и что положительный результат при применении одной какой-либо операции *сделал невозможным* применение другой. Тем самым мы полностью определим «способ» или «порядок» применения заданных операций к предметам.

Две указанных характеристики — операций мышления и их отношения к предметам — полностью определяют строение системы атрибутивно-номинативного знания.

Совокупность предметов $\sum X_j$, к которым были применены операции из заданного набора $\sum \Delta_i$, образует «*предметное поле содержания*» этой системы знания или просто — *поле предметов*. Оно распадается на n групп или классов, каждый из которых соответствует *определенной* операции практически-предметного сравнения. Эти классы должны быть такими, чтобы применение соответствующей каждому классу операции мышления к каждому предмету этого класса давало бы один и тот же (один и тот же с точки зрения данного уровня развития потребностей и производства) результат, то есть выявляло бы в каждом из этих предметов одно и то же (опять — относительно) свойство, и чтобы при этом каждый предмет выделенного поля входил в один, и только в один, из этих классов.

Совокупность свойств, выявленных в предметах $\sum X_j$ посредством набора операций $\sum \Delta_i$, образует второе поле содержания системы атрибутивно-номинативного знания — «поле свойств» или «поле абстрактного содержания».

Совокупность классов предметов, сложившихся в соответствии с выделенными свойствами, образует третье поле содержания — «поле классов» или «поле обобщений».

Три указанных поля содержания находятся в органическом единстве друг с другом и образуют единую «область содержания» системы атрибутивно-номинативного знания. Каждое из свойств, выделенных посредством операции практически-предметного сравнения и, соответственно, каждый из классов, образованных на основании этих свойств, должны быть зафиксированы в специальном языковом знаке.

Таким образом, форма системы атрибутивно-номинативного знания, соответствующая заданному набору из n операций и выделяемой посредством него области содержания, должна выражаться совокупностью из n отличающихся друг от друга знаков. Эта совокупность знаков — обозначим ее символом $\sum_{k=1}^n (A)_k$ — образует «поле формы» системы атрибутивно-номинативного знания.

Как мы уже выяснили при анализе отдельного атрибутивно-номинативного знания, связь каждого языкового знака с его содержанием происходит *через* деятельность мышления и определяется характером этой деятельности. Однако в готовом, сложившемся знании сама деятельность мышления элиминирована и связь между языковой формой и содержанием выступает как независимая и *непосредственная*. Точно так же обстоит дело и в *системе* атрибутивно-номинативного знания. *Непосредственно* знаки языка определяются только набором операций практически-предметного сравнения, только *ему* они соответствуют *прямо*, а с областью содержания связаны уже *опосредованно*, через деятельность мышления, но в готовой, сложившейся системе знания связь языковой формы с деятельностью мышления *элиминирована*, и мы имеем дело исключительно *со связями* между областью содержания и полем формы, которые закрепляются относительно независимо от деятельности мышления. На это обстоятельство надо обратить внимание, так как оно играет особо важную роль в процессе функционирования и развития знаний.

Итак, область содержания системы атрибутивно-номинативного знания складывается из трех различных полей: *поля предметов*, *поля свойств* и *поля классов*. Каждому из этих полей содержания поле языковой формы знания *соответствует* особым образом: первому иначе, чем второму, второму иначе, чем третьему. Поэтому эти соответствия могут быть выделены в *особые системы*, каждая из которых — в определенных границах — может и должна рассматриваться *независимо* от других. Действительно, между полем формы и полями свойств и классов внутри системы знания должно существовать взаимно-однозначное соответствие. Всякому переходу с одного элемента на другой в поле свойств или классов должен соответствовать переход в поле знаков и наоборот. Между полем предметов и полем знаков такого взаимно-однозначного соответствия нет: каждому знаку языка из поля формы соответствует множество предметов (а в более сложных видах атрибутивного знания и наоборот — каждому предмету соответствует множество знаков из поля формы).

Это различие между системами связей поля формы с полями содержания приводит к тому, что определенные изменения поля предметов, например, «сужение» или «расширение» его, и обусловленные этим изменения системы соответствий между полем предметов и полем знаков несколько не влияют на связи поля формы с полями свойств и классов. Если, к примеру, какие-либо операции практически-предметного сравнения из имеющегося уже набора применяются к *новым* предметам действительности, не входившим ранее в заданную область содержания, и дают положительный результат, то происходит «расширение» поля предметов, но оно никак не сказывается на полях свойств и классов и на системе соответствий между ними и формой. В то же время, хотя как между полем свойств и полем формы, так и между полем классов и полем формы существует взаимно-однозначное соответствие, тем не менее изменения в одной

системе соответствий в определенных границах могут происходить, не вызывая изменений в другой.

Так, в дальнейшем, при разборе более сложных видов атрибутивного знания, мы увидим, что определенные преобразования поля свойств могут существенно изменить связь формы с полем классов, но оставить неизменной связь формы с полем предметов, или, наоборот, изменить связь с полем предметов и оставить неизменной связь с полем классов. В силу этих обстоятельств в ряде случаев нам придется рассматривать указанные системы соответствий по-отдельности, отвлеченно друг от друга, и поэтому их надо разделить и обозначить особыми символами.

Наглядно-схематически мы будем обозначать систему взаимосвязей между полем свойств и полем знаков формулой:

$$\sum_{i=1}^n [A \text{ — } (A)]_i,$$

систему взаимосвязей между полем классов и полем знаков — формулой:

$$\sum_{i=1}^n [\Sigma X \text{ — } (A)]_i$$

и систему взаимосвязей между полем предметов и полем знаков — формулой:

$$\sum_{i=1}^n [X \text{ — } (A)]_i.$$

Система атрибутивно-номинативного знания представляет собой *органическое единство* этих трех систем связей. Последние являются ее компонентами. Следовательно, в системе атрибутивно-номинативного знания существует определенная связь между составляющими ее системами-компонентами. Эта связь может носить различный характер.

Между областью содержания и полем формы в системе знания, как мы уже говорили (см. §§ 11, 12 *Главы 2*), должно существовать определенное соответствие. Это возможно в том, и только в том случае, когда существует соответствие между полем формы и полем содержания во всех трех составляющих ее системах-компонентах. Но так как поле формы у этих систем-компонент одно, а поля содержания разные и они могут по-разному, относительно независимо друг от друга, изменяться, то это создает условия для появления противоречий между системами-компонентами, то есть для появления такого положения дел, когда сохранение соответствия в одной системе вызывает и обуславливает появление несоответствия в другой. На это обстоятельство надо также обратить особое внимание, так как нам придется его специально использовать при анализе процессов развития системы атрибутивно-номинативного знания. Но пока — при «остановившейся» деятельности познания — есть только *условия* противоречий, а самих противоречий между системами-компонентами нет и не должно быть. Соответствия во все трех системах-компонентах сосуществуют, не мешая друг другу, наличное соответствие в одной не обуславливает, не вызывает несоответствия в другой. Состояние системы знания, характеризующееся такой *непротиворечивой* связью между составляющими ее компонентами, мы будем называть *«статически равновесным»*.

Все то, что мы сказали выше о взаимоотношении связей в системах-компонентах, можно без всяких изменений перенести и на взаимоотношение функций поля формы.

При этом надо специально оговориться, что, рассматривая систему атрибутивно-номинативного знания *в целом*, с точки зрения *всей* области объективного содержания, мы можем и должны отвлечься от тех различий между значениями (соответственно, функциями) абстракции и метки, с одной стороны, и значением (соответственно, функцией) обобщения, с другой, на которые мы указывали раньше (см. §§ 4, 5, 6), называя два первых «реальными» и актуальными, а третье — «ирреальным» и потенциальным. Указание на это различие было необходимо тогда, когда мы рассматривали связи значения и функции (??) атрибутивно-номинативного знака с позиций *отдельного* знания и сознательно отвлекались от рассмотрения и учета свойств этого знания, обусловленных *системой* и взаимосвязью этих

знаний друг с другом. При этом, мы не могли отвлечься от некоторых из этих свойств и сторон **полностью**, так как процесс получения единичного атрибутивно-номинативного знания предполагает в качестве своих условий, во-первых, другое знание такого же вида и с такой же языковой формой, во-вторых, действие сопоставления по крайней мере **двух** предметов, и, следовательно, в самом этом процессе *уже заключено обобщение*. В то же время, если бы мы отвлеклись вообще от процесса получения этого знания, то не могли бы проанализировать и понять его как специфически мысленное и атрибутивное. Но и учесть обобщение (методологически правильно и обоснованно) как определенную сторону и свойство отдельного атрибутивно-номинативного знания мы не могли, так как в готовом единичном знании оно полностью элиминировано и никак не может рассматриваться в качестве наличного свойства этого знания. Поэтому нам и пришлось тогда сказать, что обобщение является **неотъемлемым, наличным**, но, в то же время, «потенциальным» или «ирреальным» свойством отдельного номинативного знания. Теперь, когда мы рассматриваем **систему** номинативных знаний, обобщение приобретает все права гражданства и полное обоснование — как свойство знаков языка и, соответственно, свойство знаний, возникающее благодаря тому, что *один и тот же* знак языка участвует **во многих** номинативных знаниях, употребляется в отнесении **ко многим** единичным предметам.

Этим исчерпывается необходимый для наших целей анализ «ставшего» состояния системы атрибутивно-номинативного знания, и мы можем перейти к анализу ее динамики.

§ 14

Для того, чтобы система атрибутивно-номинативного знания вышла из «ставшего» состояния, необходима какая-то **внешняя** для самой этой системы причина. Такой причиной является непрекращающаяся никогда **деятельность познания**. В зависимости от того, как будет протекать эта деятельность, как она сама будет изменяться и развиваться, система атрибутивно-номинативного знания будет претерпевать **различные** изменения. Рассмотрим основные возможные виды этого изменения, последовательно задавая определенный вид деятельности мышления и его изменение.

Для начала предположим, что имеющийся у человеческого коллектива «набор» операций $\sum \Delta_i$ какое-то время **остаётся неизменным**, как по характеру операций, так и по их числу, и лишь применяется в готовом виде к все новым и новым предметам деятельности. При этом, мы оставим необходимое для номинативного знания условие, что к каждому новому предмету может быть применена **только одна** какая-либо операция из имеющегося набора и что положительный результат при применении одной какой-либо операции делает невозможным применение другой. Все те предметы объективной действительности, к которым не могут быть применены операции этого набора или — могут быть применены, но дают отрицательный результат, мы будем просто оставлять без внимания. Легко заметить, что в этих условиях непрекращающаяся деятельность познания приводит лишь к тому, что непрерывно «расширяется» предметное поле содержания, а поля свойств и классов, а также поле формы, остаются неизменными. Расширение предметного поля содержания приводит к изменению системы соответствий, существующей между ним и полем формы: с каждым актом процесса познания увеличивается число предметов, входящих в область содержания $\sum X_j$, и число предметов, обозначаемых отдельными знаками поля формы. Но это изменение системы связей между полем предметов и полем формы никак не сказывается на связях между полем формы и полями свойств и классов и на их отношении друг к другу. Система атрибутивно-номинативного знания в целом по-прежнему остается **в том же равновесном состоянии**. Такое изменение системы атрибутивно-номинативного знания мы будем называть ее **функционированием**.

§ 15

Из состояния равновесия система атрибутивно-номинативного знания может быть выведена только той познавательной деятельностью, в ходе которой либо происходит *изменение характера и числа операций*, входящих в набор, либо *уже сложившиеся и остающиеся неизменными операции* этого набора *применяются* к тем предметам объективного мира, к которым раньше применялись другие операции.

В обоих случаях нарушается система соответствий между набором операций, полем знаков формы и полем абстрактного содержания, между определенными компонентами системы знания возникают противоречия, которые приводят в движение другие ее компоненты и элементы, они тоже начинают изменяться, и это изменение продолжается до тех пор, пока вся система не придет в какое-то другое состояние статического равновесия. Весь процесс перехода из одного состояния равновесия в другое образует **«цикл развития»** системы знания. Механизмы таких циклов бывают весьма различными в зависимости от того, какие элементы и компоненты системы были затронуты первичным изменением, между какими системами соответствий в результате этого возникли противоречия и к какому новому состоянию равновесия пришла система в итоге всего цикла развития.

Однако, тема настоящего раздела работы сразу же ограничивает нас: поскольку мы рассматриваем пока только номинативное знание, постольку и новое статически-равновесное состояние должно быть номинативным. Но номинативное знание определено как знание, получающееся в результате применения к предмету *одной* операции практически-предметного сравнения. Таким образом, это сразу исключает из области рассмотрения все те изменения системы знания, которые связаны со **вторичным** применением каких-либо операций к предметам. Остается только один из указанных факторов: это — появление новых операций практически-предметного сравнения в наборе и применение их **к новым** предметам действительности, то есть к таким, к которым еще не применялись другие, существовавшие раньше операции. Если мы оставим в стороне вопрос о механизмах появления новой операции и новых объектов в области содержания и возьмем лишь один конечный результат всего процесса, то такой *цикл развития* системы номинативного знания будет вполне возможен. Набор операций практически-предметного сравнения увеличится еще на одну операцию, поле абстрактного содержания увеличится еще на одно выделенное свойство, в поле формы появится новый знак, в поле классов — новый класс, в поле предметов — новая совокупность предметов, обладающих общим свойством. При этом, существующие системы соответствий между полем формы и полями содержания никак не будут затронуты: к ним просто «присоединится» по новой связи, и поэтому останется в силе положение о том, что каждый предмет выделенной совокупности входит только в один из классов. Мы будем называть такой цикл развития системы атрибутивно-номинативного знания **количественным ростом**.

Повторяем: если оставить в стороне механизмы процесса и брать лишь его исходный материал и конечный результат, то такой цикл развития системы номинативного знания вполне возможен и мыслим. Однако, когда мы переходим к анализу реальных механизмов развития операций мышления и систем знания, то целый ряд обстоятельств заставляет думать, что такой процесс развития невозможен. Действительно. Новые операции мышления не возникают сами собой, из ничего. Они всегда возникают в ходе какой-либо деятельности с предметами окружающего мира и **на основе** каких-то других операций. Поэтому первоначально они «схватываются» и осознаются сквозь призму понимания этих последних. Точнее было бы даже сказать, что сначала эта новая операция «схватывается» как старая, уже известная, и лишь затем, в ходе применения к какому-либо одному предмету, две операции — прежняя и вновь возникшая — отделяются друг от друга и осознаются как различные (см. §§ **Главы**). Поэтому в реальном механизме появления и осознания какой-либо новой операции мышления всегда имеет место применение по крайней мере **двух** операций к **одному и тому же** предмету.

Но это значит, что мы не можем рассматривать развитие системы атрибутивно-номинативного знания на основе требования лишь однократного применения операций к каждому предмету выделенной области. Мы должны отказаться от этого требования. Но это, в свою

очередь, будет означать, что номинативное знание (как оно было определено выше) не образует *замкнутой органической системы*, то есть системы, способной развиваться с сохранением своих специфических свойств, и поэтому, при *анализе процессов развития* систем знания, оно не может рассматриваться помимо и изолированно от других, более сложных видов знания. Чтобы методологически правильно рассмотреть *развитие системы знания*, исследователь должен проанализировать реальные механизмы осознания вновь возникших операций мышления и включить в систему знания все те виды знания, которые необходимы, чтобы сделать ее *органической системой*. Но это будут уже новые виды знания, отличные от тех, которые мы определили как *собственно* номинативные.

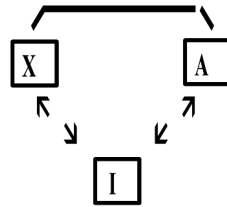
Глава 5 (Д). «ПОЛИНОМИНАТИВНЫЕ» ЗНАНИЯ И ИХ СИСТЕМЫ

§ 16

Как мы уже выяснили, развитие системы атрибутивно-номинативного знания может быть обусловлено только той познавательной деятельностью, в ходе которой либо происходит изменение характера и числа операций, входящих в набор, либо уже сложившиеся и остающиеся неизменными операции этого набора применяются к тем предметам объективного мира, к которым раньше применялись другие операции.

Начнем с первой из указанных выше причин: в ходе трудовой деятельности коллектива устанавливается новое, до того неизвестное практическое отношение, к примеру, $\boxed{X} \longleftrightarrow \boxed{K}$, где $\boxed{X}$ — исследуемый предмет, а $\boxed{K}$ — предмет-индикатор. Оставим в стороне все вопросы о том, *почему* и *как* оно возникает: чтобы ответить на них, надо проделать специальное исследование, которое не входит в наши задачи (см. §§ 14, 15 Главы 4). Предположим, что это практическое отношение возникло и закрепилось, то есть стало повторяться. Оно выделяет в предметах новое свойство, до сих пор неизвестное коллективу. Возникает необходимость выразить его в знании. Но для этого надо выработать новую операцию практически-предметного сравнения, соответствующую выделяемому свойству. Практически устанавливаемое отношение $\boxed{X} \longleftrightarrow \boxed{K}$ образует ее основу. Однако, для операции сравнения одного этого практического отношения еще недостаточно: *необходим также предмет-эталон* (находящийся в таком же практическом отношении к предмету-индикатору $\boxed{K}$), связанный с определенным знаком. Но такого знака в поле формы пока еще нет и не может быть, так как свойство, выделяемое в практическом отношении $\boxed{X} \longleftrightarrow \boxed{K}$, по условиям, отлично от всех свойств, уже известных коллективу. Таким образом, возникает несоответствие между полем фактически выделяемого в предметах абстрактного содержания и полем существующей формы. Однако, поскольку вновь обнаруженное в практическом отношении $\boxed{X} \longleftrightarrow \boxed{K}$ свойство выделяется регулярно и используется в трудовой деятельности коллектива, постольку необходимость выразить его в каком-то знании сохраняется. Тогда остается только один путь: выразить вновь обнаруженное свойство через прежние, уже известные.

Механизмы этого выражения могут быть различными. Предположим, что в практически устанавливаемом отношении к предмету-индикатору $\boxed{K}$ участвует предмет X из области содержания, обозначаемой знаком (A), то есть предмет, к которому уже применялась операция практически-предметного сравнения

Поскольку вновь установленное практическое отношение $X \longleftrightarrow K$ и прежнее, уже известное и зафиксированное в специальном знании отношение $K \longleftrightarrow I$ имеют один и тот же «основной» предмет X , постольку естественной, по-видимому, будет попытка сопоставить между собой эти отношения и образовать систему сопоставления

в которой отождествляются разные отношения $X \longleftrightarrow K$ и $X \longleftrightarrow I$.

В результате этого отождествления устанавливается определенная связь между *свойством* предмета X , выделенным в отношении к предмету-индикатору K , и *знаком* (A), обозначающим свойство этого же предмета, выделяемое в отношении к предмету-индикатору I . Нетрудно заметить, что в результате установления этой связи соответствие между полем абстрактного содержания и полем формы нарушается: *двум различным свойствам предмета X , двум различным «элементам» поля абстрактного содержания соответствует теперь один знак, один элемент поля формы.*

Специально отметим, что, обозначая вновь открытое свойство предмета X тем же знаком, что и открытое в нем раньше свойство A , мы действуем не произвольно, не ломаем уже существующие связи знания и не создаем новые, а, наоборот, — *опираемся* на имеющиеся, уже сложившиеся связи — именно, на связи поля формы с полями предметов и классов, — следуем им. Знак первого свойства, открытого в предмете X , становится обозначением также и вновь открытого свойства только потому, что, являясь знаком первого свойства A , он является одновременно и знаком всего предмета X в целом, со всем множеством его свойств, а следовательно, — неявно и этого, *вновь* открытого, свойства.

Таким образом, устанавливая новые связи в одной системе-компоненте — именно, в системе «поле формы — поле абстрактного содержания» — мы следуем уже существующим связям в других системах-компонентах, в частности, в системе «поле формы — поле предметов». Но именно это обстоятельство — следование связям, существующим в одной компоненте системы атрибутивно-номинативного знания — приводит к несоответствиям в другой, к тому, что два различных свойства предмета X обозначаются одним и тем же знаком.

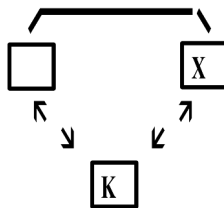
Это несоответствие между полем абстрактного содержания и полем формы, существующее наряду с соответствием между полями предметов и классов и полем формы, неизбежно проявляет себя в виде противоречия. Действительно, в системе сложившегося атрибутивно-номинативного знания знак (A) обозначает определенный класс предметов $W, X, Y, Z \dots$ (всех тех, которые обладают свойством A). Высказывая положения $W \rightarrow (A)$, $X \rightarrow (A)$, $Y \rightarrow (A)$ и т.д., мы утверждаем, что все эти предметы обладают определенным свойством, именно тем, которое выражено в знаке (A). Но в знаке (A) теперь выражено *два* свойства и, распространяя обозначение (A) на все предметы класса $W, X, Y, Z \dots$, мы — невольно — распространяем на них и то свойство, которое выделено посредством вновь возникшего практического отношения $X \longleftrightarrow K$. Иначе говоря, хотим мы того или нет, но второе свойство — незаконно, «по сопряченности» обозначенное знаком (A), — в соответствии с

существующими связями системы знания распространяется на все предметы, обозначаемые этим знаком, то есть не только на предметы **W** и **X**, в которых оно, предположим, практически выделено, но и на предметы **Y** и **Z**, входящие в этот же класс (по первому свойству). Но предметы **W**, **X**, **Y**, **Z** ... *наверняка* были сходны лишь в одном свойстве, а все остальные у них могут оказаться различными, и, следовательно, в предметах **Y**, **Z** ... может и не быть второго свойства, обнаруженного в предметах **W** и **X**. Это, скрытое пока, противоречие обнаруживается явно, как только человек в процессе труда и познавательной деятельности делает еще один шаг и пытается использовать предметы **Y** и **Z** в соответствии со вторым свойством предметов **W** и **X**. Он обнаруживает, что этого свойства у них нет, и вынужден выразить это в виде отрицательного знания **Y** $\neg$ (A) или **Z** $\neg$ (A).

Заметим, что именно здесь впервые появляется необходимость в отрицании, как особом виде знания. До этого человек вполне мог удовлетворяться лишь одним видом знания — утвердительным, а отрицательный результат той или иной операции практически-предметного сравнения вообще не фиксировался в виде знания (см. § 2). Мы не можем заниматься исследованием механизма и условий возникновения отрицательного знания. Для этого нужна специальная работа. Нам важно только подчеркнуть, что впервые оно возникает, по-видимому, именно здесь, в ситуации описанного выше противоречия, и в силу этого является первоначально *не отнесением* «отрицательного свойства» или «отрицательной абстракции» к предмету (таких свойств и абстракций на этом этапе познания быть не может), а *отрицанием* проделанного раньше отнесения²⁶. С этой точки зрения отрицательные знания должны быть в какой-то мере рефлексивными и должны стоять на *высшей ступени* по сравнению с утвердительными. Однако, повторяем, детальное исследование этого вопроса и обоснование высказанных положений требует специальной работы.

Итак, мы выяснили, что несоответствие между полем фактически выявляемого содержания и «инертным» полем языковой формы, возникающее наряду с соответствиями между полем формы и полями предметов и классов, приводит к противоречию между компонентами системы знания: восстановление соответствия в системе «поле абстрактного содержания — поле формы» должно нарушить сложившиеся соответствия в двух других системах-компонентах и привести к их перестройке. Внешне это противоречие проявляется в *антиномии*, то есть в появлении в системе знания двух в равной мере правильных и оправданных, но в то же время — внешне (формально) исключających друг друга знаний: **Y** — (A) и **Y** $\neg$ (A) (см. §§ **Главы 4**). Знание **Y** — (A) правильно и оправдано, если под (A) мы подразумеваем *первое* свойство предметов **W**, **X**, **Y**, **Z** ... ; но также правильно и оправдано отрицательное знание **Y** $\neg$ (A), если под (A) мы подразумеваем *второе* свойство, открытое в предметах **W** и **X**. Фактическое содержание, фиксируемое в знаке (A) в этих двух случаях, таким образом, различно, и поэтому на деле эти знания несколько не исключают друг друга, на деле между ними нет противоречия, однако, различие их содержаний пока никак не выражено в форме. А так как именно характер формы всегда определяет производимое отнесение или «выбор» объектов, то и в данном случае общность формы заставляет думать, что содержание, подразумеваемое в обоих знаниях, одинаково, заставляет производить отнесение к одному и тому же предмету, и вследствие этого знания **Y** — (A) и **Y** $\neg$ (A) выступают как исключающие друг друга, как противоречивые. *Возникает антиномия*.

Нетрудно показать, что к тому же самому результату, то есть к такой же антиномии, мы пришли бы и в том случае, если бы — после обозначения знаком (A) вновь открытого свойства — применили сложившуюся операцию к какому-либо новому предмету **U**.

Обнаружив у этого предмета второе свойство (выделяемое в практическом отношении к предмету-индикатору **К**), мы должны были бы включить его в класс предметов **А**, и, в силу этого, приписать ему также и первое свойство, обозначаемое этим знаком. Итогом всего этого процесса должно было быть знание $U \text{ — } (A)$. Но как только в следующем шаге трудовой и познавательной деятельности мы сделали бы попытку практически выделить это свойство, так тотчас же обнаружилось бы, что в действительности в предмете **U** его нет, и мы должны были бы зафиксировать этот результат в отрицательном знании $U \text{ —/— } (A)$.

Таким образом, и здесь, на этом пути, результатом трудовой и познавательной деятельности в какой-то момент становится антиномия $U \text{ — } (A)$ и $U \text{ —/— } (A)$.

Приступая к реконструкции процесса выработки новой операции сравнения и осознания ее результата — свойства, выделяемого во вновь возникшем практическом отношении $X \leftrightarrow K$, — мы сказали, что механизмы этого процесса могут быть различными. Мы рассмотрели один из возможных механизмов, и убедились в том, что в определенный момент он неизбежно — каким бы путем мы ни шли в дальнейшей познавательной деятельности — приводит к антиномии. Другие возможные механизмы выработки новой операции практически-предметного сравнения еще очень мало изучены²⁷, однако, на основании общих соображений, можно утверждать о них то же самое, что мы сказали относительно первого механизма. Если в системе знания, в силу каких угодно обстоятельств, складывается такое положение, что один «элемент» поля формы соответствует двум различным «элементам» поля абстрактного содержания, то это в какой-то момент познания неизбежно приводит к антиномии. А какой бы механизм выработки новой операции сравнения мы ни разбирали, он обязательно включает в себя «выражение» *вновь установленного* практического отношения *в другом*, уже известном, отношении и, соответственно, «схватывание» свойства, выделенного во вновь установленном отношении, в форме другого свойства, выделяемого в уже известном отношении. Следовательно, какой бы механизм выработки новой операции сравнения мы ни разбирали, он обязательно приведет к тому, что двум различным «элементам» поля абстрактного содержания будет соответствовать один «элемент» поля формы. А это, в свою очередь, с неизбежностью вызовет антиномию.

Но антиномий в системе знаний быть не может, так как в противном случае исчезает однозначность связи между действительностью и деятельностью. Если $X \text{ — } (A)$, то мы должны действовать с этим **X** и использовать его одним способом. Если же $X \text{ —/— } (A)$, то действовать с ним *этим* способом и использовать его *так* — нельзя и пытаться сделать это практически совершенно бесполезно и неэкономно. Следовательно, необходимо устранить антиномию из системы знания, а для этого — восстановить соответствие между полем формы и полем абстрактного содержания. Но это, в свою очередь, можно сделать только одним способом: ввести в поле формы по крайней мере еще один — новый — атрибутивный знак с тем, чтобы число различающихся между собой знаков (или «элементов» поля формы) соответствовало числу открытых абстрактных содержаний (или «элементов» поля абстрактного содержания). Этот процесс — появление в поле формы нового знака и соответствующая перестройка связей между полем формы и полями содержания — образует *вторую часть «цикла развития»* системы знания. Механизмы его, так же, как и механизмы первого процесса, приводящего к антиномии, могут быть различными. Они приводят систему знания к *различным* равновесным состояниям и, соответственно, образуют различные циклы ее развития. Наша задача состоит в том, чтобы рассмотреть возможные механизмы этого процесса и на основе этого наметить возможные направления и тенденции в развитии системы атрибутивно-номинативного знания. При этом, мы можем оставить в стороне вопрос о том, *как возникает* «материал» новых знаков; ответить на него — дело языкознания и, в какой-то мере, психологии. Логике должно интересоваться только то, *как* в связи с этим происходит преобразование существующей *системы связей* между полями содержания и полем формы и *какие* связи складываются в ходе этого преобразования. Чтобы осуществить эту абстракцию, предположим, что «по материалу» второй знак — обозначим его (**А'**) — уже возник. Тогда останется только одна задача — проследить, в какие связи он может вступать с полями содержания.

- Может так случиться, что один из двух знаков — прежний (А) или вновь возникший (А') — становится обозначением единства двух, открытых в предмете X (и в других предметах, предположим, — U, W ...), свойств и, соответственно этому, очерчивает класс предметов, обладающих этими двумя свойствами²⁸. Второй знак обозначает только одно, открытое первым, свойство и, соответственно, очерчивает класс предметов, обладающих одним этим свойством, то есть предметов Y, Z ... , которые уже входили раньше в класс А и у которых не обнаружено второго, нового свойства.
- Может случиться иначе. Один из двух знаков — (А) или (А') — становится обозначением единства двух, открытых в предметах U, W, X ... , свойств и, соответственно этому, очерчивает класс предметов, обладающих этими двумя свойствами, а второй, обозначая только одно, открытое первым, свойство, очерчивает весь класс предметов, обладающих этим свойством, независимо от того, обнаружены в них другие свойства или нет, то есть весь прежний класс предметов U, W, X, Y, Z
- Может случиться, что в ходе разрешения антиномии и восстановления соответствия между полем формы и полем абстрактного содержания будет создан не один новый знак, а несколько — два, три или большее их число. Тогда прежний, уже существовавший знак (А), может сохранить свое исконное содержание (по всем трем полям); один из вновь созданных знаков, к примеру, (А'), будет обозначать одно лишь *второе* свойство, и, в соответствии с этим, будет очерчивать класс предметов, обладающих одним этим свойством, а второй из вновь созданных знаков — обозначим его символом (А'') — послужит для обозначения *единства* двух свойств — А и А' — и, соответственно, будет очерчивать класс предметов, обладающих обоими этими свойствами²⁹.
- Наконец, может случиться и так, что оба знака — прежний и вновь созданный — будут обозначать только отдельные свойства: один — первое свойство, открытое в предметах U, W, X, Y, Z ... в отношении к предмету-индикатору I, другой — второе свойство, открытое в предметах U, W, X ... в отношении к предмету-индикатору K, и не будет никакого специального знака для обозначения единства этих двух свойств и выделения класса предметов, обладающих этими двумя свойствами одновременно. (Такое обозначение и выделение *в этом случае* будет достигаться за счет одновременного употребления в одном знании обоих знаков (А) и (А') и задания особой их связи. Но об этом мы будем говорить дальше).

Ясно, что в реальной истории развития языкового мышления эти и другие варианты способов образования знаний могут всячески переплетаться и давать многочисленные комбинации движения знаков и многочисленные циклы развития системы знания. Как именно пойдет этот процесс — это зависит от конкретных исторических условий и таких деталей, затрагивать которые мы здесь не можем. Для нас важно рассмотреть лишь возможные **полярные** случаи таких движений и наметить основные **направления** и **тенденции** развития системы атрибутивно-номинативного знания.

Прежде всего необходимо указать, что каждый из описанных выше циклов развития приводит систему знания в такое состояние, в котором она по-прежнему остается сложной трехкомпонентной системой с теми же самыми составляющими. Поэтому дальнейшее развитие процессов труда и связанного с ними познания предметов неминуемо приводит к тем же самым несоответствиям между «полями» системы знания и к тем же самым противоречиям между системами-компонентами, которые мы уже разбирали. Эти противоречия вновь проявляются в виде антиномий, которые снимаются введением новых атрибутивных знаков. Таким образом, описанные выше циклы развития системы знания повторяются вновь и вновь: каждый раз они восстанавливают соответствие системы знаний имеющемуся набору операций, и каждый раз дальнейшее развитие деятельности мышления нарушает это соответствие. В целом, с точки зрения формы знания, весь этот процесс выступает как **дифференциация** или **расщепление** знаков языка³⁰.

Затем, нужно указать на то, что при первых трех циклах развития системы знания

происходит изменение *типа* «элементов» поля абстрактного содержания так, что некоторые из знаний, полученных в результате этих циклов, перестают быть номинативными в том смысле, как это было определено выше. Если в исходном состоянии каждый знак формы соответствовал свойству, выделяемому посредством *одной* операции практически-предметного сравнения, и только эти свойства составляли «элементы» поля абстрактного содержания, то после указанных выше циклов в полях формы систем знания появляются знаки, соответствующие *сразу двум свойствам*, то есть содержанию, выявляемому посредством *двух* операций практически-предметного сравнения, и эти «сдвоенные» свойства становятся такими же «элементами», такими же «простыми единичками» поля абстрактного содержания, как и «одинарные» свойства. При этом, в поле формы возникает неоднородность: одни знаки по-прежнему связаны только с одной операцией и, соответственно, с «одинарным» свойством, другие же — с двумя операциями и, соответственно, со «сдвоенными» свойствами. Одновременно исчезает однозначность связи между знаком и вызываемой им практической деятельностью: раз в каком-то предмете есть два практически важных свойства, то и действовать с ним можно двояким способом, причем, в самом языковом выражении не указано — каким же из двух.

Повторение тех же самых циклов в развитии системы атрибутивно-номинативного знания приводит к появлению «строенных», «четверенных» и т.д. свойств, увеличивает неоднородность поля формы и создает все большее несоответствие между полем формы, с одной стороны, и наборами операций сравнения и практических действий — с другой. В то же время, по своей форме *все отдельные знания* системы остаются номинативными, то есть *однозначковыми*, и сохраняют строение вида **X — (A)**.

Это обстоятельство заставляет нас уточнить введенные ранее понятия. В первоначальном определении атрибутивно-номинативного знания были связаны воедино и поставлены в зависимость друг от друга *два признака*:

- 1) номинативное знание является результатом *одной* операции практически-предметного сравнения;
- 2) его форма, в силу этого, состоит только из одного знака (см. §§ 1, 2).

Это определение было совершенно верным *в исходном пункте исследования* и поскольку мы «двигались» *от* характеристики порождающего процесса мышления — к характеристике формы знания. *Если к предмету применена одна операция практически-предметного сравнения, то и форма знания, фиксирующая результат этой операции, содержит только один знак.* Это положение остается верным. Однако обратное утверждение становится теперь уже неверным. Как мы выяснили при разборе возможных циклов развития системы знания — могут существовать такие знания, в которых форма выражена одним знаком и которые, тем не менее, являются результатом двух или большего числа операций мышления. Поэтому возникает задача разделить эти два признака — *число знаков* в форме знания и *число операций*, порождающих это знание, — и определить номинативное знание либо только через число знаков в форме, либо только через число порождающих операций мышления. Мы решили выбрать первое и, в соответствии с этим, *определим номинативное знание как знание, содержащее в форме один знак*³¹.

Чтобы учесть различие между номинативными знаниями, полученными посредством разного числа порождающих операций, и, соответственно, чтобы учесть различие между однозначковыми формами, отражающими различное число свойств одного и того же предмета, мы введем понятие об «*интенсивности*» знания и, соответственно, об «*интенсивности*» формы. Номинативное знание и, соответственно, его формы будут иметь: *интенсивность степени два*, или просто — *интенсивность—2*, если в форме этого знания фиксируется результат применения двух операций практически-предметного сравнения; *интенсивность—3*, если в форме этого знания фиксируется результат применения трех операций и т.д., и т.п.

В соответствии с этим мы введем понятие о «*полиноминативных*» знаниях. *Полиноминативными* знаниями мы будем называть *номинативные знания интенсивности—2 и выше*. Номинативные знания *интенсивности—1* будем называть

«**моно-номинативными**».

После этого уточнения исходных понятий вернемся к характеристике результатов описанных выше циклов развития систем знания. Предположим, что может существовать система знания, являющаяся результатом процессов развития, осуществляющихся исключительно **по первому** циклу. Очевидно, что в достаточно дифференцированном и развитом состоянии она будет включать в себя знания только высокой степени интенсивности. Монономинативных знаний в ней не будет вовсе или почти не будет. Группы предметов, обозначаемые каждым знаком поля формы, будут сравнительно узкими, а обобщенность каждого знания, соответственно, — очень небольшой.

Исследования по мышлению так называемых «первобытных» народов³² дают нам, по-видимому, примеры таких (или близких к таким) систем знания.

«Действительная бедность словаря, как у всех первобытных народов, состоит в отсутствии общих понятий, — пишет **К. Штейнен**, характеризуя язык бразильского племени бакайри. — ... Каждый попугай получает свое особое название, и более общее понятие *попугай* совершенно отсутствует, как и понятие *пальма*. Но они прекрасно знают свойства каждого вида попугаев и пальм; они до такой степени опутаны этими отдельными многочисленными знаниями, что не заботятся уже об общих признаках, которые не представляют для них никакого интереса»³³.

О том же самом, опираясь на многочисленные эмпирические исследования других ученых, пишет **Л. Леви-Брюль**: «Чем ближе мышление социальной группы к пралогической форме, тем сильнее в нем господствуют образы-понятия»³⁴. Об этом свидетельствует почти полное отсутствие в языке таких общественных групп родовых выражений, соответствующих общим в собственном смысле слова идеям; об этом свидетельствует также крайнее обилие в этом языке специфических выражений, то есть обозначающих существа или предметы, точный и конкретный образ которых рисуется сознанию говорящего, когда он их называет. **Эйр** уже отметил это обстоятельство в отношении австралийцев: «У них нет родовых выражений, как дерево, рыба, птица и т.д., у них есть видовые термины, приложимые к каждой особой породе деревьев, рыб, птиц и т.д.». Туземцы округа, прилегающего к озеру Тэйер (Джипслэнд) не имеют слова для обозначения дерева, рыбы, птицы вообще и т.д. Все существа и предметы различаются по именам собственным: лещ, окунь и т.д. Тасманийцы не имели слов для выражения отвлеченных понятий: для каждой породы кустарника, каждого дерева и т.д. они имели особое название, отнюдь не равнозначное слову *дерево*»³⁵.

Эти факты, зафиксированные также в языковом мышлении многих народностей, живущих на территории СССР, послужили одним из краеугольных камней «нового» учения о языке. «Эти языки, отражая усиление конкретного мышления, до крайности осложняют структуру фраз и слов, проводя конкретизацию и в них, — писал **И.И. Мещанинов**. ... Обозначение каждого предмета конкретизируется по его разновидностям, вследствие чего появляется ряд названий одного и того же предмета по различному его состоянию и по различию использования в растущих потребностях хозяйства (отдельные наименования для домашних животных по выполняемой ими функции в хозяйстве, по возрасту их, цвету и т.д. ...)»³⁶.

Примеров и высказываний, подтверждающих данную выше общую характеристику и оценку «первобытного» мышления, можно было бы привести очень много. В то же время **против** такой оценки и такого описания нет сколько-нибудь серьезных возражений. Исключительный интерес для логики и психологии поэтому будут иметь исследование гипотетической системы знания, складывающейся указанным выше путем. Анализ ее основных закономерностей, движущих противоречий и основных недостатков (с точки зрения задач отражения и коммуникации), проведенный сопоставительно с анализом существующей в настоящее время системы знания, безусловно, много даст нам как в плане объяснения эмпирической истории языкового мышления, так и в плане понимания функциональных возможностей и средств различных систем языкового знания. Однако, все эти весьма важные и интересные вопросы не могут быть рассмотрены в рамках настоящей работы (это сделало бы ее бесконечной). Нам важно наметить лишь основные **направления и тенденции** возможного развития системы атрибутивно-номинативного знания. Повторим: в достаточно дифференцированном и развитом состоянии система атрибутивно-номинативного знания, складывающаяся в результате **первого цикла развития**, будет включать в себя знания только высокой степени интенсивности. Монономинативных знаний в ней почти не будет. Группы предметов, обозначаемые каждым знаком поля формы, будут сравнительно узкими, а обобщенность каждого знания, соответственно, — очень небольшой.

Система знания, являющаяся результатом процессов развития, осуществляющихся по **второму** или **третьему** циклу, в достаточно дифференцированном и развитом состоянии будет содержать знания *двух* типов: во-первых, знания высокой степени интенсивности, относящиеся к сравнительно узким группам предметов и, соответственно, мало обобщенные (эти знания фактически ничем не отличаются от знаний первой системы); во-вторых, монономинативные знания, то есть знания *интенсивности-1*, относящиеся к сравнительно широким группам предметов и, соответственно, сильно обобщенные. Разница между системами знания, являющимися результатом второго и третьего цикла, будет заключаться лишь в том, что в третьей системе, при том же числе осуществившихся циклов, будет в два раза больше монономинативных знаний, чем во второй. Практически же, поскольку темп развития всякой реальной системы языкового знания, то есть число осуществляющихся циклов, определяется числом уже имеющихся монономинативных знаний и их отношением к наборам практических действий и операций мышления, это различие не сказывается на *строении* системы знания, а только на темпе ее развития: темп развития второй системы оказывается в два раза большим, чем третьей.

Важное отличие системы знания, полученной посредством **второго** или **третьего** цикла развития, от системы знания, полученной посредством *первого* цикла, заключается в том, что в ней существуют «перекрещивания» между группами предметов, очерчиваемыми различными знаками поля формы. Если раньше, приступая к анализу системы атрибутивно-номинативного знания, мы предполагали, что каждый предмет выделенной области содержания находится в *одном*, и **только в одном** из классов и что, в силу этого, все, образованные этими классами, группы предметов лежат как бы «наряду» друг с другом, не перекрещиваясь, то теперь, рассматривая системы номинативных знаний, полученные посредством второго и третьего из указанных циклов развития, мы должны отказаться от этого предположения и специально отметить, что один и тот же предмет действительности может находиться в **любом** числе классов и что, следовательно, образуемые этими классами группы предметов будут перекрещиваться. До тех пор, пока мы не приступаем к анализу сложных многознаковых форм знания, это обстоятельство не играет особо важной роли и не сказывается на процессах использования отдельных знаний, поэтому мы можем не учитывать его специально, но в дальнейшем, при анализе знаний со сложными формами, оно будет играть существенную роль и поэтому его нужно особо оговорить.

Система знания, складывающаяся в результате развития по **четвертому** циклу, в любом своем состоянии должна содержать **только** монономинативные знания. Это обстоятельство дает ей известные *преимущества* перед другими системами. Одно из них заключается в том, что элементы поля абстрактного содержания такой системы остаются действительно **абстрактными** (каждый из них является результатом *одной* и **только одной** операции практически-предметного сравнения), а поле в целом сохраняет **полную однородность**. Благодаря этому, — *второе важное преимущество* — в такой системе может быть сохранена **строгая однозначность** связи между отдельными знаками и вызываемой ими практической деятельностью. Указанные особенности делают монономинативную систему знания более удобной в процессах отражения и коммуникации, чем другие — полиноминативные системы. Но, одновременно, обратной стороной этих преимуществ является один исключительно важный, с точки зрения отражения и коммуникации, недостаток: система, составленная только из монономинативных знаний, *не может выразить многогранность, многосторонность* предметов окружающего мира, и в этом отношении сильно уступает полиноминативным знаниям. Поэтому она может успешно функционировать и развиваться, вытесняя другие системы из употребления, только в том случае, если ее «техническая», выразительная, сторона будет дополнена таким средством, которое сохранит ее преимущества (абстрактность отдельных знаков, однородность поля свойств, строгую однозначность связи между отдельными знаками и практической деятельностью) и, в то же время, избавит от недостатка односторонности.

Удовлетворить этим *противоположным* требованиям — *односторонность отдельных знаков* и *многосторонность форм выражения знания* — может только принципиально новое средство, выражающее многосторонность знания не на пути увеличения

интенсивности отдельных знаков формы. Этим средством становится *совместное употребление нескольких знаков* в одном знании и *объединение* их в сложные комплексы.

Глава 6 (Е). НОМИНАТИВНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

§ 17

В своих экспериментальных работах **Н.Х. Швачкин** показал, что в возрасте *0;11 — 1;7* дети первоначально не образуют и, соответственно, не выделяют в речи взрослых сложных, в частности, двузнаковых форм и используют в своем языковом мышлении только номинативные знания³⁷. Но затем (у Н.Х. Швачкина — в ходе самих экспериментов) они начинают сопоставлять и связывать между собой последовательно проделанные операции сравнения какого-либо предмета с другими предметами-эталоны и выражать это в объединении соответствующих знаков.

«Так, например, — пишет **Н.Х. Швачкин**, — когда Вите Н., называвшему *синий горшок* «гок» и *желтую бочку* «бок», показали *желтый горшок* и спросили его, что это такое, он ответил: «Бок», — но, сравнив конфликтную игрушку с *синим горшком*, произнес: «Гок», — после чего громко сказал: «Гок-бок». Так это название и осталось за этим предметом. Впоследствии подобными именами он называл многие конфликтные предметы. К такому «словообразованию» самостоятельно пришли в разное время еще 17 детей»³⁸.

Наглядно-схематически такого рода знания (то есть полученные в результате двух операций практически-предметного сравнения, приложенных к какому-либо предмету **X**, и последующего объединения в *комплекс* знаков, фиксирующих открытые свойства) могут быть изображены в формуле **X — (A)(B)**.

Появление таких знаний — переворот как в историческом развитии языкового мышления, так и в развитии его у детей. В ходе него происходят важнейшие сдвиги в характере процессов отражения и коммуникации, в *связи* между практической и познавательной деятельностью, в психических способностях и т.п., сдвиги, которые, несмотря на их исключительное значение, остаются до сих пор почти не исследованными. Одним из важнейших среди них является возникновение и закрепление особой способности разума — *связывать* в некоторое единство последовательные *операции* практически-предметного сравнения какого-либо предмета с различными эталонами и *их результаты* — различные атрибутивные знаки.

В языкознании и связанных с ним науках различают *номинативную* и *синтагматическую* речевые способности³⁹, и это различие в известной мере фиксирует и выделяет указанную выше способность к объединению операций сравнения и знаков языка в единые комплексы. Однако, — фиксирует и выделяет недостаточно четко, не в «чистом» виде, так как это же различие служит для выделения другой (*собственно синтагматической* или *синтагматической в узком смысле слова*) способности, необходимой для *организации* сложных комплексов знаков *во взаимосвязи замещения* (см. ниже §§ 20–27) и возникающей *позднее*, уже *на основе* способности *создавать* знаковые комплексы. Эти две способности (условно скажем, «*комплицирования*» и собственно «*синтагматическая*»), хотя и связаны друг с другом, тем не менее существенно различаются (как функционально, так и генетически) и должны рассматриваться отдельно друг от друга. Недостаточно четкое выделение способности комплицирования как особой и обособленной способности, безусловно, было основной причиной того, что в психологии совершенно не исследовался ее генезис.

Вторым важным сдвигом, возникающим при появлении знаний вида **X — (A)(B)**, является изменение связи между практическими задачами (потребностями) и практической деятельностью, с одной стороны, и познавательной деятельностью, с другой. Действительно. Каждое из мономинативных знаний является результатом одной операции практически-предметного сравнения. Каждая такая операция, как мы уже говорили (см. §§), соответствует определенному практическому действию, из которого она выделяется в ходе

своего исторического формирования. В силу этого каждое мономинативное знание жестко связано с определенным практическим действием, вызывает или как бы «включает» его. Таким образом, в системе мономинативных знаний каждое практически-предметное сравнение связано с определенным знанием и определенным знаком формы, а каждое знание, каждый знак формы — с определенным практическим действием. Появление в языковом мышлении комплексных знаний вида $X — (A)(B)$ нарушает и должно полностью перестроить эту связь между познавательными действиями, знаками и практической деятельностью. Нельзя практически действовать с каким-либо предметом X одновременно двумя способами. Применение одного исключает возможность применения другого. Но это значит, что если какой-либо предмет X , рассматриваемый с практической точки зрения, есть (A) , то он не может и не должен быть одновременно (B) , если же он (B) , то не должен быть (A) . И если, несмотря на это, знания вида $X — (A)(B)$ все же возникают и становятся преобладающими в современном языковом мышлении, то это происходит и может произойти только потому, что меняется характер самой практической деятельности (существующие в наборе коллектива отдельные практические действия перестают исключать друг друга и объединяются в сложные комплексы), меняется и становится фактически автономной познавательная деятельность (это — условие превращения ее в дальнейшем в собственно теоретическое познание), меняется характер выделяемого посредством нее содержания (особым элементом содержания знания, как мы покажем в дальнейшем, становятся связи) и, наконец, в результате всего этого меняется характер связи между знаниями и практической деятельностью (условие превращения знаний в дальнейшем в *научные и теоретические*).

Ни один из перечисленных аспектов указанного преобразования строения и роли атрибутивного знания никогда, насколько мы знаем, не был предметом *специального* исследования. Работы **Н.Х. Швачкина**, по-видимому, являются вообще первым указанием на существование знаний вида $X — (A)(B)$, и первым опытом анализа их строения, условий появления и функционирования. С этой стороны они заслуживают исключительного внимания. Однако, сам анализ ни в коем случае не может считаться удовлетворительным.

Хотя при изложении своих исследований **Н.Х. Швачкин** много раз говорит о зависимости познания от практической деятельности⁴⁰, тем не менее в самих экспериментах он не смог вскрыть действительные связи между практической (игровой) деятельностью ребенка и характером содержания, выделяемого при этом в предметах. Непосредственным предметом его анализа стали «сигнальные» (см. §§), чувственно-выделяемые свойства предметов — форма и цвет и, соответственно, — сигнальная (чувственная) познавательная деятельность, связанная с практической (в данном случае игровой) деятельностью, как мы уже говорили, только опосредованно. Но, вследствие этого, естественно потерял значительную часть своей остроты и даже вообще выпал из поля зрения вопрос о том, как один и тот же предмет может быть одновременно и *бок'ом* и *гор'ом*, то есть и *бочкой* и *горшком*, — ведь при таком подходе эти слова являются знаками не способов использования предметов и не знаками их атрибутивных свойств, а знаками случайных чувственно-воспринимаемых «сигнальных» свойств — цвета и формы, отнюдь не исключающих друг друга и закономерно объединяемых в одно целое. Если бы эксперименты **Н.Х. Швачкина** были поставлены достаточно «чисто», то проблема комплицирования разных «практически-функциональных» определений предмета безусловно встала бы и потребовала своего разрешения.

Исходная нерасчлененность аспектов и сторон рассматриваемого явления — процесса формирования знания $X — (A)(B)$ — обусловила (на наш взгляд, совершенно неправильное) общее направление исследования **Н.Х. Швачкина** и неудовлетворительность полученных им результатов.

«Мне кажется, — пишет он, — что ставить знак равенства между детьми, называвшими конфликтный предмет двойным именем и вовсе не называвшими его, не следовало бы. По-видимому, дети, называвшие конфликтный предмет двойным именем, начинали все больше считаться с предметным сходством противопоставленных игрушек. Цветовое различие этих игрушек становилось для них все менее значимым. Эти дети уже начинали понимать, что конфликтный предмет одним своим признаком похож на один противопоставленный ему предмет, а другим своим признаком — на другой предмет. Значит, в отличие от детей, не называвших конфликтных предметов, дети, называвшие их двойным именем, находили в них не только *различие*, но и *сходство* с другими предметами. Несомненно, это является шагом вперед в умственном развитии

ребенка». И далее: «Обозначая конфликтный предмет двойным именем, ребенок, конечно, еще *не обобщал* признаки различных предметов, он лишь *объединял, синтезировал* их путем простого сочетания друг с другом. Вот почему эти названия еще не могут быть выражениями первичных понятий. Скорее всего здесь наблюдается словесное выражение возникшего у ребенка *представления* данного единичного предмета, а не выражения общих свойств ряда предметов в форме понятия»⁴¹.

О том, что эти названия могут быть *только обобщениями*, мы уже говорили выше (см. §§), да и сам **Н.Х. Швачкин** описанием проведенных им экспериментов подтверждает это (желтый горшок сопоставляется с синим горшком и желтой бочкой). Отвергая за знаками *гок* и *бок* свойство обобщения, уходя таким путем от исследования деятельности сопоставления, он заранее обрекает свой анализ на неудачу.

Кроме того, как показывает приведенный отрывок, на пути такого анализа не удастся выделить ни одного структурного свойства, которое могло бы стать основанием для плодотворного (теоретического или экспериментального) исследования этого вида знаний и лежащей за ними деятельности мышления. Поэтому совершенно закономерным оказывается то, что все *объяснительные*, теоретические понятия, используемые **Н.Х. Швачкиным**, сводят обнаруженную логическую характеристику явления («объединение признаков предметов путем простого сочетания их друг с другом») к более *сложным* и — по объективному плану исследования — *вторичным* психологическим характеристикам (вроде: дети «*считаются*» с предметным сходством игрушек, «*начинают понимать*» сходство, «*исходят*» не только из различий, но и из сходства, и т.п.). Таким образом, анализ условий и механизмов формирования знаний вида

X — (A)(B) ни в коем случае не может считаться проделанным и представляет собой задачу для дальнейших исследований.

Мы ограничимся этими замечаниями, фактически, — одной постановкой вопроса, и, предполагая эти знания уже сложившимися, рассмотрим их содержание, способы употребления и функциональное строение.

§ 18

Атрибутивное знание вида **X — (A)(B)** содержит в своей форме *два* знака и поэтому, с точки зрения данного выше определения номинативных знаний (§ 2), не является уже номинативным. Однако, по способу употребления и функциональному строению оно остается номинативным, несмотря на наличие двух знаков в форме. Так происходит потому, что в структуре этого знания оба знака являются абсолютно равноправными, относятся к непосредственно данному предмету **X** рядоположно и, в силу этого, выступают не как два обособленных друг от друга знака, а как *один сложный знак*, составленный из *двух частичных*. Схематически такое положение дел можно изобразить формулой **X — (AB)**. Нетрудно заметить, что при таком подходе и изображении комплексное знание оказывается типичным полиноминативным знанием.

Однако, благодаря сложному строению своей формы, знания вида **X — (AB)**, как мы и увидим в дальнейшем, имеют такие особенности, которых не было у однознаковых полиноминативных знаний, и поэтому должны быть выделены в особую группу. Мы будем называть их *номинативно-комплексными знаниями* или просто *номинативными комплексами*. Продолжая этот принцип различения, мы будем говорить уже не об *интенсивности* полиноминативных знаний (и вырастающих на их основе более сложных знаниях), а об их *экстенсивности*. Номинативно-комплексное знание и, соответственно, его форма будут иметь: *экстенсивность степени два* или просто *экстенсивность—2*, если в форме этого знания фиксируются результаты применения *двух операций* практически-предметного сравнения и она содержит не менее *двух знаков*, соответствующих выделенным содержаниям; — *экстенсивность—3*, если в форме знания фиксируются элементарные содержания, выделенные посредством *трех операций* практически-предметного сравнения, и она содержит *три знака*, соответствующие этим содержаниям, и т.д. и т.п.

В связи с введением понятия о номинативных комплексах нам придется еще раз изменить определение номинативного знания. Если раньше мы условились называть номинативными

только те знания, которые содержат в своей форме *один знак*, то теперь мы должны будем называть номинативными те знания, которые содержат *одну связь значения, одно отнесение* знаков к реальному, непосредственно данному предмету, независимо от того, сколько знаков при этом входит в форму и относится к предмету.

§ 19

Совокупность номинативно-комплексных знаний различных степеней экстенсивности определенным образом организуется в системе атрибутивного знания. Способ этой организации определяется двумя моментами:

- 1) *отсутствием настоящей связи* между знаками, входящими в каждое отдельное знание (это обстоятельство исключает знаковую или символизирующую роль одних знаков по отношению к другим), и
- 2) *характером связи* между познавательной (мыслительной) и практической деятельностью.

Последняя может быть весьма разнообразной, и это разнообразие, как мы уже говорили (§ 16), остается пока совершенно не исследованным.

Поэтому из всех возможных вариантов связи между познавательной и практической деятельностью мы возьмем один — простейший, характеризующийся тем, что комплексы содержаний вида **AB**, **ABC**, **ABCD** и т.д., выделяемые посредством *нескольких* операций практически-предметного сравнения, независимо от числа операций и, соответственно, независимо от степени комплексности содержания, обуславливают и вызывают каждый раз различные *простые, элементарные* практические действия, которые могут рассматриваться как *равноправные, лежащие наряду друг с другом* операции из набора практической деятельности. В таком случае комплексы содержаний **AB**, **ABC**, **ABCD**... , в свою очередь, выступают в качестве *простых элементов* поля абстрактного содержания, ничем не отличающихся от содержаний **A**, **B**, **C** ... , а поле свойств атрибутивной системы знания в целом — как совершенно «*плоское*» и «*линейное*», то есть как поле, в котором все элементы содержания — независимо от степени своей комплексности — расположены в один ряд. Поле формы такой системы знания тоже будет плоским и линейным, в точности отражающим строение поля свойств, и каждому его элементу — простому или комплексному знаку вида (**AB**), (**ABC**), (**ABCD**) ... , — будет соответствовать свой класс объектов.

С точки зрения распределения реальных предметов эти классы будут пересекаться друг с другом самым хаотическим образом, но это обстоятельство не играет существенной роли при использовании знаний такой системы в практической деятельности и в этом плане мало сказывается на процессах коммуникации и отражения. Существенно это обстоятельство будет влиять только на вторичные связи системы знания: хаотическое распределение реальных предметов по различным классам системы знания будет сильно затруднять вторичную сигнальную ориентировку по чувственным образам (см. §§ 3, 9, 17). Однако это обстоятельство отнюдь не является специфическим для данной системы знания, оно присуще всякой, даже мономинативной системе.

Вообще, из всего, сказанного выше, нетрудно заметить, что взятая нами система номинативно-комплексных знаний мало чем отличается от мономинативной системы: принципы ее организации и функционирования во всем существенном остаются теми же самыми. Существенно новое появляется тогда, когда меняется характер связи между познавательной и практической деятельностью или когда появляются связи между знаками внутри самих номинативных комплексов. Первое, то есть возможные изменения связи между познавательной и практической деятельностью, по-видимому, тесно связано со вторым <...?...> и, в конце концов, с неизбежностью приводит к появлению связей между знаками. Поэтому в определенных границах, проводя исследование *строения* атрибутивного знания, можно отвлечься от изменений в характере связи между познавательной и практической деятельностью и продолжать анализ, постулировав появление связей между знаками. Но это, в соответствии с данными выше определениями номинативных знаний, выводит нас из их

области. Мы должны перейти к анализу существенно иных, значительно более сложных видов атрибутивного знания.

Простейшими среди них и следующими непосредственно за номинативными будут *синтагматические знания*.

II. СИНТАГМАТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

Глава 1 (А). ОТДЕЛЬНАЯ СИНТАГМА

§ 20

Итак, атрибутивное знание вида $X — (A)(B)$, как мы выяснили в предыдущем разделе работы, является ни чем иным, как особым номинативным знанием («номинативным комплексом *экстенсивности*–2»). Оба знака его формы абсолютно равноправны: они относятся к непосредственно данному предмету *X одновременно* и рядоположно и являются, фактически, одним сложным определением его. Однако, сама особенность формы такого знания создает условия, необходимые для того, чтобы при определенных условиях оно могло превратиться в знание *принципиально иного вида*, в так называемое «*синтагматическое*» знание, которое наглядно-символически может быть изображено в формуле $(A) — (B)$.

Одним из важнейших условий, приводящих к появлению такого знания, является, по-видимому, исчезновение реального предмета высказывания из поля зрения человека, получающего сообщение или сообщающего. Если исчезает предмет любого не экстенсивного, не комплексного знания, то вместе с этим обязательно исчезнет и само знание: *не к чему будет относить знак языка*. В случае с экстенсивным, комплексным знанием дело обстоит иначе: оно может сохранить общую структуру знания и в том случае, когда исчезает, перестает быть непосредственно данным, реальный предмет высказывания. Но для этого, как легко сообразить, необходимо особое преобразование и переосмысление самой формы номинативно-комплексного знания, установление связи значения между самими знаками формы, следовательно, — определенная организация ее. Последнее, в свою очередь, предполагает появление особой *рефлексивной* способности разума — *способности учитывать и осознавать множественность знаков в форме и их отношения друг к другу*. Характеризуя всю эту совокупность условий в общем и целом, мы условились говорить о *синтагматической способности разума* (см. § 17). Исследование условий и механизмов ее фило- и онтогенетического формирования представляет собой сложную задачу, лежащую на стыке многих наук — логики, психологии, языкознания, отчасти антропологии и этнографии. Попытки решить или как-то осветить ее были сделаны с различных сторон⁴², однако до сих пор ни одна из них не привела к сколько-нибудь значительным результатам.

Характерной чертой многих из этих опытов является удивительная (после Маркса) слабость метода исторического анализа. Проявляется эта слабость либо в том, что уже начальному состоянию рассматриваемого предмета приписываются те свойства, которые должны быть генетически выведены, — и тогда все рассуждения, долженствующие изображать генетическое выведение, на деле становятся чисто схоластической маскировкой уже проделанного (без всякого выведения) скачка, — либо в том, что просто указывается факт появления чего-то нового (нового элемента, новой связи), а в качестве его причин и условий нагромождается в кучу, без всякого указания связи и ее характера, самые разнообразные и многочисленные факторы, фактически никак не связанные с генезисом рассматриваемого явления или связанные столь опосредованно, что это равносильно отсутствию связи.

О первом способе подмены задачи мы будем говорить ниже, а примером псевдоанализа второго вида могут служить рассуждения **В.В. Бунак** об условиях и причинах возникновения синтагматического знания. Он исходит из того, что начальная речь состояла из отдельных неизменяемых слов, выражавших сложное нерасчлененное содержание производственных ситуаций⁴³. Более высокой, развитой формой речи, что всем известно, являются предложения. Надо перейти от одних к другим, вывести вторые из первых, и средством для этого оказывается следующее рассуждение:

«Наличие более или менее обширного словаря, схватывающего разнообразные стороны жизни, prepares следующий этап уже гораздо большего принципиального значения. Человек научается пользоваться

не только изолированными понятиями, но и формулировать связь между ними. Эта задача, непосильная в условиях жизни малочисленных, тесно связанных коллективов, разрешается в связи с ростом количественного состава коллектива, с переходом от первобытного стада к зачаткам родовой организации, с изменением роли женщины в коллективе, усовершенствованием приемов охоты, освоением техники изготовления сравнительно мелких специализированных орудий, применением металлического орудия — гарпуна, расширением хозяйственного инвентаря и т.д.»⁴⁴

Очевидно, что декламации подобного рода не могут заменить научного анализа процессов генезиса синтагмы, хотя, к сожалению, к ним очень часто прибегают, особенно в последнее время, при исторических исследованиях. Одно из двух: либо нужно раскрыть связи между рассматриваемым предметом и факторами, определяющими его генезис, либо просто указать на факт превращения одного явления в другое, отказавшись от бестолкового перечисления всех (реально или предполагаемо) сопутствующих факторов.

Мы ограничимся этими немногими замечаниями относительно задач исследования генезиса атрибутивно-синтагматических знаний, примем как факт их существование и будем заниматься анализом содержания, строения и способов их образования и употребления.

§ 21

Мы уже сказали о том, что с исчезновением *реального предмета высказывания* из поля зрения человека, получающего сообщение или сообщающего, форма номинативного знания теряет свои специфические признаки формы и вообще *перестает быть элементом знания*. Иначе говоря, если во взаимосвязи $X — (A)$ или $X — (ABC...)$ — вследствие исчезновения из поля зрения предмета высказывания X — разорвана связь значения, то *знание исчезает*. Синтагматическое знание, то есть знание вида $(A) — (B)$, напротив, как об этом свидетельствует вся практика нашего мышления и общения, сохраняет свойства и признаки знания даже в отсутствие реального предмета высказывания. Если мы просто скажем «дом», «металл», «стоит», не указывая при этом ни на один предмет, то эти слова не будут выражать никакого знания, несмотря на то, что мы прекрасно знаем и осознаем «смысл» этих слов. Для того, чтобы эти слова стали *языковым выражением* или *формой знания*, мы должны отнести их к каким-либо предметам. Если же мы скажем «дом — строение», «медь — металл», «Иванов стоит», то, очевидно, будем иметь полноценное знание и без какого-либо специального непосредственного указания на реальные предметы, о которых идет речь. *Вот кардинальный факт, подлежащий объяснению*. Если воспользоваться разобранным выше примером **Н.Х. Швачкина**, то это можно выразить так: высказывание «бок-гок» представляет собой знание только в том случае, если высказываемая форма относится к какому-либо данному в этот момент реальному предмету, то есть, когда мы имеем структуру $X — («бок-гок»)$ или $X — (AB)$, а высказывание («бок») — («гок») или $(A) — (B)$, как об этом свидетельствует весь эмпирически данный материал мышления, сохраняет функцию и смысл знания и помимо такого непосредственного отнесения. Необходимо проанализировать и объяснить этот факт.

По своему происхождению каждый из знаков номинативно-комплексной формы (превращающийся затем в синтагматическую форму) является и абстракцией, и меткой, и обобщением; создавая номинативно-комплексную форму знания о каком-либо предмете, мы сопоставляем этот предмет сначала в одном отношении — и на основе этого относим к нему первый знак, затем сопоставляем в другом отношении — и на основе этого присоединяем к первому знаку второй (что этот процесс идет именно так, отчетливо видно из примера **Н.Х. Швачкина**). Таким образом, *в процессе построения* синтагматической формы *оба* входящих в нее знака выступают *во всех трех понятийных функциях*. Точно так же и в процессе функционирования номинативно-комплексной формы эти знаки несут на себе все три указанные функции с той лишь разницей, что — не по-отдельности, а оба вместе, в целом. В этом плане знание $X — (AB)$ ничем не отличается от знания $X — (B)$ (см. §§). Но с превращением номинативно-комплексной формы в синтагматическую все существенным образом меняется, функции знаков формы полностью преобразуются: старые функции

частично распределяются, частично исчезают или перерабатываются, в то же время возникают новые функции⁴⁵.

Чтобы убедиться в этом, сопоставим функциональные взаимоотношения элементов синтагмы («бок») – («гок»), или (А) – (В), и функциональные взаимоотношения элементов номинативного знания X — («гок»), или X — (В). В номинативном знании первый элемент есть сам предмет, а второй — форма знания о нем. Но и взаимоотношение элементов синтагмы может быть представлено таким образом, что первый элемент — атрибутивный знак («бок»), или (А), — будет «играть роль» самого познаваемого предмета, а второй элемент — атрибутивный знак («гок»), или (В), — роль формы знания о нем. Иначе говоря, строение синтагматической формы, рассматриваемой отдельно, отвлеченно от связи ее с реальными предметами, таково, что один знак является в ней *заместителем* самого реального предмета, а второй — выступает как *форма знания*, но уже не о непосредственно данном *реальном* предмете X, а об этом предмете, замещенном знаком («бок»), или (А). Но это значит, что отношение между реальным предметом и формой знания о нем, между реальным предметом и языковыми знаками, как бы «переносится» внутрь самой системы знаков языка, внутрь самой формы, сама взаимосвязь синтагмы («бок») – («гок»), или (А) – (В), рассматриваемая в этом плане, оказывается ни чем иным, как *замещением* номинативного знания X — («гок»), или X — (В), «вбирающим» в себя его смысл и «значение», а знак (А) выступает в роли «*формального*» предмета знания, или «предмета-заместителя». Именно поэтому синтагматическая форма («бок») – («гок»), или (А) – (В), может сохранить и сохраняет свойства и признаки полноценного знания даже в отсутствие данного предмета высказывания: она имеет свой «формальный» (если можно так сказать), знаковый заместитель предмета.

Мы пришли к этому, на наш взгляд, — исключительно важному, выводу, рассматривая синтагматическую форму отвлеченно от связи ее с реальными предметами. Но мы должны принять во внимание и учесть и другую сторону вопроса, именно тот факт, что если брать эту форму вообще — вне и помимо всякой связи с реальными предметами, — то она, не смотря ни на что, *не будет иметь* никакого смысла и значения, *не будет* знанием. *Знание всегда есть знание о чем-либо реально существующем, объективном.* Форма является формой знания всего лишь постольку, поскольку она *относится* к этому объективно существующему. Замещение *реальных объектов* знаковой формой имеет смысл, оправдано и исключительно важно как в плане собственно мышления, так и в плане коммуникации, а замещение одних значков другими — если мы берем их просто как значки, а не как знаки чего-то объективно существующего — не имеет никакого смысла и никакого оправдания. Значит, синтагматическая форма (А) – (В), или («бок») – («гок»), *не является самостоятельным изолированным целым в системе языкового мышления и не может рассматриваться вне и помимо всякой связи с реальными предметами.* Она представляет собой лишь элемент более сложного языково-мысленного целого, именно — взаимосвязи X — (А) – (В), и имеет «смысл» и значение лишь как элемент. Соответственно, мы можем рассматривать и анализировать ее только как элемент более сложной взаимосвязи.

Когда мы говорим: «дом — строение», «медь — металл», «Иванов стоит», — то, как сами эти синтагмы в целом, так и входящие в них знаки имеют смысл и значение лишь постольку, поскольку (сейчас или впоследствии) мы можем отнести их к определенным реальным предметам. Иначе говоря, структура полного знания не исчерпывается связью между знаками синтагмы, а предполагает еще одну связь — связь этих знаков с реальными предметами. В высказывании «дом — строение» слово «строение» имеет значение и может рассматриваться как форма знания только потому, что мы можем отнести и относим слово «дом», — а, следовательно, через него и слово «строение», — к определенным реальным предметам.

Таким образом, синтагматическая форма (А) – (В) может рассматриваться как «замещение» номинативного знания только в предположении, что существует еще и может быть реализована собственно номинативная связь X — (А) и что, следовательно, на основе этого может быть образована взаимосвязь X — (А) – (В). Соответственно, *акт* образования синтагматической взаимосвязи (А) – (В) является осмысленным и значимым только в предположении второго акта, именно — акта образования номинативной связи X — (А). Поэтому, рассматривая синтагматическую форму (А) – (В) как замещение номинативного

знания $X — (B)$, мы должны рассматривать ее с учетом той связи, которая может быть установлена между X и (A) и которая превращает взаимосвязь $(A) — (B)$ в элемент более сложной взаимосвязи $X — (A) — (B)$.

В то же время, мы не можем рассматривать взаимосвязь $(A) — (B)$ просто как элемент взаимосвязи $X — (A) — (B)$, так как две связи, образующие последнюю: $X — (A)$ и $(A) — (B)$, — в реальном языковом мышлении обособляются (как в пространстве, так и во времени), приобретают относительно самостоятельное существование и получают за счет этого такие свойства и признаки, которыми они не обладали как просто элементы взаимосвязи $X — (A) — (B)$. Поэтому в определенном контексте и в определенных границах мы можем и должны рассматривать синтагматическую форму $(A) — (B)$ как относительно самостоятельное образование; при этом мы должны, с одной стороны, *учитывать* связь ее с реальными объектами, а с другой — *отвлекаться* от этой связи; иначе — мы должны привлекать к рассмотрению связь синтагматической формы с реальными объектами, учитывая, что в действительности она обособлена, существует в пространстве и во времени относительно независимо и дает относительно независимое и самостоятельное существование интересующей нас взаимосвязи $(A) — (B)$ ⁴⁶. Наглядно-символически мы будем выражать этот факт и соответствующее ему понимание в формуле $X... (A) — (B)$, причем точки между изображением реального предмета и первым знаком синтагмы будут служить изображением того, что связь между синтагмой $(A) — (B)$ и реальным предметом X , с одной стороны, *существует и должна учитываться* при исследовании, с другой, — что она *обособлена в пространстве и во времени* и, в силу этого, дает синтагматической связи $(A) — (B)$ относительно самостоятельное существование.

Итак, всякое знание (по сути дела и соответственно исходным определениям) есть знание о *реально существующем*, есть взаимосвязь знаковой формы с *объективным* содержанием. Однако, с появлением сложных форм знания, в языковом мышлении появляются такие взаимосвязи, *составленные исключительно из знаков формы*, которые как бы «перенимают», «впитывают» в себя структуру «полного» знания, становятся его «замещением». Такие взаимосвязи знаков могут существовать и иметь смысл и значение в системе языкового мышления и коммуникации лишь при условии превращения в дальнейшем в «полное» знание, отнесенное к реальным объектам. Но это превращение может быть обособлено в пространстве и во времени от акта образования самой синтагматической связи и поэтому должно выступать относительно него лишь как возможное; при этом условии взаимосвязь синтагматической (или какой-либо другой более сложной) формы может существовать относительно независимо и самостоятельно как «замещение» полного знания.

Чтобы учесть это, на наш взгляд, исключительно важное явление языкового мышления в понятиях, нужно ввести различие *«реального»* и *«формального»* знания.

Мы будем называть *реальным знанием* взаимосвязь, образованную путем *непосредственного отнесения* знаковой формы к объективному содержанию, или иначе — взаимосвязь знаковой формы с непосредственно данным объективным содержанием.

Формальным знанием мы будем называть взаимосвязь, образованную путем *отнесения* одних знаков формы к другим знакам, или иначе — взаимосвязь знаков формы, связанных между собой *связью значения*.

Повторим еще раз: формальное знание, по существу, не является знанием в точном смысле этого слова — оно есть лишь *форма знания* (поэтому мы и называем его *«формальным»*!), но оно выполняет *роль* настоящего знания, то есть имеет его структуру и его значение (оно содержит, *во-первых, то, к чему* относят, или *то, что* замещают, и, *во-вторых, то, что* относят, или — *чем* замещают). Это обстоятельство позволяет нам называть синтагму $(A) — (B)$ *знанием*.

§ 22

Как формальное замещение реального знания — взаимосвязь синтагмы $(A) — (B)$ прежде всего тождественна отдельному номинативному знанию $X — (B)$, $Y — (B)$ или $Z — (B)$ и поэтому

ее знаки «принимают на себя», «впитывают» значения и функции соответствующих элементов номинативного знания. (Об этой стороне дела мы подробно говорили в предыдущем параграфе). В то же время, благодаря некоторым особенностям употребления, а также некоторым особенностям составляющих ее элементов, синтагма отлична от взаимосвязи номинации и несет на себе *особые* значения и функции, которых не было у номинативного знания. Рассмотрим их подробно.

В синтагматическом знании в роли предмета-заместителя выступает атрибутивный знак языка, который *по своему происхождению* выступает не только меткой — обозначением предмета в целом, — но и абстракцией, то есть обозначением одного определенного свойства предмета, и эта функция сохраняется у него также и во взаимосвязи формального синтагматического знания. Благодаря этому, синтагма приобретает *особое* значение и содержание, которых нет у номинативного знания вида **X — (B)**: она выступает как утверждение *связи сосуществования* двух свойств предмета. Правда, выражение совместности двух свойств в определенных предметах есть уже в номинативно-комплексном знании вида **X — (A)(B)**, однако в *связь* свойств эта совместность превращается только в структуре синтагматического знания.

Для правильного понимания природы синтагматического знания важно специально отметить, что это превращение происходит *невольно*, помимо тех приемов мышления, которые необходимы для выявления и исследования объективных связей свойств⁴⁷, только благодаря наличию в формальном синтагматическом знании связи значения. Иначе говоря: в формальном синтагматическом знании **(A) — (B)** существует связь значения, возникающая как замещение и отображение связи между каким-либо единичным реальным предметом и формой знания о нем; само существование этой связи значения, благодаря особым функциям знаков синтагмы, превращает зафиксированную в номинативно-комплексном знании *совместность свойств* в определенном предмете в *связь сосуществования* этих свойств, помимо и независимо от сознательной деятельности выделения и исследования связей как таковых. То же самое можно сказать еще резче: благодаря особому положению синтагмы, благодаря особым значениям и функциям ее элементов, связь между знаками, возникшая в ней как замещение или отображение связи между реальным единичным предметом знания и знаком формы, превращается одновременно в выражение связи сосуществования двух свойств предмета и «выносятся» на предмет как объективная связь.

Здесь сразу же оговоримся. Эта связь может быть «вынесена» на реальный предмет только потому, что она существует объективно в этом реальном предмете, до и независимо от всякого познания; в противном случае мы не могли бы зафиксировать и самой совместности этих свойств в реальном предмете. Но нас в вышеприведенном рассуждении интересует — и мы хотим подчеркнуть — совершенно другой момент, именно — способ выявления и выражения в языке объективной «связи сосуществования». И здесь является совершенно справедливым и существенно важным для понимания природы всего языкового мышления положение о том, что объективная «связь сосуществования» двух свойств реального предмета первоначально фиксируется и выражается в языке совершенно независимо от сознательного исследования связей как таковых, *в форме* уже существующей «связи значения» (или «связи замещения») *и благодаря* наличию этой связи, и лишь затем, после того, как она возникла и выражена в языке в виде связи значения, лишь при определенных условиях и обстоятельствах, выделяется и осознается как особая объективная «связь сосуществования» свойств предметов.

Как именно идет этот процесс и какие условия и обстоятельства он предполагает, об этом мы будем говорить дальше. Пока что нам важно подчеркнуть для дальнейшего, что выражение чисто объективной, предметной, если можно так сказать, «связи сосуществования» свойств в принципиально иной, «непредметной», с этой точки зрения, связи значения (или замещения) создает двойственность в значении и содержании взаимосвязи синтагматического формального знания как целого и условие для появления различных антиномий.

Кроме особенности, описанной выше, у формального синтагматического знания есть еще одна особенность в содержании и значении, которая отличает его от любого номинативного знания. Дело в том, что атрибутивный знак **(A)** может выступать в качестве заместителя какого-либо единичного предмета лишь до тех пор, пока взаимосвязь синтагмы берется в отнесении к

этому единичному предмету; когда же она берется вне этой связи, как самостоятельное формальное знание, атрибутивный знак (А) уже не может быть заместителем единичного предмета и выступает в роли заместителя *целого класса* предметов, так как он (а вместе с ним и вся синтагма) может быть отнесен не только к предмету X, но и к Y, Z и другим предметам, которые он обозначал раньше в качестве отдельного знака. Но это значит, что в синтагме, взятой вне связи с каким-либо единичным реальным предметом как самостоятельно значимое формальное знание, предметное содержание становится уже иным, нежели предметное содержание каждой из замещаемых ею взаимосвязей номинации X — (B), Y — (B) или Z — (B): в последних фигурируют реальные единичные предметы, а в синтагматическом формальном знании — образование особого рода, созданное человеком в процессе отражения и общения: «класс предметов» или «класс обобщения».

Здесь необходимо заметить, что в формальном синтагматическом знании «обобщение» впервые выступает в особой роли: не только как функция знака формы, относимого к ряду предметов и в силу этого имеющего обобщенный характер, но и как функция знака, выступающего в роли *предмета знания*, в «одном» представляющего *целый класс* реальных предметов. Раньше эта функция актуально существовала и реализовывалась лишь как совокупность актов отнесения к единичным предметам (см. § 2). Теперь эта совокупность актов отнесения «снимается» и получает актуальное существование в функции *обобщенного предмета-заместителя* и, соответственно, в одной связи — в отнесении знака свойства (B) к знаку обобщенного предмета-заместителя (A).

Но это, в частности, означает, что синтагма (A) — (B), рассматриваемая как самостоятельно значимое формальное знание, выступает уже в качестве замещения не какого-либо одного номинативного знания X — (B), Y — (B) или Z — (B), а в качестве замещения их всех.

Итак, формальное синтагматическое знание отличается от реального номинативного знания, во-первых, тем, что оно выражает объективную связь сосуществования двух свойств реального предмета (выражает в форме связи значения), во-вторых, тем, что его «предметом знания» являются не единичные реальные предметы, а особое образование, созданное человеком в процессе отражения и коммуникации — «обобщенный предмет-заместитель».

§ 23

Два, указанных выше, свойства формального синтагматического знания: во-первых, то, что оно выражает объективную связь свойств предмета, и, во-вторых, то, что оно «имеет в виду», «подразумевают» обобщенный предмет, — не соответствуют друг другу и — пока синтагматическое знание существует в том виде, какой мы рассматривали, — создают условия для появления антиномий.

Действительно. Формальное синтагматическое знание (A) — (B), как мы уже об этом говорили, возникает из единичного знания X — (AB), превращающегося в X ... (A) — (B). Поэтому утверждение связи сосуществования свойств A и B является эмпирически проверенным и оправданным лишь в применении к единичному предмету X. Однако, поскольку синтагма (A) — (B) обособляется от связи с единичными предметами и начинает функционировать в качестве самостоятельного формального знания, она, невольно и независимо от желания и помыслов людей, становится знанием не о единичном предмете X, а об обобщенном предмете-заместителе (A) и, следовательно, распространяется на целый класс предметов X, Y, Z ... , приобретает характер «общего» знания. Но это обобщение связи сосуществования свойств A и B, происходящее, подчеркиваем это еще раз, невольно и неосознанно, за счет установившейся общности знака (A), является незаконным: ведь совместность (или связь) свойств A и B была эмпирически обнаружена только в одном предмете из класса A, именно — в предмете X, и в других предметах того же класса — в предметах Y, Z ... — ее может не быть. Но, — законно или незаконно, — а это обобщение происходит вследствие употребления синтагмы (A) — (B) в качестве самостоятельного формального знания, и — не только в обыденном мышлении, но и в научном исследовании. В соответствии с ним весь класс предметов A начинают рассматривать как обладающий

свойством **В**. Но это приводит к тому, что, столкнувшись в процессе практической деятельности, предположим, с предметом **У**, относящимся к классу **А**, но не имеющим свойства **В**, и пытаясь, в соответствии с формальным знанием **(А) – (В)**, использовать его как **В**, человек терпит фиаско и должен зафиксировать этот факт в синтагме отрицания **(А) –/– (В)**⁴⁸.

В результате этого в системе атрибутивного знания появляются два совершенно равноправных и исключающих друг друга знания: **(А) – (В)** и **(А) –/– (В)**. Первое из них в обобщенной форме выражает тот факт, что в реальном единичном предмете **Х** практически обнаружено свойство **В**, второе, — что в реальном единичном предмете **У** это свойство не обнаружено. Таким образом, в случае этих двух знаний дело идет о связи атрибутивного знака **(В)** с различными реальными предметами, что может быть выражено во взаимосвязях **Х — (В)** и **У –/– (В)**. Если мы представим их в таком виде, то никакой антиномии не будет. Однако, поскольку связь знака **(В)** с реальными предметами **Х** и **У** осуществляется, во-первых, через посредство связи с атрибутивным знаком **(А)**, то есть как **Х ... (А) – (В)** и **У ... (А) –/– (В)**, во-вторых, в форме взаимосвязи с предметом-заместителем **(А)**, которая обособляется от связи с реальными предметами **Х** и **У** и существует самостоятельно, то есть как **(А) – (В)** и **(А) –/– (В)**, постольку между формальными синтагматическими знаниями существует и сохраняется антиномия.

Она показывает, что отнюдь не всякая взаимосвязь синтагмы, возникшая из реального номинативно-комплексного знания **Х — (А)(В)** и выражающая совместность (или связь сосуществования) двух свойств, обнаруженную в каком-либо единичном предмете, может стать формальным синтагматическим знанием **(А) – (В)**; она показывает также, что в полноценном формальном синтагматическом знании могут быть связаны только те знаки, которые фиксируют свойства предметов, *всегда* или *необходимо* связанные между собой. (*Этот момент нужно специально подчеркнуть и выделить, так как понимание указанной особенности формального синтагматического знания является исключительно важным и определяет весь дальнейший анализ*).

Чтобы устранить описанную антиномию, необходимо в практике языкового мышления различать:

- 1) формальные синтагматические знания, — к примеру, **(А) – (В)**, — являющиеся замещением *единичного* номинативного знания, — к примеру, **Х — (В)**, и
- 2) формальные синтагматические знания — то же **(А) – (В)**, — являющиеся замещением *группы* номинативных знаний **Х — (В)**, **У — (В)**, **З — (В)...**, охватывающих весь класс предметов **В**, — и ввести какие-либо формальные «указатели» для их различения.

Чтобы убедиться в том, что такое различие между синтагматическими знаниями о единичном факте и общими синтагматическими знаниями существует в современном языке, достаточно сравнить между собой предложения: *«этот металл лежит на столе»* и *«металл проводит электричество и тепло»*. Первое значимо лишь в отнесении к какому-либо *единичному* предмету, в отнесении к *«тому»* или *«этому»* определенному куску металла, второе же — в отнесении к *любому* металлу, к каждому из них, а следовательно, и помимо какого-либо единичного отнесения.

В разных языках в качестве формальных указателей принадлежности знаний (собственно, предложений) к одной или другой из этих групп, служат знаки, относящиеся к различным грамматическим категориям. В русском языке этой цели служат, среди других, указательные и количественные местоимения. В устной речи словесные формальные указатели единичности знания часто заменяются «указующими» жестами. В настоящей работе мы не можем заниматься вопросами, относящимися к историческим условиям и механизмам появления таких формальных указателей, хотя исследование их и представляет большой интерес для науки о языковом мышлении. Мы возьмем как факт существование различенных между собой синтагматических знаний *о единичных фактах* и синтагматических *общих знаний* и рассмотрим, как сказывается это различие на системе знания и на взаимоотношениях ее элементов. При этом, знания о единичных фактах мы будем выражать формулой **Х — (А) – (В)**, а общие знания — прежней формулой **(А) – (В)** или формулой

$$\sum_{i=1}^n X_i \dots (A) - (B).$$

§ 24

Разделение синтагматических знаний на знания «о единичных фактах» и «общие» создает определенный разрыв между системой номинативных знаний и замещающими их *синтагмами*, с одной стороны, и *общими синтагматическими знаниями*, с другой. Суть этого разрыва в том, что синтагматические знания, непосредственно замещающие реальные номинативные знания и тождественные им по содержанию, не могут выступать в роли общих знаний, а общие синтагматические знания имеют особое содержание и не могут быть получены, выведены из номинативных посредством уже указанных операций мышления.

Между тем, никакая синтагма, как мы уже об этом говорили, не может существовать в качестве знания вне и помимо связи с номинативными знаниями: всякое атрибутивное формальное знание выражает объективное содержание и имеет значение лишь в силу того, что оно всегда может войти в связь с каким-либо единичным реальным предметом и, следовательно, может быть превращено в реальное знание. Поэтому между общими синтагматическими знаниями и знаниями о единичных фактах не может быть разрыва, между ними должна существовать определенная связь, позволяющая переходить от знаний о единичных фактах к общим и обратно, и должны существовать определенные процессы мышления, посредством которых эта связь сначала устанавливается, а затем на ее основе осуществляются переходы от одного знания к другому.

Рассмотрим процессы мышления, посредством которых осуществляется переход от знаний о единичных фактах к общим знаниям. Мы называем их **«процессами согласования областей значимости, входящих в синтагму знаков»**, или просто — **«процессами согласования»**. Это название, являясь весьма условным, в то же время, довольно точно характеризует суть этих процессов.

Дело в том, что, создавая какую-либо атрибутивную абстракцию, мы должны сравнить между собой два предмета, взятых в отношении к третьему. Выделив общее свойство этих двух предметов и зафиксировав его в определенном знаке, то есть отделив тем самым свойство от этих частных предметов, мы, благодаря этому, создаем **класс предметов**, скрыто включающий в себя уже не только эти два предмета, а неопределенно большое число их. При этом, хотя выделенное свойство и очерчивает жестко границы этого класса, но очерчивает — в неявной форме, лишь потенциально: сколько таких предметов и где они — все это остается неизвестным. Но это и не нужно знать, чтобы пользоваться отдельной абстракцией: сталкиваясь в дальнейшем с какими-либо единичными предметами, мы выясняем с помощью практически-предметного сравнения, обладают они выделенным в абстракции свойством или нет и, тем самым, — принадлежат ли к образованному этой абстракцией классу. Таким образом, «предметная неопределенность» или «предметная неограниченность» созданного отдельной абстракцией класса нисколько не мешает ее практическому использованию. И это справедливо для любой *отдельной* абстракции, *полученной путем практически-предметного сравнения*.

Дело коренным образом меняется, когда мы начинаем пользоваться синтагматической формой знания. Второй знак в ней относится к реальным предметам действительности лишь **через** первый знак, а следовательно, он относится ко всем тем и лишь к тем предметам, к которым относится первый. Этим формальные синтагматические знания $X \dots (A) - (B)$ или $(A) - (B)$ **принципиально** отличаются от номинативно-комплексных знаний $X - (A)(B)$, в которых оба знака формы относятся к реальным предметам непосредственно и играют одинаковую роль при определении границ класса обобщения (см. §§). В формальном синтагматическом знании (именно благодаря его «знаниевой» структуре) первый знак опосредствует связь второго с реальными предметами и, в силу этого, во-первых, получает новую функцию — быть «связующим» или «опосредствующим», во-вторых, видоизменяет ту функцию обобщения,

которую раньше имел второй знак. Иначе это можно сказать так: благодаря своей функции «связующего», первый знак синтагмы начинает определять границы класса предметов, к которым относится вся синтагма, а следовательно, и ее второй знак.

Однако такой способ опосредованного отнесения к реальным предметам второго знака синтагмы, *возникшего как отдельная абстракция* и связанного с первым лишь в применении к единичному предмету, как мы уже говорили, не является законным: если входящие в синтагму абстракции (А) и (В) были образованы независимо друг от друга, то у нас нет никакой уверенности в том, что все реальные предметы, обладающие свойством А, обладают одновременно и свойством В. Иначе говоря, способ образования абстракций (А) и (В) не дает нам никакой гарантии в том, что границы классов, созданных этими абстракциями, совпадают; более того, при независимом образовании абстракций, объединяемых в синтагму, наиболее вероятным является то, что они очерчивают *разные* по своему предметному содержанию группы, «создают» разные классы, и поэтому отнесение знака (В) к реальным предметам *через* знак (А), то есть — ко всем предметам, обладающим свойством (А), приведет к неверным результатам. Отсюда мы сделали вывод, что синтагматическая форма *общего* знания не может объединять *любые* знаки, а должна объединять лишь те знаки, которые фиксируют свойства, всегда сопутствующие друг другу (в смысле: *всем А всегда сопутствует В*). Но это значит, что, создавая синтагматическую форму общего знания, мы должны, выделив какое-либо свойство и образовав тем самым класс, выяснить затем и прежде всего, какими еще свойствами обладают *все без исключения* предметы этого класса, и лишь эти свойства можем объединять с первым в форму общего знания. Совершенно очевидно, что процессы мышления, посредством которых решается эта задача, ничуть *не похожи* на практически-предметное сравнение и даже на сравнение вообще. Простейшим примером процессов такого рода, специфичным как раз для рассматриваемого (атрибутивного) этажа языкового мышления, является так называемая «индукция через простое перечисление». Как особый процесс мышления она была выделена Аристотелем⁴⁹ и исследовалась затем Ф. Бэконом, Дж. Ст. Миллем, В. Уэвеллем, Ф.Х. Брэдли, Х. Зигвартом, Л. Рутковским, Г. Рэйхенбахом, К. Поппером, К.Г. Гемпелем и многими другими⁵⁰.

По своим формальным результатам *индукция через перечисление* может быть разделена на «подтверждающую» и «опровергающую». Строение подтверждающей индукции выражается обычно в формуле⁵¹:

$$\begin{array}{l} \text{Этот } A_1 \text{ есть } B \\ \text{Этот } A_2 \text{ есть } B \\ \dots \\ \text{Этот } A_n \text{ есть } B \\ \hline \text{Все } A \text{ есть } B \end{array}$$

На нашем языке это может быть, соответственно, выражено в формуле:

$$\begin{array}{l} X_1 \text{ — (A) — (B) } \\ X_2 \text{ — (A) — (B) } \\ \dots \\ X_n \text{ — (A) — (B) } \\ \hline (A) \text{ — (B) } \end{array}$$

Строение опровергающей индукции по аналогии с этим может быть выражено в формуле:

$$\begin{array}{l} X_1 \text{ — (A) — (B) } \\ X_2 \text{ — (A) — (B) } \\ \dots \\ X_k \text{ — (A) — (B) } \\ X_{k+1} \text{ — (A) — (B) } \\ \hline (A) \text{ — (B) } \end{array}$$

Получение отрицательного вывода в ходе индукции через перечисление приводит либо к тому, что отвергается сама необходимость установления общей связи знака **(В)** с реальными предметами $X_1, X_2, \dots, X_n$ через знак **(А)**, то есть вообще «отклоняется» его опосредствующая роль, либо к тому, что преобразуется содержание и, соответственно, перестраиваются связи значения согласуемых знаков: например, знак **(А)**, оказавшийся, с точки зрения знака **(В)**, «неполноценным» заместителем класса предметов $X_1, X_2, \dots, X_n$, «усовершенствуется» путем расщепления на два знака: **(А₁)**, обозначающий те предметы класса **А**, которые обладают свойством **В**, и **(А₂)**, обозначающий предметы этого же класса, которые свойством **В** не обладают. При этом, как нетрудно заметить, знаки **(А₁)** и **(А₂)** теряют свое абстрактное значение и превращаются в *полиинтенсивные* знаки. (Как это возможно в системе экстенсивных знаний без нарушения основных принципов ее организации — об этом мы будем говорить ниже: **(Глава 8 (Б). СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС)**).

Возможны и другие процессы преобразования областей содержания и значимости, обеспечивающие «согласование» знаков, организуемых в синтагму общего знания. Во всех случаях в результате этого процесса устанавливается и закрепляется в языке обобщенная взаимосвязь **(А) - (В)**, уже не наталкивающаяся на противоречия при применении к сравнительно широкой области действительности.

Таким образом, назначение *индукции через простое перечисление* состоит в том, чтобы на пути *поединичной эмпирической проверки и преобразования абстракций* согласовать области значимости знаков, объединяемых в синтагму, и таким способом образовать *общее формальное знание*⁵². Однако, не трудно заметить, что справиться с этой задачей адекватным образом *индукция через простое перечисление* — не может. Действительно, с одной стороны, всякая абстракция, как мы уже говорили, очерчивает предметно неограниченный класс, с другой стороны, создавая синтагматическую форму и зафиксировав в знаке первую абстракцию, мы должны затем выяснить, какими еще свойствами обладают *все без исключения* предметы класса, образованного этой абстракцией. Совершенно очевидно, что сделать это, перебирая по одному предметы неограниченного класса, невозможно даже теоретически, не говоря уже о практической невыполнимости⁵³. Поэтому, образуя общее синтагматическое знание и желая выяснить, какие еще свойства *всегда* или *необходимо* связаны с первым, выделенным нами знаком, мы должны перевести исследование в принципиально *иную* плоскость и осуществить *иные* процессы мышления, *принципиально отличные* от «индуктивного согласования». Эти процессы мышления сложились на более высоких этажах (уже научного) мышления — прежде всего, в математике — и получили название «*дедуктивных процессов*»⁵⁴. Они характеризуются тем, что связь свойств, выделяемых в предметах, устанавливается *не после* образования соответствующих абстракций, а *в процессе и самим способом* их формирования.

Противопоставление математических знаний, являющихся всегда достоверными и необходимыми, и не-математических, которые лишь вероятны, то есть, в нашей терминологии, противопоставление знаний, полученных путем дедуктивного и индуктивного согласования, послужило одним из оснований *кантовского различия априорных и апостериорных* знаний.

Подробный анализ процессов дедуктивного согласования может быть проведен только при изучении более высоких уровней и этажей языкового мышления и полностью выходит за рамки нашей работы. Нам важно здесь установить только то, что существуют особые процессы мышления (индуктивные и дедуктивные), обеспечивающие переход от знаний о единичных фактах к общим (строго достоверным или только вероятным — это для нас не важно), и что, следовательно, существуют устанавливаемые в этих процессах строго однозначные связи между реальными номинативными знаниями и общими формальными синтагматическими знаниями.

§ 25

Разобранные выше процессы «согласования» имеют еще один аспект, о котором мы раньше не говорили, но который *здесь* необходимо принять во внимание: обосновывая преобразование одних синтагматических знаний о единичных фактах в общие знания и запрещая преобразование других, эти процессы как бы «отделяют» те свойства реальных объектов, которые *можно приписывать* обобщенным предметам-заместителям, от свойств, которые им приписывать нельзя. Но это означает, что в общем синтагматическом знании имеет особые значения и несет на себе особые функции не только первый знак (он является обобщенным предметом-заместителем), но и второй, который обозначает уже не просто **свойство** единичных предметов, а свойство, общее для всех предметов определенного класса. Он становится, в силу этого, уже не знаком свойства реального предмета, а знаком **признака** обобщенного предмета-заместителя. Мы будем говорить о таком знаке, что он *имеет значение признака* или — *несет на себе функцию признака* обобщенного предмета.

Если вернуться к примерам знаний, которые мы уже приводили выше: «металл лежит на столе» и «металл проводит электричество и тепло», то можно сказать, что вторая знаковая группа первого предложения — «лежит на столе» — выражает **свойство** определенного единичного предмета, а вторая знаковая группа второго предложения — «проводит электричество и тепло» — **признак** обобщенного предмета-заместителя. Таким образом, обособление синтагмы (А) – (В) и превращение ее в общее формальное знание завершается полным преобразованием функций входящих в нее знаков.

Если теперь сопоставить между собой все рассмотренные нами связи значения и, соответственно, функции знаков, то не трудно будет заметить, что они распадаются на *три* существенно различающиеся между собой группы.

- Функции абстракции, метки и обобщения возникают за счет *связи* знаков формы с **объективным содержанием**. Поэтому мы будем называть эти функции и лежащие в их основе связи **«объективно-содержательными»**.
- Функции предмета-заместителя и признака, в противоположность этому, возникают за счет *связей между знаками* внутри самой формы, замещающих (и эту сторону дела нужно особенно подчеркнуть) объективно-содержательные связи. Поэтому мы будем называть эти функции и создающие их связи **«формально-содержательными»**.
- Особое место занимает *функция опосредования*. Она не является результатом связи знаков с каким-либо особым объективным содержанием и поэтому не входит в число объективно-содержательных функций. Но точно так же она не является результатом формального замещения какой-либо объективно-содержательной связи и поэтому не входит в число формально-содержательных функций. Эта функция появляется у знака формы тогда, когда он сам является составляющим элементом какой-либо связи значения (объективно-содержательной или формально-содержательной), когда он входит как бы «внутри» этой связи, определенным образом перестраивая ее. Мы будем называть функции такого типа **«формально-структурными»** или **«чисто формальными»**.

§ 26

Итак, общее синтагматическое знание (А) – (В) или $\sum X_i \dots$ (А) – (В) возникает в результате «процесса согласования», применяемого к ряду синтагматических знаний о единичных фактах. Каждое из последних, в свою очередь, является результатом сложного процесса мышления, объединяющего в себе две операции практически-предметного сравнения Δ_A и Δ_B . Вместе с тем, оказывается, что с появлением общих синтагматических знаний процесс выработки новых знаний о единичных фактах существенным образом меняется.

Действительно. Предположим, что какой-то предмет **Х** впервые попадает в сферу индивидуального опыта. Приведя его во взаимодействие, предположим, с предметом-индикатором **І** и сопоставляя с предметом-эталоном **А**, взятым в том же отношении к **І**, мы

можем открыть в предмете **X** свойство **A** и на основании этого установить взаимосвязь номинации **X — (A)**. Приведя затем предмет **X** во взаимодействие с предметом-индикатором **K** и сопоставляя с предметом-эталоном **B**, мы, точно так же, можем открыть в предмете **X** второе свойство **B** и, на основании этого, установить номинативно-комплексное знание **X — (AB)** или, используя уже выработанную структуру, — синтагматическое знание о единичном факте **X — (A) — (B)**. Это один путь — путь чисто практического исследования данного предмета. Полученное в результате знание еще раз, на единичном факте, подтвердит нам правильность имеющегося общего формального знания **(A) — (B)**. Но само общее знание при таком способе исследования единичного предмета оказывается ненужным, оно не принимает никакого участия в самом процессе исследования, не используется в нем.

Другой путь исследования этого же единичного предмета может быть построен на использовании уже имеющегося общего знания. В этом случае мы производим *только одно* практически-предметное сравнение — предмета **X** с предметом-эталоном **A**, — выясняем, что предмет **X** принадлежит классу **A** и выражаем это в номинативном знании **X — (A)**, а затем, вместо того, чтобы производить следующее практически-предметное сравнение, *чисто формально* «присоединяем» к полученному номинативному знанию уже имеющееся общее знание **(A) — (B)** и на основании этого «приписываем» предмету **X** свойство **B**, принадлежащее предмету-заместителю **(A)**, хотя в этом реальном предмете **X** *практически* оно и не было обнаружено. Благодаря чисто формальному характеру своей второй части, последний путь исследования представляется значительно более выгодным и экономным; он дает тот же самый результат, что и первый путь, но более легкими для индивидуума средствами, а поэтому, при наличии общего формального знания, он всегда замещает первый путь исследования.

Результатом разобранной деятельности мышления является взаимосвязь знания о единичном предмете **X — (A) — (B)**. Но, в большинстве случаев, *в таком виде* знание о единичном предмете нам не нужно. В практической деятельности, когда мы имеем дело с единичными предметами, нам важно бывает выделить *одно* какое-либо свойство каждого из них, в соответствии с которым мы должны действовать, то есть нам бывает нужно знание номинативного типа или замещающее его. Там же, где нам нужны сложные многознаковые формы, выражающие многостороннее (полиэкстенсивное) знание об исследуемых предметах, — в теоретическом исследовании, — там, как правило, мы не имеем дела с единичными предметами. Кроме того, в общем синтагматическом знании, с помощью которого мы получили знание о единичном предмете, знак **(A)** играл роль предмета, но, после того, как знание о единичном предмете получено, он уже не может больше выступать в указанной функции, так как в этой взаимосвязи знания есть другой предмет, именно — сам реальный предмет **X**. Поэтому в полученной сложной взаимосвязи знания о единичном предмете **X — (A) — (B)** знак **(A)** не нужен и должен быть «исключен». Сделав это *исключение*, мы получим новое знание **X — (B)**, в котором знак нужной нам абстракции *относится* к реальному предмету уже *непосредственно*.

Во взаимосвязи номинативного знания **X — (B)** «исчезает», «снимается» или «элиминируется» общее синтагматическое знание **(A) — (B)**, и поэтому рассмотренный процесс мышления *в свете своего результата* выступает просто как обнаружение в предмете **X** нового свойства **B**. Но это — не обычное обнаружение свойства единичного предмета. Оно достигается на основе общего знания и *чисто формальным путем*, вне и помимо специального практически-предметного исследования предмета **X**. Чтобы получить его, нам достаточно «присоединить» к практически полученному знанию **X — (A)** имеющееся общее синтагматическое знание **(A) — (B)** и затем «сократить» опосредствующий знак **(A)**.

Разобранный процесс получения нового номинативного знания о реальном предмете **X** из другого номинативного знания об этом же предмете и с помощью общего формального знания (в данном случае — синтагматического) мы называем *процессом соотнесения готовой формы знания* (или *готового формального знания*) *с единичным объектом*, или просто — *процессом соотнесения* (см. §§ **Главы 2**).

Важно отметить, что «процесс соотнесения» как особый процесс мышления возникает лишь вместе с особыми мыслительными действиями — «присоединением» и «сокращением», — которые мы будем называть *формальными*. Точнее: эти формальные действия возникают

в связи с задачами соотнесения; как частичные мыслительные действия они имеют смысл только *в системе процесса соотнесения* или в системе других, вырастающих на его основе *целостных процессов мышления* (ср. §§ **Главы 4**); ни в одном случае, взятые самостоятельно, они не дают перехода от одного знания к другому, а поэтому не являются процессами (или операциями) мышления в собственном смысле этого слова и, следовательно, их нельзя рассматривать в одном ряду с порождающими процессами мышления или процессами соотнесения. В то же время, *внутри процесса соотнесения*, в связи с имеющимся общим формальным знанием и на его основе, эти действия *выполняют роль* мыслительных операций, то есть *при этих условиях* дают переход к формальному знанию. Поэтому мы будем называть их *«формальными операциями»*.

Таким образом, можно сказать, что в состав процесса соотнесения входят *три* операции: первая — практически-предметное сравнение; вторая и третья — формальные — «присоединение» и «сокращение».

Заметим также, что первые две операции разобранного процесса и сами по себе, независимо от третьей, могут быть рассмотрены как целостный процесс мышления, и притом, в соответствии с общим определением (§), — так же, как процесс соотнесения, посредством которого мы от одного знания о единичном предмете — номинативного — и с помощью общего формального знания переходим к другому знанию об этом же единичном предмете — многознаковому, полиэкстенсивному, — с формой, тождественной примененному общему формальному знанию. Чтобы отличить указанные двусоставные процессы мышления от разобранных выше трехсоставных, мы будем называть их *процессами подведения единичного объекта под готовую форму знания (под готовое формальное знание)*, или просто — *процессами подведения*, а за трехсоставными оставим общее название *процессов соотнесения*. Как правило, процессы подведения осуществляются внутри процессов соотнесения. По-видимому, не было бы ошибкой сказать даже резче: процесс подведения возникает лишь *для целей* соотнесения, как *составляющая часть* процесса соотнесения, первоначально имеющая смысл лишь в его общей системе, и только в дальнейшем он обособляется и начинает функционировать в качестве относительно самостоятельного процесса мышления.

Заканчивая разбор этого вопроса, заметим для дальнейшего, что процессы соотнесения общего формального знания с реальными объектами, или процессы «подведения», могут осуществляться только при условии, что знак, имеющий значение и функцию предмета-заместителя, сохраняет, несмотря на это, и свое значение абстракции. Если, в силу каких-либо причин, он это значение потеряет, то вместе с тем потеряет возможность быть непосредственно отнесенным к реальным объектам, ибо наличие абстрактного значения является необходимым условием непосредственно мысленного отнесения знаков к действительности (см. §§). Но если первый знак общего формального знания нельзя будет непосредственно отнести к реальным объектам, то тогда нельзя будет осуществить и процесс подведения единичного объекта под это общее формальное знание, а вместе с ним — и весь процесс соотнесения. Следовательно, осуществление процессов соотнесения должно поддерживать, сохранять и укреплять абстрактные значения знаков, выполняющих роль предметов-заместителей в общих формальных знаниях, несмотря на то, что для этих формальных знаний — *самих по себе* — эти значения *не нужны*.

§ 27

Вернемся к анализу строения знаний, являющихся результатом процессов подведения и соотнесения. Осуществив процесс подведения единичного предмета **X** под общее формальное знание **(A) – (B)**, мы получим знание о единичном факте **X — (A) – (B)**. В его взаимосвязи атрибутивный знак **(A)** уже не может служить предметом-заместителем (так как есть *реальный* предмет **X**) и, следовательно, не несет на себе соответствующих функций. Вместе с этим теряет смысл и оправдание связь значения между атрибутивными знаками **(A)** и **(B)** и возникает необходимость в преобразовании и перестройке структуры знания о единичном факте.

В зависимости от задач практической деятельности, это преобразование может идти в двух направлениях. Если для осуществления деятельности нам необходимо знать о совместности существования свойств **A** и **B** в предмете **X**, то синтагматическое знание о единичном факте **X — (A) — (B)** превращается в номинативно-комплексное знание **X — (AB)**, в котором оба знака выступают в качестве совершенно однородных, равноправных абстракций, одновременно и непосредственно относимых к реальному объекту. Вместе, в единстве они несут на себе функцию метки. Если же для осуществления практической деятельности нам достаточно знать одно лишь второе свойство предмета **X**, именно **B**, то в *готовом* синтагматическом знании о единичном факте **X — (A) — (B)** знак **(A)** превращается в знак, осуществляющий только связь знака **B** с реальным предметом; при этом он, естественно, сохраняет функцию «связующего знака», несет на себе «по совместительству» функцию метки, но зато теряет как свое абстрактное содержание, так и функцию абстракции. Второй знак синтагмы — **(B)**, напротив, сохраняет только свое абстрактное содержание и свою функцию абстракции.

Что это так, нетрудно показать на примерах. Возьмем предложение «железо — металл», высказанное, когда перед нами лежит кусок железа, и относимое к этому куску. Здесь слово «железо» обозначает не свойство, а сам чувственно воспринимаемый предмет. Действительно, мы можем заменить его указательным местоимением «это» и смысл и значение высказывания от этого ничуть не изменится. Следовательно, слово «железо» не несет на себе никакого абстрактного значения и является исключительно меткой. Точно так же мы можем заменить производимое в этой ситуации высказывание «это — металл» еще более простым (с точки зрения знаковой формы) высказыванием — словом «металл», сопровождаемым указующим жестом, и при этом смысл и значение высказывания останутся прежними. Следовательно, слово «железо» в исходном примере играет прежде всего *связующую роль*, а функцию метки принимает на себя только *«по совместительству»*; без ущерба для смысла и значения предложения оно может «передать» его (и в случае высказывания «металл» передает) второму слову предложения. Это последнее во взаимосвязи исходного предложения и ситуации, несмотря на свою морфологическую структуру существительного, напротив означает *не предмет, а определенное свойство* этого предмета (так, если брать первоначальное значение слова *μεταλλον*, то это будет свойство — «добываться в рудниках»⁵⁵), и не может быть заменено ни одним другим словом без изменения смысла и значения высказывания. Когда мы превращаем высказывание «это — металл» в однословное, сопровождаемое указующим жестом, то слово «металл», сохраняя свою основную функцию абстракции, принимает на себя также функцию метки (ср. с анализом функций знака в номинативном знании, § 4). Но это обстоятельство никак не меняет нашего положения о распределении функций в предложении «железо — металл», относимом к единичному куску железа.

§ 28

Из проделанного уже анализа синтагматических знаний (как о единичном факте, так и общих) мы выяснили, что входящие в синтагму атрибутивные знаки несут на себе различные функции. Это различие функций никак не связано с различиями конкретного содержания знаков и зависит только, во-первых, от их места в структуре самой синтагмы, во-вторых, — от способа ее употребления (то есть в зависимости от того, употребляется ли она в отнесении к единичным предметам или в качестве общего формального знания). Чтобы еще раз наглядно продемонстрировать это на примере, рассмотрим функциональное строение двух предложений, составленных из одних и тех же знаков: «упала картина» и «картина упала».

Когда за спиной человека, стоящего в комнате, раздается шум, то о причине этого шума другие люди могут сообщить ему по-разному: в одном случае предложением «упала картина», в другом — предложением «это — картина». Практический смысл и значение сообщения в обоих случаях остаются одними и теми же. Тот факт, что слово «упала» может быть заменено словом «это», свидетельствует о том, что *в этом контексте* оно служит лишь *указанием* на предмет, его меткой, и что основную смысловую нагрузку несет на себе слово «картина», выступающее в данном случае в функции абстракции⁵⁶. Для сопоставления возьмем другую

ситуацию, когда человек, вернувшись в свою квартиру, с удивлением замечает, что картины, обычно висевшей на стене, нет. Другой человек, присутствующий в комнате, заметив его удивленный взгляд, говорит: «картина упала». Но он мог бы выразить ту же самую мысль в другой форме, в предложении «она упала», и этот факт доказывает, что в данном случае основную смысловую нагрузку несет на себе слово «упала», выступающее в функции абстракции, а слово «картина» играет лишь роль указания на предмет, роль метки.

Ту же самую зависимость значений и функций знака от его места во взаимосвязи синтагмы можно продемонстрировать на предложениях, выражающих общее знание: к примеру, «железо электропроводно» и «электропроводно(е) — металл». Уже один тот факт, что в слове «электропроводно» во втором предложении мы добавляем окончание «е», свидетельствует об изменении его значения и функции: в первом предложении это слово выступает в значении признака, во втором — становится предметом-заместителем. В то же время очевидно, что это изменение значения и функции слова «электропроводно» не связано с его конкретным содержанием: в обоих случаях оно остается одним и тем же. Следовательно, указанные изменения значений и функций знака определяются исключительно *структурой* синтагмы.

Кроме того, нетрудно показать, что к форме синтагмы со всеми ее функциональными взаимоотношениями могут быть сведены все без исключения предложения субстрат-атрибутивного типа («доска черная», «камень твердый» и т.п., так называемые «классификационные» предложения вида «железо — металл», «металл — тело») и многие предложения с глаголами, такие, например, как «картина упала», «дом выстроен» и т.п. Это обстоятельство показывает, что в морфологически самых разнообразных предложениях содержатся те же самые значения и функции, что и в морфологически недифференцированной синтагме, и, тем самым, подтверждает положение о том, что эти значения и функции определяются исключительно структурой синтагмы. То же самое можно высказать иначе: если различные по своему морфологическому строению, а следовательно, различные и по объективно-содержательному значению знаки, находясь во взаимосвязи синтагмы, обнаруживают одни и те же понятийные функции, то это значит, что в определенных границах указанные *понятийные функции* не зависят от морфологически фиксированных значений знаков, *определяются* не ими, а только *местом знака* во взаимосвязи синтагмы. При этом, когда в структуру синтагмы входят знаки, имеющие фиксированные в морфологической структуре значения, то эти последние *не исчезают* совсем, а только как бы отесняются, отодвигаются на второй план значениями, обусловленными действительными, актуально реализующимися внешними или внутренними связями формы.

§ 29

В этой связи перед нами, естественно, встает общий вопрос об отношении между значениями, обусловленными наличествующими, актуальными связями знаков формы с предметами и между собой, с одной стороны, и значениями, фиксируемыми в морфологическом строении знаков, с другой. При решении его мы принимаем положение, что значения, фиксируемые морфологически, *вторичны* по отношению к структурным связям значения, что они есть не что иное, как структурные связи значения *в прошлом*, что они возникают как *особая форма выражения* тех же структурных связей значения. Последние, при этом, как бы перенесены внутрь самого знака, внутрь его материала, и в таком виде сохраняются *потенциально*, обеспечивая при разрыве структуры или при изменении плана отнесения входящих в нее знаков правильное восстановление прежней связи значения, той, на основе которой сформировался этот знак, обеспечивают актуализацию значения как связи. Иначе это положение можно выразить так: *морфология — есть лишь перенесение в строение материала отдельных знаков связей значения тех структур формы, в которых эти знаки употребляются, перенесение в материал знаков их синтаксиса.*

Но если это правильно, то на каком-то этапе развития языкового мышления, в частности — атрибутивного мышления, различие в функциях или связях значения, возникающее у

атрибутивных знаков во взаимосвязи синтагмы, было зафиксировано в морфологическом строении знаков. Это и была, по-видимому, та самая дифференциация имен на существительные и прилагательные, о которой говорят многие исследователи⁵⁷. Нам важно подчеркнуть, что основание этой дифференциации дает, прежде всего, появление в языковом мышлении синтагматической формы знания. Действительно, пока атрибутивные знаки находятся только во взаимосвязи номинации, они обязательно обозначают *и* какое-либо отдельное свойство, *и* предмет в целом; эти *два значения* являются лишь сторонами одной и той же связи, и ничто не принуждает их к дифференциации; более того, ничто не может разорвать их органической связи и переплетения до тех пор, пока единственным видом знания остаются номинативные. Но после того, как складываются взаимосвязи синтагмы $X \dots (A) - (B)$ или $\sum X_i \dots (A) - (B)$, в их структуре атрибутивные знаки (A) и (B), что явственно следует из самой схемы, оказываются уже в различной связи с реальными предметами. Это раздвоение связей выступает как поляризация тех функций, которые нес на себе каждый из этих атрибутивных знаков, находясь во взаимосвязи номинации, — как поляризация функции метки и абстракции или (в общем синтагматическом знании) предмета-заместителя и признака. Благодаря этой поляризации функций во взаимосвязи синтагмы осуществляется анализ предмета и противопоставление его как целостности отдельному его свойству; свойство отделяется от самого предмета и получает независимое существование в особом знаке. Таким образом, именно в возникновении формы синтагмы, в появлении обусловленного ее структурой различия в связях атрибутивных знаков с реальными предметами, в поляризации функции метки и абстракции (соответственно — функций предмета-заместителя и признака) заложено основание последующей морфологической дифференциации атрибутивных знаков на существительные и прилагательные.

Но появления одного этого основания еще недостаточно для того, чтобы сама эта дифференциация стала бы языковым фактом, языковой действительностью, получила бы синтаксическое или морфологическое выражение и закрепление. От фактически осуществляющегося во взаимосвязи синтагмы разделения и противопоставления предмета как такового и его отдельного свойства до *осознания* и *формального закрепления* этого различия, без которых указанная дифференциация невозможна, еще очень далеко. Пока что само это разделение имеет место лишь во взаимосвязи синтагмы, а как только соответствующие атрибутивные знаки *выходят* из этой взаимосвязи, то функции метки и абстракции, предмета-заместителя и признака, а соответственно, и само знание о предмете как таковом и о его отдельном свойстве — вновь сливаются воедино; знание *о свойстве* или *знание о предмете* перестают существовать как *особые знания*. Поэтому, чтобы показать действительный механизм и действительные движущие факторы этой дифференциации, чтобы показать, *как именно* она происходит, нужно рассмотреть еще массу дополнительных факторов, массу сложных языково-мысленных и языково-коммуникативных процессов.

В частности, нужно показать, что с появлением общих синтагматических знаний вероятность закрепления знаний (A) – (B) и (B) – (A) в атрибутивной системе становится неодинаковой (большей для синтагм, у которых на первом месте стоит признак менее широкого класса предметов), что, в связи с этим, различия абстрактных содержаний знаков (A) и (B) могут стать первой формой выражения различий их понятийных функций. Надо учесть и проанализировать особую *способность разума, способность осознания самой формы знания* и ее отношения к предмету, надо рассмотреть *условия* (объективно-содержательные и формальные), а также *механизмы*, которые приводят к возникновению этой способности, наконец, надо рассмотреть возможность *объективации* полученного из осознания формы (называемого *рефлексивным*) знания. Все это — исключительно сложные вопросы, требующие своего специального исследования, которое мы, естественно, не можем здесь проводить; нам важно пока подчеркнуть, что именно возникновение синтагматической формы знания и различие связей значения атрибутивных знаков, входящих в ее структуру, создает ту основу, которая в последующем приводит к формальной, синтагматически и морфологически выраженной дифференциации атрибутивных знаков на существительные и прилагательные. В дальнейшем, по ходу нашего анализа, мы будем делать попутные замечания, освещающие некоторые стороны указанного процесса.

Глава 8 (Б). ОТДЕЛЬНЫЙ СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

§ 30

Предметы объективного мира, уже известные со стороны двух своих свойств и, соответственно, уже зафиксированные в знаниях вида $X — (AB)$, $X... (A) — (B)$ или $X ... (B) — (A)$ могут стать объектом других практически-предметных сравнений. Выделяемые в этих сравнениях свойства, к примеру, $C, D, E ...$, первоначально выражаются в несвязанных, не объединяемых друг с другом номинативных или синтагматических знаниях вида $X — (C)$, $X ... (A) — (C)$, $X ... (B) — (C)$, $X ... (C) — (D)$ и т.п., но затем эти знания объединяются, входят в связь друг с другом и образуют многознаковые формы знания (соответственно, — многознаковые общие формальные знания) более высоких степеней экстенсивности.

Уже в синтагматическом знании $(A) — (B)$, как мы выяснили, выражены единство и связь двух свойств реального предмета (или предметов). Благодаря этому, каждый атрибутивный знак синтагмы получает новые значения и содержания, отличные от первоначальных: предметы A оказываются включающими в себя не только свойство A , но также и свойство B , а свойство B оказывается принадлежащим также и предметам A . В силу этого каждый из входящих в синтагму знаков оказывается как бы уже «впитавшим», «включившим в себя» ее полное содержание и значение. Таким образом, уже во взаимосвязи синтагмы содержится в зародыше *синтез, объединение* в некоторое единство абстрактных значений отдельных знаков, полученных в процессе абстрагирования. Этот синтез принимает развитую форму, когда в процессе труда человек открывает в той группе предметов, к которой относилась указанная синтагма, новые свойства, обозначает их знаками $(C), (D), (E) ...$ и объединяет в одно знание с существовавшей раньше синтагмой.

Мы оставляем в стороне все вопросы о том, почему и как в плане фило- или онтогенеза происходит это объединение, как «согласовываются» области значимости всех объединяемых знаков и т.п., и для упрощения предположим, что существуют такие классы A , что все, входящие в них, предметы обладают общими свойствами $B, C, D, E ...$. Это предположение позволяет нам взять из массы возможных комбинаций синтагматических знаний о единичных фактах

$(...)...(A) — (B)$	$(...)...(B) — (A)$	$(...)...(C) — (A)$
$(...)...(A) — (C)$	$(...)...(B) — (C)$	$(...)...(C) — (B)$
$(...)...(A) — (D)$	$()...(B) — (D)$	$()...(C) — (D)$
$()...(A) — (E) ...$	$()...(B) — (E) ...$	$()...(C) — (E) ...$

и т.д. одну группу *общих* формальных знаний

$(A) — (B)$
 $(A) — (C)$
 $(A) — (D)$
 $(A) — (E) ...$,

которая сокращенно, «в синтетическом виде», может быть выражена во взаимосвязи знания $(A) - (B)(C)(D)(E)...$, и сосредоточить все внимание на анализе ее функционального строения.

Прежде всего бросается в глаза, что взаимосвязь $(A) — (B)(C)(D)(E)...$ по своему строению подобна номинативно-комплексному знанию $X — (B)(C)(D)(E)...$ и, очевидно, может рассматриваться как *замещение* последнего, тождественное с ним в ряде свойств. В то же время, эта взаимосвязь возникает из синтагматических знаний и, очевидно, сохраняет многие свойства последних. Поэтому мы будем называть общее формальное знание вида $(A) — (B)(C)(D)(E)...$ *общим синтагматически-комплексным знанием* или просто — *общим синтагматическим комплексом*.

Как разновидность синтагматического знания, комплекс **(A) – (B)(C)(D)(E)...** сохраняет все те содержания, значения и функции, которые были у простого синтагматического знания **(A) – (B)**. Одновременно он имеет известные особенности в своем строении и за счет этого получает новые дополнительные содержания, значения и функции. Действительно, уже само наглядно-схематическое изображение общего синтагматического комплекса делает прозрачным тот факт, что атрибутивный знак **(A)** занимает в его взаимосвязи особое место: он является тем знаком, к которому посредством связи значения «привязываются» все другие знаки, тем центром, вокруг которого группируются общие синтагматические знания заданной группы, тем центром, который связывает их между собой.

Перенесем сюда ту схему рассуждения, которую мы применили, вводя функцию обобщения предметного знака. Если там атрибутивный знак **(A)**, находясь в связи не с одним, а с несколькими единичными предметами **X, Y, Z...**, приобрел, благодаря этому, *особую* функцию, то и здесь, находясь во взаимосвязи с группой атрибутивных знаков, знак **(A)** также должен получить особую функцию. Эта функция проявляется в двойкой форме: как центр объединения сложившихся независимо друг от друга синтагм, знак **(A)** выступает в функции *знака группировки*; как знак, «впитавший» в себя содержания и значения других знаков синтагматического комплекса, **(A)** выступает в качестве *знака сокращения* всех имеющихся знаний о предметах класса **A**.

Будучи меткой (или обобщением), атрибутивный знак **(A)** обозначал весь предмет (или, соответственно, класс предметов) со всем множеством его свойств (соответственно — их общих свойств), однако все — только потенциально, так как эти свойства не были выделены и отражены в мысли. Теперь, после того как выделены и зафиксированы в особых знаках многие свойства этого предмета (соответственно, предметов), после того, как они все вошли в связь со знаком **(A)**, он становится для людей *представителем* и *знаком сокращения* всех этих свойств не только потенциально, но и реально, он как бы «впитывает» в себя все их значения.

Когда мы, например, произносим слово «империализм», то у каждого, *имеющего понятие об империализме*, возникает не только и не столько отнесение этого слова к каким-то объективным процессам и явлениям, но он, кроме того (и прежде всего), связывает это слово с известными пятью признаками и другими абстракциями, почерпнутыми из ленинской работы «Империализм как высшая стадия развития капитализма» и из других книг. А это и значит, что он использует слово «империализм» не только в качестве абстракции и метки, но и как знак сокращения разветвленной системы знания, фиксированной в целом ряде, в множестве предложений.

Но, чтобы быть знаком сокращения, это слово, очевидно, уже раньше должно было быть знаком группировки, тем знаком, к которому «привязывались» все остальные. Иначе объяснить функционирование этого слова в качестве знака сокращения невозможно.

Нетрудно заметить, что в многознаковых формах вида

$$X \dots (A) - (B)(C)(D)(E) \dots \text{ или } \Sigma X_i \dots (A) - (B)(C)(D)(E) \dots$$

функции знака группировки и знака сокращения теснейшим образом сплетаются с функциями предмета-заместителя и метки. И это вполне естественно, так как где еще могут группироваться знаки свойств и признаков, как не вокруг знака предмета в целом. Но и обратно. То, что знаки предмета-заместителя и метки становятся одновременно знаками группировки и сокращения, усиливает и структурно закрепляет первые их функции, что, безусловно способствует в дальнейшем также и их морфологическому выделению (ср. §).

§ 31

С превращением знака предмета-заместителя общего формального знания одновременно в знак группировки и сокращения он, как правило, теряет свое собственное первоначальное значение абстракции. И это вполне понятно, так как теперь он «впитал» в себя многие абстрактные значения, стал знаком их всех. Другими словами, первоначальное абстрактное значение знака, ставшего предметом-заместителем, знаком группировки и знаком сокращения, *теряется* среди всех других его абстрактных значений. Этот факт хорошо известен и уже

зафиксирован в истории различных наук, в языкознании и логике. Особенно наглядно он прослеживается на примерах этимологии различных слов. Так, в греческом языке знак *μεταλλον* возник для обозначения предметов, «добываемых в рудниках», и, следовательно, в то время выступал прежде всего в роли абстракции. Но затем, по мере увеличения числа предметов, добываемых в рудниках, и с прогрессирующим изучением их, этот знак приобрел новые функции: знака группировки и знака сокращения, — и потерял свое первоначальное абстрактное значение. Уже во времена **Аристотеля** металлами называли некоторые предметы, которые не добывались в рудниках, и, наоборот, многие из добываемых в рудниках предметов металлами не называли⁵⁸.

Точно так же первоначальным абстрактным значением, по которому **Лавуазье** образовал знак «кислород», было: «кислоту родящий». Но, вскоре же, с доказательством того, что соляная кислота не содержит кислород, это абстрактное значение было отброшено и знак «кислород» сохранил лишь функции предмета-заместителя, знака группировки, знака сокращения и метки. Подобные примеры потери первоначального абстрактного значения знаками языка можно было бы приводить без конца.

В ходе этого процесса знак предмета-заместителя становится действительным знаком предмета как такового, знаком *носителя* всех свойств, противостоящего каждому из них в отдельности, то есть знаком субстрата⁵⁹. А, соответственно этому, на основе изменения структуры формы происходит изменение содержательной, категориальной характеристики всего знания (как реального $X — (A) — (B)(C)(D)(E)...$, так и формального $(A) — (B)(C)(D)(E)...$): из атрибутивного оно превращается в *субстрат-атрибутивное*.

Конечно, в плане фило- и онтогенеза это превращение связано с целым рядом других формальных и содержательных изменений в строении и средствах «языкового мышления» как целого, и мы уже об этом говорили (см. §). Специально разбирать их в рамках настоящей работы мы не можем, нам важно лишь указать на факт потери знаком предмета-заместителя своего первоначального абстрактного значения в системе синтагматического комплекса, как на то обстоятельство, которое способствует морфологическому выделению существительных и прилагательных, и должно быть принято во внимание при языковедческом анализе соответствующих процессов.

Для дальнейшего надо специально отметить, что функции знака группировки и знака сокращения едины и овеществлены в одном знаке лишь до тех пор, пока мы имеем дело с *отдельными* и «чистыми» синтагматическими комплексами вида $(A) — (B)(C)(D)(E)...$; в дальнейшем, в более сложных видах знания, вырастающих на их основе, функции знака группировки и знака сокращения «расщепляются» и распределяются между различными знаками формального знания (например, в определении «ромб — параллелограмм, у которого все стороны равны»). Точно так же, функции знака группировки и знака сокращения неразрывно сплетены с функцией предмета-заместителя только в «чистом» синтагматическом комплексе, поскольку он берется вне связи с другими знаниями, а в дальнейшем, в более сложных видах знания (в том числе в тех, где учитываются связи между синтагматическими комплексами) это единство нарушается и становится необязательным.

Функции знака группировки и знака сокращения, поскольку мы берем их в отвлечении о функции предмета-заместителя, являются *формально-структурными* или *чисто формальными*; только сплетаясь с функцией предмета-заместителя они приобретают объективно-содержательный оттенок.

§ 32

Нетрудно заметить, что с усложнением общего формального знания, с увеличением числа знаков, объединяемых в нем, все более увеличивается роль и практическое значение процессов «подведения» и «соотнесения». Действительно. Предположим, что какой-то предмет X впервые попадает в сферу индивидуального опыта и мы, посредством практически-предметного сравнения, открываем в нем свойство A . Пусть, далее, мы имеем общее формальное знание о предмете-заместителе (A) , содержащее, к примеру, четыре признака: B , C , D и E . Чтобы практически исследовать предмет X дальше и получить о нем знание, соответствующее по

экстенсивности уже имеющемуся знанию о предмете-заместителе (А), мы должны проделать **четыре** операции практически-предметного сравнения, должны четыре раза ставить предмет **X** в отношение реального взаимодействия с предметами-индикаторами и четыре раза сопоставлять его с предметами-эталоны. Как мы уже и говорили, дело — весьма трудное и долгое, а для отдельного индивидуума часто и просто невозможное. В то же время, используя имеющееся формальное знание о предмете-заместителе (А), мы получим то же самое знание о единичном предмете **X** с помощью всего двух операций: одной практической — сравнения, и одной формальной — «присоединения».

Осуществляя процесс соотнесения, мы можем проделать то же самое, получить сложное пятиэкстенсивное знание о единичном предмете, а затем, действуя так же формально, «выбрать» из четырех имеющихся признаков один, *практически нужный* нам в данный момент, отнести его непосредственно к предмету **X** (путем «сокращения» всех других) и оперировать затем с этим предметом так, как будто мы обнаружили в нем соответствующее свойство практически.

Благодаря меньшему числу составляющих частей и, главное, благодаря чисто формальному характеру своей второй части, последний путь исследования представляется значительно более выгодным и экономным; он дает тот же самый результат, что и первый, практический путь, но более легкими для индивида средствами, а поэтому, при наличии общего формального знания, он всегда замещает первый путь исследования. Нередко для отдельных индивидов второй — формальный — путь исследования является единственно возможным.

Различие между знаниями о единичном факте, полученными один раз практическим путем, а другой раз — путем формального соотнесения, заключается только в том, что первые носят достоверный, а вторые вероятный характер⁶⁰. Однако для задач нашего исследования это различие несущественно, и поэтому мы оставляем его в стороне.

Глава 9 (В). ПРОСТЕЙШЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

§ 33

Из анализа структуры процессов подведения и соотнесения следует, что *знак обобщенного заместителя (А)* играет в них, а вместе с тем, и в самих формальных знаниях особую роль: он связывает формальное знание как целое с единичными объектами и в этом плане является *знаком-посредником*. Но, чтобы выполнить эту роль успешно, то есть чтобы обеспечить вероятно-истинный характер знаний об объекте **X**, получаемых с помощью процессов подведения и соотнесения, знак обобщенного заместителя должен иметь *только одно* строго установленное абстрактное значение, соответствующее той, и всегда только той операции практически-предметного сравнения, которая лежит в основе номинативного знания **X** — (А) и выделяет класс предметов, обозначаемый обобщенным заместителем (А), — именно этот класс предметов подразумевается при выработке общего формального знания (А) – (В)(С) (D)... . Однако, как уже было показано выше, с превращением знака обобщенного заместителя одновременно в *знак группировки* и сокращения, его собственное первоначальное абстрактное значение и соответствующая этому значению познавательная операция «теряются» среди значений и операций всех других знаков, которые он объединяет вокруг себя в общем знании, то есть знаков (В), (С), (D)... . Но если знак обобщенного заместителя «теряет» свое особое абстрактное значение, то он перестает соответствовать строго определенному классу предметов окружающей действительности и в силу этого уже не может быть тем знаком, через который осуществляется связь формального знания как целого с единичными объектами. Вместе с тем теряет свой смысл и значение само формальное знание: исчезает возможность соотносить его с единичными объектами и разворачивать дальше, находя новые общие свойства какого-либо класса предметов. Чтобы вновь стать «полноценным» и получить возможность участвовать в процессах подведения и соотнесения, формальное знание должно каким-то образом «вернуть» знаку обобщенного заместителя его особое строго определенное абстрактное значение. Это достигается особым путем: в системе формального знания

появляется еще один знак — будем обозначать его **(a)**, — «принимающий на себя» то абстрактное значение, которое раньше было у знака обобщенного заместителя. (Поэтому, несмотря на увеличение числа знаков в форме и, соответственно, в формальном знании, *экстенсивность* знания остается прежней).

Если, к примеру, мы имеем общее формальное знание «Кислота — есть соединение, содержащее водород, способный замещаться металлом с образованием соли, образующее в водном растворе положительно заряженный ион водорода и проводящее электрический ток, при нейтрализации щелочи дающее соль и воду, воздействующее как катализатор на некоторые химические реакции, например, превращающие целлюлозы в моносахариды и т.д.», то для того, чтобы использовать его в процессах соотнесения, то есть при практическом исследовании конкретных веществ, мы должны, кроме того, знать, что «все то, что окрашивает лакмус в красный цвет, — кислота» или, по меньшей мере, что «все кислое — кислота». Если мы возьмем последний пример, то сделанное выше замечание о том, что новый знак «принимает на себя» то абстрактное значение, которое раньше было у знака обобщенного заместителя, станет совершенно ясным: ведь первоначальное содержание слова «кислота» и было — «кислое на вкус», и лишь постепенно, в ходе развития понятия о кислоте, в него вошли, «включились» все те признаки, которые сейчас перечисляются при введении этого понятия в учебниках и руководствах. В более сложных случаях значение знака, о котором мы говорили, не соответствует первоначальному абстрактному значению знака, ставшего обобщенным заместителем, и той операции, которая выделяла содержание, фиксировавшееся в этом знаке, но это происходит только в силу *дополнительного* процесса изменения содержания всего знания о кислоте, начинающегося уже после того, как возник этот новый знак, и в силу того, что он вступил в связь со знаком обобщенного заместителя и принял на себя особую функциональную роль в системе формального знания. Анализ закономерностей этого процесса должен стать предметом особого исследования.

§ 34

Новый знак свойства возникает в системе формального знания *в связи* с процессами подведения и соотнесения и *лишь для них*. Он должен обеспечить ту связь между формальным знанием как целым и реальными предметами, которая разорвалась из-за потери знаком обобщенного заместителя своего особого абстрактного значения. Поэтому в процессах подведения и соотнесения этот знак должен встать между знаком обобщенного заместителя и реальными предметами. Тогда структура реального знания, являющегося результатом процесса подведения, приобретет вид

$$X — (a) — (A) — (B)(C)(D) ,$$

а структура общего формального знания, используемого в этом процессе, соответственно, вид

$$(a) — (A) — (B)(C)(D) \dots$$

Сопоставим новые усложненные структуры знания с прежними.

Знаковое образование **(a) — (A)** в новой структуре выступает в качестве *функционального замещения* знака **(A)** прежней структуры и поэтому — как целое — несет на себе все те функции и значения, которые были у прежнего знака **(A)**. В то же время, внутри этого образования происходит *распределение* функций между его элементами: новый знак **(a)** принимает на себя функции *абстракции* и *обобщения* прежнего знака, а за знаком **(A)** остаются лишь функции *обобщенного заместителя*, *знака группировки* и *знака сокращения*. Важно специально отметить, что здесь происходит также *расщепление функции обобщения*: одна из сторон обобщения остается связанной с функцией абстракции (это — обобщение, непосредственно связанное с познавательной операцией и выделяемым ею свойством); другая сторона оказывается связанной с замещением класса предметов как таковых и, соответственно, с функциями группировки и сокращения. Функция *посредника* остается за обоими знаками, но несколько изменяется: знак **(a)** в процессах подведения является посредником между реальными предметами и обобщенным заместителем, а знак **(A)** в этих же

процессах — посредником между знаком свойства (**a**) и знаками других свойств (**B**), (**C**), (**D**) В процессах соотнесения роль посредника играет все образование (**a**) – (**A**) в целом.

Но самое важное изменение, которое претерпевает структура знания, заключается в появлении связи *принципиально нового типа*, именно — между знаками (**a**) и (**A**). Если мы возьмем формальное знание вне связи с процессами подведения и соотнесения, то знак (**a**) выступает в нем просто как знак признака обобщенного заместителя наряду со всеми другими знаками признаков. Структура формального знания в этом случае должна быть изображена так: (**A**) - (**a**)(**B**)(**C**)(**D**). Связи, соединяющие знаки признаков со знаком обобщенного заместителя, в общем случае являются *ограниченно-двухсторонними*, то есть такими, что переход по ним без всяких ограничений совершается лишь от знака обобщенного заместителя к знакам признаков — слева направо. А когда мы хотим перейти в противоположном направлении — от знаков признаков к знаку обобщенного заместителя (в традиционной логике это называется *обращением*), — то в общем случае должны ввести дополнительный ограничивающий квантор «некоторые». К примеру, мы говорим, что «все кислоты — соединения», но, вместе с тем, оборачивая это предложение, мы скажем, что только «некоторые соединения — кислоты». В то же время, нетрудно заметить, что знак (**a**) может выполнить свою опосредствующую функцию в процессах подведения и соотнесения (ради которой он был введен) только в том случае, если связь между ними <знаками признаков> и знаком обобщенного заместителя будет *неограниченно-двухсторонней*: только в этом случае он может остаться знаком признака и, в то же время, сможет становиться *между* знаком обобщенного заместителя и реальными предметами в процессах подведения и соотнесения так, чтобы движение шло от него к знаку предметов. Например, мы говорим, что «все кислоты окрашивают лакмус в красный цвет», но точно так же мы говорим, что «все вещества, окрашивающие лакмус в красный цвет, — кислоты».

Благодаря особому характеру своей связи со знаком обобщенного заместителя, признак (**a**) занимает *особое* место среди всех других признаков в системе общего формального знания: он приобретает особую, *чисто формальную* функцию — быть *выделяющим признаком*, очерчивающим границы того класса обобщения, с каждым членом которого — *как целое* — может быть соотнесено общее формальное знание.

§ 35

Часто выделяющее свойство называют *существенным* и рассматривают как свойство, занимающее особое место «внутри» самих объектов. *Это понимание является одним из следствий принципа параллелизма формы и содержания мышления, принятого в традиционной логике* (ср. **Главу 2**); оно — *глубоко ошибочно*. В реальных объектах *нет* «выделяющих» свойств; *все* свойства каждого из них *вместе* составляют его индивидуальность и его отличие, все они вместе выделяют его из других объектов. Свойство, которое мы принимаем в качестве выделяющего, принадлежит каждой единичности, входящей в класс, к которому относится формальное знание (**a**) – (**A**) – (**B**)(**C**)(**D**), но это свойство «отличает» или «выделяет» каждую из них, взятую саму по себе, ничуть не больше, чем любое другое ее свойство. Только объединяя ряд единичностей в один класс, отражая объекты этого класса *в виде одной логической конструкции*, представляющей собой *систему знаков*, мы *порождаем* задачу выделить среди всех знаков, из которых строится эта логическая конструкция, какой-то один, который бы обеспечивал определенность и постоянство того класса предметов, к которому мы относим эту конструкцию. Только *в силу этой задачи* знак (**a**), а вместе с тем — и фиксируемое им свойство, приобретают особое значение в *системе формального знания и для самих объектов*. Иначе говоря, свойство, фиксируемое как выделяющее, является «*существенным*» для каждого объекта *только с точки зрения задачи подведения этого объекта под определенное формальное знание*; если мы подводим этот объект под другое формальное знание, то «*существенным*» становится другое свойство.

Истинный смысл и значение проблемы существенности связаны совсем не с атрибутивным знанием. Эта проблема возникает только в контексте логико-диалектических исследований связей и структур самих объектов, то есть в контексте процессов восхождения от абстрактному к конкретному.

§ 36

Значение и содержание знака **(а)** всегда имеют *операционный* характер. Когда выделяющий признак выражается развернутой языковой формой, подобной уже приведенным выше: «Кислота — то, что окрашивает лакмус в красный цвет» или «Элемент — то, что не может быть разложено (заданным способом) на более мелкие части», — то это обнаруживается особенно отчетливо, но, в принципе, *операциональная природа* значения и содержания этого знака может быть выявлена и во всех других случаях. Если мы возьмем, к примеру, такую форму, как уже приведенная: «кислота — кислое», — то без труда обнаружим за знаком **(а)** — «кислое» — схему операции практически-предметного сравнения: «кислое» — значит «вызывающее кислый вкус во рту», то есть определенное изменение в индикаторе **I**, но эта характеристика *изменения индикатора*, вызванного воздействием исследуемого объекта, по определенной схеме *переносится на сам объект*.

Операционная природа выделяющего признака самых разнообразных знаний, а вместе с тем — и необходимость сознательного выделения ее, рельефно обнаруживаются также в процессах обучения. Исключительно характерными в этом отношении являются опыты П.Я. Гальперина и Н.Ф. Талызиной по формированию понятий «прямая линия», «перпендикуляр», «прилежащие углы» и т.п.⁶¹

§ 37

Как видно уже из примеров, приведенных выше, выделяющий признак может быть (а чаще всего является) *сложным*, то есть включает в себя целый ряд знаков, определенным образом связанных между собой. Тогда взаимосвязь «выделяющий признак — обобщенный заместитель» оказывается уже не просто связью двух знаков, а сложным многознаковым образованием, занимающим особое место в системе целостного формального знания. Именно это образование в традиционной логике принято называть «определением» или «дефиницией». Собственно, если говорить точнее, то только эти многознаковые образования, обладающие определенной внутренней структурой (чаще всего «родо-видовой»), и называют «определением», а на простейшие образования вида **(а) – (А)** эту характеристику не распространяют.

В противоположность этим подходам мы считаем, что уже простейшая взаимосвязь **(а) – (А)**, функционирующая в системе процессов подведения и соотнесения, обладает всеми необходимыми признаками определения; она является «чистой» моделью определения, наиболее удобной для функционально-структурного исследования. Анализ этой модели, проведенный выше, позволяет ввести понятие об определении так:

определение есть такая взаимосвязь знака признака и знака обобщенного заместителя в системе общего формального знания, которая позволяет осуществлять процессы подведения единичных объектов под это формальное знание и процессы соотнесения этого знания с единичными объектами.

Сама связь между знаками признака и обобщенного заместителя должна быть *неограниченно-двухсторонней*, а признак — *операциональным*. Иначе можно сказать так:

определение — это взаимосвязь между знаками обобщенного заместителя и выделяющего признака.

Исследовать детали развития структуры и функций определения — задача специальных работ. Здесь мы хотим указать только на существование *двух существенно различных линий*, по которым может идти это развитие.

Первая заключается в усложнении формы выражения выделяющего признака и связана, с одной стороны, с *объективным усложнением* той системы сопоставлений предметов, посредством которой выделяется содержание, фиксируемое в этом признаке, с другой — с *осознанием* этой системы сопоставлений. Так, например, переход от определения «кислота — вещество, содержащее кислород» к определению «кислота — вещество, содержащее водород, дающий в водном растворе положительно заряженный ион» объясняется объективным изменением самой системы сопоставлений, а переход от определения «кислое — кислота» к определению «то, что вызывает ощущение кислого во рту, — кислота» обусловлен осознанием структуры сопоставления. В этом случае определение сохраняет свою общую «грубую» схему **(a) – (A)** и разворачивается только за счет появления новой, более «тонкой», системы связей внутри самого **(a)**.

Вторая линия заключается в усложнении общей, «грубой», структуры определения, в увеличении числа функционально различающихся элементов в ней. Она обусловливается усложнением и канонизацией тех формальных систем, в которые объединяются отдельные формальные знания. Нетрудно, например, заметить, что наравне и одновременно со знанием **(a) – (A) – (B)(C)...** должны существовать и применяться знания **(b) – (B) – (E)(F)...**, **(e) – (E) – (K)(L)...** и т.п. Необходимость использовать все эти разнообразные знания в сложных процессах мышления, стремление сделать эти процессы предельно формальными, ставят задачу объединить их в целостные формальные системы, что, в свою очередь, порождает задачу найти простые и отчетливые правила организации, обеспечивающие внутреннюю непротиворечивость этих систем и возможность формально «двигаться» внутри них в максимально большем числе направлений. Одним из способов такой организации явилась так называемая «родо-видовая» система знания, при которой определение получило структуру **(a)(B) – (A)**, где: **(A)** — вид; **(a)** — «видообразующее» отличие; **(B)** — «род», который выступает в функции знака сокращения, объединяющего *все те признаки*, кроме **(a)**, которыми может обладать **(A)** как знак сокращения.

Мы ограничимся этим коротким замечанием относительно различий во «внутренней» структуре определений, так как ни анализ возможных типов сопоставлений предметов, посредством которых мы получаем содержание выделяющих признаков, ни анализ принципов организации формальных систем знания не входят в задачи настоящей работы.

Нам важно подчеркнуть только то, что по какой бы линии ни шло развитие структуры определения, его назначение или функция в процессах мышления остается и должна оставаться неизменной. Эта функция — осуществлять связь между двумя плоскостями знания: плоскостью объектов и выделяемого в них содержания — и плоскостью формальных знаний. Наглядно-схематически изображение структуры определения должно фиксировать именно этот факт, эту сторону дела. Это значит, что оно должно изображать не только элементы самого определения, но и те элементы более широкой структуры, с которыми определение связано, оно должно быть, следовательно, изображением той более широкой структуры, в которую определение «вписано», «вставлено», внутри которой оно «живет», функционирует. Если воспользоваться символикой, учитывающей структуру плоскости содержания, то подобное изображение будет иметь вид

$$\begin{array}{c} \uparrow \\ \text{X } \Delta \end{array} \quad \begin{array}{l} \text{(a) – (A) – (B)(C)(D) ...} \\ (1) \end{array}$$

Оно наглядно фиксирует, что определение, по сути дела, причастно обеим плоскостям — и плоскости содержания, и плоскости формы, что его элементы и связи относятся к ним обеим. Проанализировать и понять «внутреннюю» структуру определения вне и помимо анализа его «внешней» структуры, изображенной выше, вне анализа *процессов выработки* этих структур и *процессов их использования* — невозможно.

§ 39

Анализу структуры и функций определения была посвящена масса работ⁶², но до сих пор остается невыясненным, какой же специфический (выделяющий) признак лежит в основе понятия «определение». Объясняется это, на наш взгляд, прежде всего *двумя основными методологическими ошибками*.

Во-первых, отсутствием *генетического подхода* к вопросу; различные по своему внутреннему строению определения, относящиеся к разным генетическим этажам мышления, рассматриваются наряду друг с другом как одинаковые.

Во-вторых, тем — и на это обстоятельство мы уже указывали выше, — что *структуры определения анализируются безотносительно к мыслительной деятельности*, задающей тот «контекст», в котором «живет» и функционирует само определение.

Эти общие методологические ошибки имеют своим следствием то, что специфику определения ищут в его «внутренней» структуре (форме), в то время, как ее нужно искать в *роли* этого образования внутри других, более «широких» структур, следовательно, в *его функции*. Обратной стороной этого является то, что при анализе «внутренней» структуры определения игнорируют, не учитывают сознательно его «внешние» связи, то есть связи с содержанием и с другими элементами формы знаний, которые складываются в ходе функционирования определения.

В частности, это проявляется в том, что разрывают на части единую структуру определения, представленную на схеме (1), каждый раз берут отдельные ее части, и односторонние характеристики этих частей противопоставляют друг другу как разные виды определений.

Когда, к примеру, в ходе анализа определения выделяют и выдвигают на передний план операциональную характеристику содержания выражения **(а)**, то есть **(а)** берут в отношении к **ХД**, то определение выступает как *определение через абстракцию*⁶³.

Если же содержание выражений **(а)** и **(В)(С)(D)...** рассматривают как свойства объекта **Х** или признаки обобщенного заместителя **(А)** и берут в отношении к другим возможным свойствам и признакам, то определение выступает как *реальное*⁶⁴.

Если, напротив, элементы взаимосвязи **(а) – (А)** берут с точки зрения их значения и при этом отвлекаются от всего остального, в частности, от функции самой этой взаимосвязи, то оказывается, что у **(А)** то же самое значение, что и у выражения **(а)**, и определение в этом случае выступает как чисто *номинальное*, то есть чаще всего как «*конвенциональное*» или «*арбитрарное*» установление смысла символа **(А)**⁶⁵.

Наконец, в тех случаях, когда связь определения рассматривают с точки зрения взаимосвязи **(а) – (А) – (В)(С)(D)...**, определение выступает как утверждение, обладающее «эмпирической истинностью», или, иначе, в традиционной терминологии, — как «*синтагматическое*» суждение. И это верно, так как связь **(а) – (А)** есть лишь часть связи **(а) – (В)(С)(D)...** и, вместе с тем (в условиях разрыва процесса соотнесения), — *форма проявления этой связи*. В этом плане оно ничем не отличается от любой другой синтагмы или синтагматического комплекса и, поскольку **(А)** берется как знак группировки и сокращения, нуждается в таком же оправдании посредством *процессов согласования* или каких-либо других.

Все перечисленные выше характеристики являются *односторонними* характеристиками определения (или, точнее, его частей и аспектов), но они, как правило, противопоставляются друг другу⁶⁶. **К. Айдукевич** убедительно показал, что такое

противопоставление неправомерно и что различные понятия определения не исключают друг друга⁶⁷. Но это означает, фактически, что *эти понятия не могут быть использованы при построении* единой теории мышления.

Г.П. ЩЕДРОВИЦКИЙ

АТРИБУТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ В «ЯЗЫКОВОМ МЫШЛЕНИИ»

(проспект книги объемом 16-20 авт. листов)

Обоснование темы

Атрибутивные структуры — наиболее распространенный вид знаний, выражаемых в обычном словесном языке. Вместе с тем они явились той общей формой построения языка, в которой долгое время выражались знания всех других категориальных типов, — явление, сохраняющееся и сейчас. Именно атрибутивные структуры языкового мышления явились тем материалом, на основании которого Аристотель построил свою теорию выводного знания и положил начало формальной логике. Именно в связи с этим частным видом языковых структур были построены первые исчисления математической логики и до сих пор ведутся философские дискуссии о структуре знания вообще, о природе знака и его значении. К этому можно добавить, что до сих пор по сути дела все теории определения ориентированы исключительно на атрибутивные структуры. Все это делает актуальным и значимым их анализ: мы можем рассчитывать здесь на важные результаты как в плане получения новых данных о строении элементов «языкового мышления», так и в плане критики идеалистических и позитивистских спекуляций на этих проблемах.

План книги

ВВЕДЕНИЕ

Кратко излагаются те практические потребности и запросы, которые делают необходимым изучение этой темы. Показано, каким образом, исходя из этих практических задач, формулируются теоретические проблемы и задается необходимый предмет изучения.

Глава 1-я. ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Перечисляются и описываются принципы, на которых строится исследование. Обосновывается понимание логики как эмпирической науки. Кратко излагается идея восхождения от абстрактного к конкретному и возможности применения ее при исследовании данной темы. Описываются процедуры эмпирического анализа атрибутивных структур и метод псевдогенетического выведения их в процессе восхождения. Анализируется соотношение между знаковыми структурами и мыслительной деятельностью.

Глава 2-я. СТРОЕНИЕ ОПЕРАЦИЙ ПРАКТИЧЕСКИ-ПРЕДМЕТНОГО СРАВНЕНИЯ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АТРИБУТИВНЫХ СТРУКТУР

Анализируются и описываются основные предпосылки и условия становления операций практического сравнения — выделение объектов-индикаторов и объектов-эталонов, перенос фиксируемых изменений с индикатора на исследуемый объект, время и отвлечение от него и др. Вводятся исходные определения атрибутивного знания.

Глава 3-я. ОТДЕЛЬНЫЕ НОМИНАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ

Рассматривается простейшая форма атрибутивного знания — связь номинации. Обосновывается возможность анализа ее в качестве простейшей составляющей. Вводятся понятия связи замещения, функции, значения. Рассматриваются составляющие значений, фиксируемых в номинативно-атрибутивных структурах.

Глава 4-я. ГИПОТЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА НОМИНАТИВНЫХ СТРУКТУР

Строится идеальная система номинативных знаний и рассматривается отношение между «полями» знаковых форм и их содержаний. Намечаются возможные линии «движений» в подобных системах и возникающие при этом противоречия.

Глава 5-я. «ПОЛИНОМИНАТИВНЫЕ» СТРУКТУРЫ И ИХ СИСТЕМЫ

Рассматривается одна из намеченных выше линий развертывания системы номинативных знаний. Показывается, что на основе подобного механизма можно объяснить факты, обнаруженные в так называемых «первобытных» языках Л.Леви-Брюлем и др. исследователями. Анализируются трудности, к которым приводит подобное развитие знаний и языка.

Глава 6-я. МЕТОД ПСЕВДОГЕНЕТИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ СИСТЕМЫ «ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ»

Описывается ход рассуждений, примененных в предшествующем исследовании: прием введения «разрывов» и их преодоления. Обсуждается взаимоотношение псевдогенетического вывода и исторического исследования.

Глава 7-я. РЕАЛЬНОЕ И ФОРМАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ

Рассматривается общая функция знания — предвосхищение опыта. Выявляются необходимые для осуществления этой функции свойства знания. Показано, что номинативные знания должны превращаться в более сложные формы. Разбирается экспериментально-психологический материал, подтверждающий наличие такого перехода у детей. Вводятся понятия о реальном и формальном знании. Ставится вопрос об их связи, и, на основе этого, — об их сходстве и различии.

Глава 8-я. СТРОЕНИЕ ОТДЕЛЬНОЙ СИНТАГМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Рассматриваются функции отдельных знаков в синтагматической структуре. Описываются виды содержаний, фиксируемых в них, и те противоречия в знаниях, которые возникают благодаря различию этих содержаний. Показано изменение функций знаков и, соответственно, значений в зависимости от изменения внешних функций синтагмы.

Глава 9-я. МЕТОД СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА ЗНАЧЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ГЕНЕТИЧЕСКОГО ВЫВЕДЕНИЯ

Описываются схемы рассуждений, примененных в предшествующих главах, формулируется ряд правил, задающих алгоритм структурно-функционального анализа. Кратко излагается история выделения этого метода в немецкой классической философии.

Глава 10-я. К ТЕОРИИ ЗНАЧЕНИЯ ЗНАКОВ

На основе изложенного выше анализа значений синтагмы дается краткое изложение теорий значения. Начиная от Платона, Аристотеля, стоиков, через средние века, и кончая Фреге, Гуссерлем, Карнапом, Квайном, школой лингвистического анализа и дискуссий об

универсалиях. Критикуется идея расчленения теории значения на синтактику, семантику и прагматику.

Глава 11-я. ОТДЕЛЬНЫЙ СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

Рассматриваются линии дальнейшего развертывания синтагматических структур. Показано, как меняются функции отдельных знаков с усложнением структуры «языкового мышления». Специально обсуждается вопрос об «объяснительных» возможностях введенных таким образом структур.

Глава 12-я. ПРОСТЕЙШЕЕ «ОПРЕДЕЛЕНИЕ», ЕГО НАЗНАЧЕНИЕ И СТРУКТУРА

Развертывание синтагматических знаний в комплексы создает затруднения и парадоксы особого рода. Разрешение их достигается путем введения особых структур, получивших название «определений». Анализируется место определений в более широких структурах знаний и функции входящих в них знаков. Кратко рассматриваются основные точки зрения на природу определения. Дается их оценка с точки зрения введенных структур «языкового мышления».

Глава 13-я. СТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ АТРИБУТИВНЫХ ЗНАНИЙ

В этой главе анализируются трудности, возникающие из-за расхождения между истинными знаниями о единичных объектах и возможными формальными знаниями. Выясняются условия и способы построения системы атрибутивных знаний, допускающей «необходимое» формальное выведение. Рассматривается место и функции подобных формальных систем в «языковом мышлении».

Глава 14-я. ЛОГИКА И ОНТОЛОГИЯ

Анализируются формы знаний, необходимых для выделения формальной языковой системы. Обсуждается роль и функции аристотелевой родо-видовой картины мира в выделении атрибутивной системы. Рассматриваются функции «объемных», круговых изображений, введенных Лейбницем и Эйлером. Обсуждается вопрос о соотношении между логикой, онтологией и специально-научным эмпирическим анализом мира.

Глава 15-я. К АНАЛИЗУ ТЕОРИЙ АТРИБУТИВНОГО ЗНАНИЯ В ЛОГИКЕ

Кратко излагаются и обсуждаются основные направления и этапы отражения систем атрибутивного знания в логических учениях. Рассматривается соотношение теорий объема и содержания знания. Излагается теория различений в теории связки и направления трактовки природы логических кванторов.

Глава 16-я. ВЗАИМООТНОШЕНИЕ СИСТЕМЫ АТРИБУТИВНЫХ СТРУКТУР И ФОРМАЛИЗОВАННЫХ ЛОГИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Здесь показывается, как рефлексивные теоретические описания системы атрибутивных структур порождают формализованные логико-математические системы. Последние выступают в двойной функции: 1) как особые системы, лежащие наряду с атрибутивной системой; 2) как системы, управляющие оперированием внутри атрибутивной системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В кратком заключении рассматриваются: 1) место атрибутивных структур в общей совокупности форм «языкового мышления» и 2) место теории атрибутивных знаний в системе всей логической теории.

* * *

Часть материалов из этой темы была в сокращенном виде опубликована:

1. О строении атрибутивного знания. Сообщения I-VI.
Доклады АПН РСФСР. 1958, № 1 и 4; 1959, № 1, 2, 4; 1960, № 6.
2. «Языковое мышление» и его анализ.
Вопросы языкознания. 1957, № 1.
3. Принцип «параллелизма формы и содержания» мышления и его значение для традиционных логических и психологических исследований. Сообщения I-IV.
Доклады АПН РСФСР. 1960, № 2, 4; 1961, № 4, 5.
4. К анализу исходных принципов и понятий формальной логики.
Доклады Болгарской Академии наук. 1966, а также перепечатка на английском языке в журнале «Systematics», 1967.
5. Логические и лингвистические универсалии в типологическом исследовании языков.
Материалы симпозиума. 1966.
6. Проблемы методологии системного исследования.
Изд-во «Знание», 1961, а также перепечатка на английском языке в журнале «General Systems», T.XI, 1966.

2 октября 1967

Г.П. Щедровицкий

Текст подготовил В.А. Проскурнин
Харьков, 1998

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следуя за А.А. Зиновьевым, мы будем обозначать реальные предметы и их свойства просто буквами, а знаки, являющиеся формой знания об этих предметах и свойствах — буквами в круглых скобках.

² Напомним, что мы с самого начала абстрагировались от всех вопросов, связанных с генезисом номинативного знания. Чтобы разобраться в них, нужно <провести> исследование с принципиально иным планом, нежели намеченный нами. Методологическое обоснование возможности такой абстракции дано в **Главе 2 (Б)**.

³ Работы по истории языка дают на этот счет немало интересных примеров. Так, можно было бы предположить, что первыми в языковом мышлении должны были появиться слова-понятия для тех цветов, которые наиболее распространены в природе: для голубого и зеленого. Однако, человек начинает называть цвета особыми словами только тогда, когда эти цвета получают определенное значение в трудовой практике коллектива. Известно, что скотоводство было одним из важных занятий населения на Кавказе. Скотоводство создает необходимость различать масти животных, и вот оказывается, что у некоторых народов слова-названия для мастей животных появляются раньше, чем названия для других цветов и видов окраски. Так, например, в адыгейском языке первичные односложные слова-корни обозначают названия именно масти животных. Слово «фы» обозначает «светлый», «масть со светлыми подпалинами, пятнами», «чьо» — «рыжий», «красноватый», «тхьо» — «буланый», «ихьо» — «светло-серый», «голубовато-серый». Названия *цветов вообще* образуются лишь вторичным путем от названия мастей с помощью словообразовательного суффикса «жы». Понятие «голубой цвет» образуется еще более сложным образом: «шхьуантэ». Потребность в обозначении цветов вообще, очевидно, появляется у адыгейцев (как и у других народов) только вместе с появлением первой техники окрашивания (см. Н. Яковлев, Д. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. 1941. Стр. 226–227).

⁴ М.Я. Гальперин и Н.Ф. Талызина. Формирование первоначальных геометрических понятий на основе организованного действия учащихся. «Вопросы психологии», 1957, № 1, стр. 94.

⁵ В.И. Зыкова. Оперирование понятиями при решении геометрических задач. Известия АПН РСФСР, № 28, 1950, стр. 179–180.

⁶ Там же, стр. 198.

⁷ См. по этому поводу: Е.Н. Кабанова-Меллер. Психологический анализ географических понятий и закономерностей. Известия АПН РСФСР, № 28, 1950 :

« 1. Слабые и часть средних по успеваемости учащихся не сумели в констатирующем эксперименте применить понятие водораздела (подвести заданное экспериментатором понятие водораздела). Это неумение обусловливается тем, что учащиеся опираются на элементарное наглядное обобщение. Вследствие усвоения понятий только на однотипном материале, несущественный признак («небольшая» возвышенность, изображенная на схеме) неразрывно связан с существенным и принимается учащимся за необходимый признак. Эту наглядную связь (т.е. неправильное обобщение) учащиеся переносят в свое понятие, что создает резко суженный его характер, — водоразделом может быть только небольшая возвышенность.

2. Наглядный образ (мысленно воспроизведенная схема из учебника) в этом случае оказывает тормозящее влияние на процесс применения понятия: учащиеся переносят частные детали с этого образа на заданный объект». (Стр. 133–134).

... (неразборчивая приписка рукой Г.П.Щ).

⁸ По этому поводу см.:

A. Church. Carnap's Introduction to semantics. The Philosophical Review. LII, 3, 1943;

Philosophy and Analysis. N.Y. 1954 (Сборник статей, опубликованных в журнале Analysis по проблеме значения);

Essays in conceptual (?) analysis, London, 1965 (?) (Сборник статей представителей «Оксфордской школы». Среди них: Флю. Философия и язык; П. Струсон. Об отнесении; Е. Дейтау. Картинная теория значения).

Специально о значении как способе употребления: G. Ryle. Ordinary Language. The Philosophical Review, April, 1953; J. Evans. On meaning and Verification Mind. Jan., 1953.

Возражения против такого понимания: R. Abelson. Meaning use and rules of use. Philosophy and Phenomenological Research. Vol. XVIII, №1, Sept., 1957.

Критические замечания на концепцию значения Р. Карнапа, изложенную в его книге «Meaning and Necessity», Chicago. 1947: G. Ryle. Meaning and Necessity. The British Journal of Philosophie. Jan., 1949; W. Ouine. Designation and existence. Journal of Philosophy (?), Vol. 36. 1939.

⁹ Постановку вопроса о функционарном и генетическом способах исследования сложного исторически развивающегося целого и о взаимоотношении этих способов (правда, в несколько иной связи) см. в статьях В.А. Грушина: Логические и исторические приемы исследования в «Капитале» К. Маркса (Вопросы философии, 1955, № 4); Маркс и современные методы исторического исследования (Вопросы философии, 1958, №3), а также в его диссертации «Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития», МГУ, 1957.

¹⁰ По этому поводу см.: А.А. Зиновьев. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» Маркса). Диссертация, МГУ, 1954.

¹¹ Там же.

¹² Там же: Глава 2-я, § 1.

¹³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Письма о капитале. Стр. 67, 77. (Изд., том — ?)

¹⁴ Правда, Н.Х. Швачкин рассматривал не атрибутивные свойства предметов и, соответственно, не атрибутивные знания, а преимущественно так называемые «практически-функциональные» свойства и знания о них, но мы можем воспользоваться его опытами в качестве примера и косвенного доказательства, так как и атрибутивные знания и «практически-функциональные» образуются и функционируют в основном одинаково и их различие не играет существенной роли в том плане, который мы сейчас рассматриваем.

¹⁵ Н.Х. Швачкин. Экспериментальное изучение ранних суждений ребенка. Известия АПН РСФСР, № 54, 1954, стр. 94–95.

¹⁶ Н.Х. Швачкин. Психологический анализ ранних суждений ребенка. Известия АПН РСФСР, № 54, стр. 113–115.

¹⁷ Цитируется по книге: С.Д. Кацнельсон. Историко-грамматические исследования. I. Из истории атрибутивных отношений. М., Л. 1949, стр. 263.

¹⁸ А.А. Потебня. Из записок по русской грамматике. III. <Изд., год — ?>, стр. 102.

¹⁹ С.Д. Кацнельсон. Историко-грамматические исследования. Стр. 264.

²⁰ ...?... (Ф. Слотти)

²¹ ...?... (Дельбрюк)

²² ...?... (Хирт)

²³ ...?... (20 - 23 — проверить по: С.Д. Кацнельсон ... — см. 19)

²⁴ См., например, Н.О. Лосский. Логика. Петроград, 1922. Стр. 16–33; Ахманов. Логические формы и их выражение в языке. В сб.: Мышление и язык. Госполитиздат, 1957. Стр. 174–179, 188–209; Споры о логическом субъекте и физическом объекте в современной английской школе анализа. <Изд., год — ?>

²⁵ **С точки зрения логики самого процесса исследования, мы вообще не можем говорить о функционировании или развитии какого-либо явления до тех пор, пока не начнем рассматривать его в системе.** Действительно, если мы берем единичное знание, то в нем процессы функционирования и процессы развития не отделимы друг от друга. И то и другое есть в реальности единый процесс. Вернее было бы даже сказать, что в этих знаниях как таковых нет ни процессов функционирования, ни процессов развития. Смешно, например, говорить, что какое-либо конкретно данное единичное знание функционирует или развивается. Оно не развивается и не функционирует, оно просто *есть, существует, осуществляется*. Однако, в ходе исследования этих знаний мы выделяем в них две разные стороны — процессы функционирования и процессы развития, и каждая из этих сторон становится предметом особого рассмотрения. Но это значит, что от исследования отдельного знания мы переходим к исследованию *системы* знаний. Смешно говорить о функционировании или развитии какого-либо единичного знания. Оно не имеет ни того, ни другого, а *система знания* — и это кажется вполне естественным — и функционирует, и развивается. Иначе это можно выразить так: говоря о процессах функционирования и процессах развития знаний, мы рассматриваем конкретно данные единичные знания каким-то особым образом, не как отдельные, а в особой связи, и эта связь, ее специфика, образует специфику той или иной (функционарной или генетической) системы знаний, специфику того или иного предмета рассмотрения. См. § ??

²⁶ Подробный перечень литературы, в которой разбирается вопрос о природе отрицательного суждения, можно найти в статье В. Виндельбанда «К учению об отрицательном суждении» в сб. «Прелюдии», СПб. 1904.

Сюда же можно добавить статью Лосского «Логическая и психологическая сторона утвердительных и отрицательных суждений» в книге «Основные вопросы гносеологии», Пгр., 1919.

²⁷ Подходы к экспериментальному исследованию этой проблемы имеются у Л.С. Выготского (Мышление и речь. Гл. 5-я и 6-я. — В: Избранные психологические исследования. М., 1956), и в какой-то мере у Швачкина (Экспериментальное изучение ранних обобщений ребенка. Известия АПН РСФСР, вып. 54, 1954). Тщательное исследование механизмов выработки новых операций сравнения является в настоящее время одной из важнейших задач психологии и логики.

²⁸ Это подтверждается массой эмпирически установленных фактов из области онто- и филогенеза языкового мышления. (См., например, Л.С. Выготский. Мышление и речь. Гл. 5-я и 6-я. Избранные психологические исследования. М., 1956). Об этом же говорят почти все исследователи так называемой «первобытной» психологии и «первобытного» языка. Например, С.Д. Кацнельсон: Каждое первобытное имя обозначает не одно, а несколько качеств данного предмета, вследствие чего и качественные значения сплетаются в целые пучки. Например, слово, обозначающее соляное озеро и корку соли на дне высыхающего соляного озера в качественном отношении может означать «белый-вязкий-густой» и т.п. (Историко-грамматические исследования. М.Л., 1949, стр. 265).

²⁹ Такой вариант создания знаков и, соответственно, образования знаний, может иметь место в том случае, когда открытое в предметах U, W, X... второе свойство A' одновременно открывается в предметах K, S..., которые, однако, не имеют первого свойства A, общего для предметов U, W, X, Y, Z... Тогда ни знак первого свойства (A), ни знак второго свойства (A') уже не могут стать обозначением этих двух свойств и, соответственно, обозначением класса предметов U, W, X... Возникает новое название, обозначающее единство этих двух свойств, а другие названия остаются для обозначения каждого свойства в отдельности.

³⁰ Ясно, что этот процесс идет особенно интенсивно в той области, где лежат основные практические интересы коллектива. Обилие названий для предметов, различия между которыми вызывают к себе практический интерес, сочетается с крайней бедностью языка в тех случаях, когда практические нужды непосредственно не требуют такой дифференциации.

Характеризуя язык бразильского племени бакайри, К. Штейнен пишет: «Количество понятий зависит прежде всего от особенностей интересов. С одной стороны, по сравнению с нашими языками наблюдается обилие слов, служащих названиями животных и родства, с другой стороны бедность, которая вначале просто поражала: "уэво" означает и гром и молнию, "кери" — дождь, бурю, облако.»

Согласно данным Мюллера у туземцев Гавайи есть только одно слово «*aboba*» для обозначения таких чувств, которые мы называем любовью, дружбой, уважением, признательностью, доброжелательством и т.д. Но эти же туземцы располагают многими словами для обозначения направлений ветра и его силы.

Весьма бедный по своей лексике язык лапландцев имеет свыше тридцати названий для обозначения северного оленя — животного, играющего большую роль в их жизни. (См.: K. von Jon Steinen, Unter der Naturvölker Zentral-Brasiliens. S. 80.; Л. Леви-Брюль. Первобытное мышление.; Л.О. Резников. Проблема образования понятия в свете истории языка. Философские записки, 1, 1946, стр. 179-237).

³¹ Это определение точно так же не является окончательным, и в дальнейшем, в связи с анализом более сложных видов знания, нам придется дать еще одно, иное определение номинативного знания.

³² Уже в одном этом выражении, на наш взгляд, заключена грубая ошибка. Так называемые «первобытные» народы и их мышление является не более первобытным, чем мы сами, и, соответственно, наше мышление. Эти народы развивались иначе, и, в частности, по другому пути пошла эволюция их языкового мышления. Но точно так же, как мы не можем сказать, что растения являются более первобытными, чем животные, на том основании, что способы приспособления к окружающей среде у тех и других различны, так и тут мы не можем относить мышление этих народов к генетически более ранней ступени, чем наше, только на том основании, что оно другое.

Сопоставляя языковое мышление этих народов и наше, мы должны объяснить их как результат особых путей развития, по-видимому, из одного общего основания. Чтобы реконструировать это общее основание, надо применить специальные приемы и способы исследования (см. Б.А. Грушин. Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития. Диссертация, МГУ, 1957).

³³ K. von Jon Steinen. Unter der Naturvölker Zentral-Brasiliens. S.80.

³⁴ По-видимому, то обстоятельство, что в подобных системах знания каждый знак языка обозначал сравнительно узкую группу одинаковых по многим своим свойствам предметов, привел исследователей к неправильному выводу о том, что понятие, или специфически-мысленное знание в этих системах совпадает с чувственным образом этих предметов. О том, что это не так говорят не менее многочисленные примеры из этих же систем знания и из этих же языков. Вот яркая иллюстрация: в языке эскимосов разными словами обозначают моржа, находящегося на льдине у берега или на лежбище (то есть доступного охотнику), и моржа, находящегося далеко в море, (то есть недоступного). См. В. Бунак. Происхождение речи по данным антропологии. Труды института этнографии. XVI. М. Стр. 255.

³⁵ Л. Леви-Брюль. Первобытное мышление. Стр. 112.

³⁶ Язык и мышление в доклассовом обществе. Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934, № 9-10. Стр. 39-40.

³⁷ Н.Х. Швачкин. Экспериментальное изучение ранних обобщений ребенка. Известия АПН РСФСР. Вып. 54. М., 1954. Стр. 91-95. См. также §§ 3,9 нашей работы.

³⁸ Там же, стр. 95. Правда, Н.Х. Швачкин рассматривал не *атрибутивные* свойства предметов и, соответственно, не атрибутивные знания, а преимущественно так называемые «*практически-функциональные*» свойства и знания о них, но мы можем воспользоваться его опытами в качестве примера, так как, по-видимому, атрибутивные и практически-функциональные сложные знания образуются и функционируют в основном одинаково и их различие не играет существенной роли в том плане, который мы сейчас рассматриваем.

³⁹ См., например, Тезисы пражского лингвистического кружка (Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков. Составитель В.А. Звегинцев. М., 1956. Стр. 432). По-видимому, уже из языкознания это различие пришло в психологию. (А.Р. Лурия: Травматическая афазия. М., 1947) и антропологию (В.В. Бунак. Происхождение речи по данным антропологии. Труды института этнографии. Новая серия. Т. XVI. М. ??).

⁴⁰ Н.Х. Швачкин. Экспериментальное изучение ранних обобщений ребенка. Стр. 84, 104-108.

⁴¹ Там же. Стр. 35.

⁴² ...?...

⁴³ В.В. Бунак. Происхождение речи по данным антропологии. Стр. 272.

⁴⁴ Там же. Стр. 274.

⁴⁵ Собственно, то переосмысление номинативно-комплексной формы, связанное с появлением синтагматической способности, о котором мы говорили в § 20, представляет собой не что иное, как осознание этого преобразования функций.

⁴⁶ Обсуждаемый здесь вопрос, если ставить его в общем виде, есть проблема «целостности» органической системы, которую мы уже рассматривали в Главе 3 (см. § 6). Вопрос об абстракции, которую надо осуществить, анализируя обособляющийся элемент такой целостности, поставлен работами А.А. Зиновьева (Метод восхождения от абстрактного к конкретному на примере «Капитала» К. Маркса. Диссертация. МГУ. 1954, K problemu abstraktniho in konstrualno ... philisophij ...(??) 1958, № 2) и будет специально обсуждаться в подразделе: **В: МЕТОД ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ.(??)**

⁴⁷ О приемах, необходимых для выявления объективных связей, смотри в работе А.А. Зиновьева «Логическое строение знаний о связях» (В сб. Вопросы логики. М.-Л. 1959. Исследование и выделение *связей свойств как особых элементов действительности* появляется значительно позднее, на так называемом «аристотелевом» этапе мышления, о чем мы будем специально говорить ниже, в последнем разделе нашей работы.

⁴⁸ К ней приложимо все то, что мы уже говорили относительно отрицательного номинативного знания (см. § 16).

⁴⁹ Аристотель. Первая аналитика, кн.2, гл.23. Л., 1952.

⁵⁰ Довольно полный перечень литературы по проблемам индукции дан в книге G.H. von Wright. The logical problem of induction. Oxford, 1957.

⁵¹ См., например: В.Ф. Асмус. Логика. М., 1947. Стр. 253-256; ...(?)

⁵² Поэтому мы и называем этот процесс мышления процессом «согласования», а затем переносим это название на все другие процессы мышления, посредством которых создаются общие формальные знания.

⁵³ Это обстоятельство создало целую литературу о вероятностном характере индукции. (Довольно полный перечень ее см. ⁵⁰ в уже названной книге Г.Х. Райта). В следующем параграфе, специально посвященном этому вопросу, мы покажем, что вероятностное рассмотрение знаний нисколько не решает проблем, возникших на пути исследования их строения, и поэтому является попыткой подмены действительного предмета изучения.

⁵⁴ ...?...

⁵⁵ См., например, статью «Металлы», Большая Советская Энциклопедия, 2 изд., т.27.

⁵⁶ Рассматривая какие-либо предложения реального развитого языка в качестве примеров каких-либо языковых образований, полученных путем абстрактных рассуждений, мы всегда должны помнить, что вплоть до завершения восхождения от абстрактного к конкретному (см. §§ 6,7), что ни одно из предложений, *взятое как целое*, в его конкретности, *заведомо* не может соответствовать образованным в процессе восхождения абстрактным моделям: каждое из них имеет целый ряд других, еще не учтенных на этой ступени восхождения сторон, а те стороны, которые специально отражены в моделях, чаще всего проявляются в этих примерах в особой, модифицированной форме, не похожей на их проявление в моделях. Поэтому всякий пример такого рода может быть только более или менее наглядной иллюстрацией, и, анализируя его, мы должны отвлекаться от целого ряда сторон, которые в нем, безусловно, есть, но которые, в то же время, не соответствуют поясняемой модели. В данном случае, в частности, мы должны отвлечься от того безусловно существующего значения предложения «упала картина», высказанного по поводу шума в комнате, которое может быть выражено специальным предложением «если шум, то что-то упало», или предложением «шум вызван падением чего-то»; мы должны отвлечься от того значения абстракции, которое существует у слова «упала» в первом случае, и у слова «картина» — во втором, благодаря тому, что они входят во взаимосвязи номинации $X \rightarrow$ «упала» и $X \rightarrow$ «картина», а также от функции знака сокращения, которую несет на себе слово «картина» в первом предложении (см. § 30), и от целого ряда других побочных обстоятельств.

⁵⁷ Приведем еще раз мнение Ф. Слотти: «...Первоначально было всего две основных категории, в которых человек упорядочивал данность окружающего мира: *предметы* (в широком смысле этого слова) и *признаки*; им должны были соответствовать два основных типа слов: это обозначения предметов и признаков... Были ли эти два основных типа слов первоначально — обозначения предметов и признаков — внешне узнаваемы, то есть были ли эти типы *формально* различены? Не подлежит никакому сомнению, что различение этих типов слов посредством звуковых средств (формант или суффиксов) не было необходимым; ибо, поскольку, говорят не словами, а предложениями, то различение вполне может быть достигнуто за счет места или за счет тона (которые в такой же мере являются различениями формы) или тем и другим вместе. Что такое понимание дела не является фикцией, показывают факты из индогерманских языков... Одна и та же форма слова могла быть обозначением и предмета и обозначением признака; во флексивный период из нее развились глагол, существительное, прилагательное».

⁵⁸ В средние века неопределенность абстрактного значения знака «металлы» привела к появлению уродливого по своему логическому смыслу понятия «полуметаллы». В XIX веке, в связи с расщеплением понятий «элемента» и «простого тела», знак «металлы» получил два различных абстрактных выделяющих значения, что привело к двойственности соответствующего понятия, сохраняющейся, к сожалению, до наших дней. См. статью «Металлы», БСЭ, 2 изд., т. 27.

⁵⁹ Сравни с рассуждениями Х. Зигварта о понятии вещи. Логика, т. II, Учение о методе. § 72. СПб. 1908, стр. 99-117.

⁶⁰ ...?...

⁶¹ Гальперин П.Я., Талызина И.Ф. Формирование начальных геометрических понятий на основе организованного действия учащихся. Вопросы психологии, 1957, N1.

⁶² Подробная библиография дана в: *Dubislov V.W.* Die Defintion. 1931.

Из более поздних работ мы можем назвать: книгу П. Матерны — *Zu einigen Fragen der modernen Definitioslouse*. 1959 -??, весьма интересную статью К. Айдукевича — *Three Concepts of Definition*. *Logique et Analyse*. 1958. Vol. I. № 3-4, а также книгу — *Robison R.* Definition. 1954.

⁶³ Яновская С.Я. О так называемом «определении через абстракцию». В сб.: *Философия математики*. М., 1936; Кутюра Л. *Философские принципы математики*. СПб, 1913, стр. 39-40, 43-49, 88-91, 96-97.

⁶⁴ *Ajdukiewicz K.* Three Concepts of Definition. *Logique et Analyse*. 1958. Vol. I. № 3-4. P.115, 117-119, 125-126.

⁶⁵ Кутюра Л. *Философские принципы математики*. СПб, 1913, стр. 13, 34-35, 37-38, 56-57; *Ajdukiewicz K.* Three Concepts of Definition. *Logique et Analyse*. 1958. Vol. I. № 3-4. P. 119-124.

⁶⁶ Кутюра Л. *Философские принципы математики*. СПб, 1913, стр. 37-38, 96-97.

⁶⁷ *Ajdukiewicz K.* Three Concepts of Definition. *Logique et Analyse*. 1958. Vol. I. № 3-4.